

**Евгений Валентинович Носов Сергей Иванович Павлов
Игорь Викторович Пидоренко Виталий Иванович Пищенко
Михаил Пухов Таисия Пьянкова Александр Валентинович
Силецкий Евгений Сыч Игорь Ткаченко Дмитрий Федотов
Олег Игоревич Чарушников Анатолий Шалин
Румбы фантастики. 1988 год. Том II**

&OCR - Tanja45

«Румбы фантастики. 1988 год. Том II»: «Молодая гвардия»; Москва; 1989
ISBN 5-235-01069-8

Аннотация

Сборник лучших фантастических повестей и рассказов (в 2-х т.), изданных в 1988 году Всесоюзным творческим объединением молодых писателей-фантастов при ИПО ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия».

Составитель: Л. В. Ханбеков.

Предисловие: Виталий Севастьянов (1-й т.).

Библиография: Александр Каширин (2-й т.).

сборник
**РУМБЫ
АНТАСТИКИ**

Щкола
Ефремова

1988

ТОМ 2

МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1989

Евгений Носов

ЗЕМЛЕЙ РОЖДЕННЫЕ

Он проснулся за полчаса до общего подъема. Наскоро позавтракал, выдавив полный тюбик питательного коллоида себе в рот, запил бульоном из-под крана. Потом быстро втиснулся в комбинезон и подошел к двери. Постоял, прислушиваясь, и осторожно выглянул из своего блока. На террасе никого не было. Тогда он вышел на террасу, бесшумно прикрыл за собою дверь и спешным шагом направился к спуску на нижние ярусы города.

Только бы никого не встретить, только бы не встретить, молился он своей обычной утренней молитвой. Он знал, что, кроме него, в этот ранний час бодрствовала в городе только дежурная смена, а сам город спал, и ему оставалось спать еще восемнадцать минут условно-ночного времени. И все же он не хотел быть замеченным кем-то.

Лифты включались с общим подъемом, и он спускался с яруса на ярус по обычной лестнице. Слабые дежурные светильники гоняли его нервную тень то впереди него, то позади. Дважды он резко оглядывался на свою тень. Впрочем, страха он не испытывал, просто не хотел, чтобы его заметили: слишком уж приметным он был, чтобы остаться неузнанным. Никого не встретив, он прошел уже почти половину пути, спустившись на четвертый ярус города, как услышал голоса — они приближались. Он быстро спрятался в тень лифтовой ниши.

— ...что такое вкус? — услышал он конец фразы, произнесенной низким грубоватым, совершенно лишенным интонаций голосом.

— В каком значении? — спросил другой, но очень похожий на первый голос, только чуть с трещинкой — с хрипотцой.

— Из Совета пришло указание улучшить вкус коллоида.

— А-а, — понимающе протянул второй, — снова Герий чудит... В этом значении вкус

— ощущение на языке, во рту, или свойство пищи, являющееся источником этого ощущения.

— Вот-вот, — подхватил первый, — значит, нужно улучшать источник. Выходит, Герию нужно, чтобы мы меняли рецептуру коллоида. А как улучшать, если состав до молекул контролирует Машина? И что значит — улучшать, если рецептуру составляла та же Машина?..

— Вот у нее и спроси, — равнодушно посоветовал второй голос, — или у самого Герия; раз он дает такие указания.

Двое в белых комбинезонах Пищевиков подошли к лестнице и стали спускаться.

«Надо же, — удивился он. — Пищевики — такая старая династия, а о вкусе говорят, как о чем-то отвлеченном...»

Он дождался, когда эти двое спустятся на следующий пролет, и, неслышно ступая, двинулся за ними.

Больше ему никто не повстречался на пути. Пищевики остались на ярусе Жизнеобеспечения станции, и он беспрепятственно спустился к подножию города. Выйдя из него, он осторожно, ступил в темноту, ничем не подсвечиваемую, кроме слабого мерцания звезд, и медленно, но уверенно зашагал прочь от города.

Он торопился выйти на берег моря, чтобы не пропустить момент включения солнца.

Задребезжал требовательно зуммер. Конструктор покосился на слепой экран видеотора и неприязненно поморщился, представив на нем плоские двухмерные лица — не живые, а преобразованные, потерявшие свою живость в электронных цепях...

Запершись в своей лаборатории, Конструктор хотел скрыться от всего и всех. Он заблокировал автоответчик видеотора и не отзывался ни на какие запросы по связи. Закрыв глазки видеокамер, решетки звукоуловителей и речевого синтезатора Машины. Колония и Машина не должны были видеть его — одинокого и растерянного перед жестокой неумолимостью выбора. Конструктор боялся холодного рассудка Колонии, которая наверняка уже расценивает его двухнедельное самозаточение как уклонение от забот общества. Заботы же были — выжить и выполнить Программу, а Конструктор был необходим обществу, поскольку от него во многом зависела судьба Программы и ее смысл. Да и требовалось сейчас от Конструктора всего ничего — решить судьбу его новой модели; не губить же на такую малость драгоценное время.

Только решение к Конструктору не приходило. И он уже перестал видеть смысл в самозаточении...

Он подошел к пульта видеотора, прикрыл ладонью фиолетовую кнопку отзыва, подержал так руку и, заставив себя, с силой вдавил кнопку в пульт.

Сразу осветившийся экран показал часть зала Совета Колонии — просторное полупустое помещение с выкрашенными в небесный цвет стенами, с высоким куполообразным потолком. Перед камерой полукругом сидели в креслах пятеро членов Совета. Лица троих с застывшим на них единообразным выражением холодноватой надменности — крепко сжатые губы, недвижные и невидящие глаза — были как маски, рельефы, вылитые из одной формы. И позы их тел повторяли одна другую: прямые спины, прямые колени, руки — крест-накрест — на груди.

Конструктор не стал задерживать своего взгляда на этой троице и перевел его на близнецов, сидевших сбоку и чуть в отдалении. Эти члены Совета были тоже похожи друг на друга, но еще и на самого Конструктора. Такие же, как и у него, крутые угловатые лбы, те же, глубоко посаженные, серые пристальные глаза, упрямые выпирающие скулы, резкие складки на чуть впалых щеках. Но их отличали взгляды внешне одинаковых глаз и мимика похожих лиц.

Бар сидел, глубоко откинувшись в кресле, и, исподлобья поглядывая на Конструктора, бесцеремонно покачивал ногой.

«Он уже решил, — встревожился Конструктор, заметив на губах Бара едкую ухмылку.

И с какой-то обреченностью: — Опредил меня».

Герий, второй из близнецов, сидел на краешке кресла, низко опустив голову, и, казалось, не интересовался происходящим; он развлекался с кибернетической головоломкой, одной из тех, что специально для него придумал и смастерил Бар. Как ни старался Герий скрыть свой интерес, однако Конструктор перехватил его быстрый косой, настороженный взгляд на экран.

Позы всех пятерых говорили о силе и здоровье молодости, а лица — о жестоком максимализме не слишком обремененного жизненным опытом духа. И цвет комбинезонов правителей Колонии словно нарочно был выбран — прохладно-серебристый. Совет Колонии — краса, гордость и надежда Колонии, неумолимый вершитель Программы.

Никто не выказал удивления неожиданным отзывом Конструктора. Рано или поздно ему все равно пришлось бы объясняться: Колония требовала решения и знала, что ответ будет, а, раз сам Конструктор являлся членом Совета, то и ответ он должен сначала держать перед Советом.

Первым, как и ожидал Конструктор, заговорил Бар.

— Конструктор, — без приветствия и предисловий, будто продолжая давно начатую беседу, сухо проронил он куда-то вниз, — мы преклоняемся перед твоими заслугами и безоговорочно признаем тебя самым талантливым из всех твоих предшественников. В этом нас поддерживают все колонисты, с этим согласна и Машина...

Переполненная собственным достоинством троица церемонно качнула головами, как бы этим жестом удостоверяя слова Бара. Будто им пришла команда на поклон... Конструктор сдержанно улыбнулся наивной наигранности этой сцены: он понимал, что этим троим принципиально безразлична судьба его новой модели, она никаким боком не касалась их клонов, а вид всепонимания — это всего лишь игра в Совет.

Заметив улыбку Конструктора, Бар повысил голос:

— Но ты не защищен от заблуждений, даже при всех твоих достоинствах, и потому мы считаем, — он поднял голову и прямо посмотрел на Конструктора, — мы настаиваем, чтобы ты прекратил опыты с твоей последней моделью, твоим новым Оранжевым.

Бар подчеркнуто произнес последние слова, как бы тем самым отделяя себя от Конструктора и его модели.

— Поведение Оранжевого раздражает колонистов, — продолжал Бар. — В Совет поступило множество заявлений и просьб изолировать его от общества. Особенно много их поступило в последнее время, когда ты прятался от нас в лаборатории. Впрочем, о жалобах ты и сам прекрасно осведомлен как член Совета. Но тебе еще неизвестно, что сейчас большинство колонистов и мы считаем Оранжевого опасным для окружающих. — Уловив маленькую паузу в речи Бара, троица враз согласно кивнула. — К тому же, — многозначительно добавил Бар, — заключение Машины гласит...

Конструктор спокойно принял выпад Бара о том, кто и от кого прятался, но упоминание о Машине возмутило его.

— Я тоже член Совета, — решительно остановил Бара Конструктор, правда, откровенно играя на эффект, — и без моего заключения ваше решение, пусть даже подкрепленное мнение Машины, будет несостоятельным. Или вы считаете заключение Машины вернее моего?!

— Нас большинство, — вставил Бар. — И даже без Машины большинство. Ты не подчиняешься мнению большинства? — с иронией спросил он.

— Я? — в тон ему переспросил Конструктор. — Какому же большинству я должен подчиняться, твоему? — Бар хотел что-то возразить, но Конструктор опередил его: — Кто дал вам право на суд?! — резко проговорил он. — Кто?..

Герий вздрогнул — головоломка выпала из его рук, — и, весь подобрравшись, он вскинул голову, с испугом посмотрел на Конструктора.

Похоже, он принимал это собрание Совета за простой фарс, но ни в коей мере не за судилище. А сейчас Конструктор будто вскрыл для него какой-то новый смысл.

Только секунду помедлил Бар.

— Ты дал нам право на суд, — вдруг жестко выговорил он. — Ты сам, Конструктор, и твоя старость! — Герий сделал рукой протестующий жест, но Бар словно не заметил этого и продолжал: — Никто и никогда еще в Колонии не жил столько, сколько прожил ты. Ты сознательно нарушил регламент продолжительности своей жизни, не имея на это никаких прав...

И этот выпад Конструктор принял с достоинством. Конечно, это сверхцинизм, когда тебе напоминают от твоей задержке в этом мире. Словно напоминание только и служит для того, чтобы дать тебе вовремя понять о наступлении той роковой поры, когда нужно уступить свое место более решительным.

Да, он нарушил регламент жизни. Но пошел на это не ради собственной выгоды и не из пресловутого цепляния за жизнь, которой он не дорожил с самого рождения, а во имя истины, как бы громко это ни звучало, истины, которая другими, может быть, утеряна или не найдена никогда. Не забывал он и о законе ограничения жизни, принятом пятым поколением Колонии, едва не погибшим от перенаселенности. Только сейчас не те времена. Изменения в укладе жизни Колонии произошли качественные. Уже в прошлых поколениях поняли, что нерационально плодить несовершенные клоны, лучше клонировать тех, кто закрепил свое умение в каком-то деле, проявил себя. И во всех последующих поколениях колонистов нужно только закреплять навыки, приобретенные их предшественниками. К тому же, для нормальной работоспособности Колонии и обслуживания Программы нет смысла в каких-то сверхнормативных колонистах. Такая установка сама по себе являлась ограничителем роста населения Станции. А закон о регламенте оставался формально-обязательным, но его придерживались, потому что пятое поколение заложило в Машину запрет на всякое изменение закона. И никто из колонистов не противился регламентному уходу из жизни. Да и что означал такой уход, если все остается в клонах? Но то, что обнаружил Конструктор, его клон не хотел понимать, — вот почему он задержался...

«И вот первая скрипка этого маленького оркестра уже спела ему прощальную песнь. Что же ты молчишь, вторая скрипка? Или ты считаешь, что твоя партия недостаточно наиграна?» Конструктору пришли эти не совсем ему понятные слова, когда он с надеждой смотрел на Герия. Но тот снова опустил голову книзу, будто лежавшая у его ног головоломка приковывала внимание.

— ...еще сотни и сотни лет полета к Цели, а позади уже тысячи, — услышал Конструктор голос Бара и удивился, обнаружив, что за своими мыслями прослушал многое и сейчас утерял связь.

— Но ты последний из Конструкторов. И вместо того, чтобы готовить себе смену, ты с каким-то непонятным усердием возишься с Оранжевым, будто он выше всего и всех в Колонии. Неужели не ясно, что если ты уйдешь без замены в ничто, нам нет смысла продолжать полет?..

Да-да, — немедленно отозвался один из троицы, — будет ли... иметь...

Бара заметно покоробил это ненужный сейчас лепет «большинства», но он все же нашел в себе силы закончить в спокойном ироническом тоне:

— Или, может, нам восстановить клон твоего предшественника?..

Конструктор снова уловил связь: спектакль разыгрывался по железному логическому закону. Бар подготовил такие вопросы, даже постановкой которых он обеспечивал себе преимущество перед Конструктором. Потому что на них не могло быть ясных в своей логике ответов. Ясность же была нужна для подавляющего числа колонистов, в том числе и для троицы: двусмысленность, а еще более многозначительность не принимались никем в виду своей неконкретности и некорректности.

— Я должен отвечать? — спросил Конструктор у Бара, как у постановщика всего этого спектакля.

— Да.

— Трудно принять решение, не зная его истинности, — после паузы, как бы самому

себе, сказал Конструктор.

Он внимательно оглядел членов Совета, как бы внушая им серьезность того, что готовился им открыть, и остановил взгляд на Герии: только он сможет и должен понять Конструктора, потому что только в него заложено понятие о душе. И все уловки Бара отнять у него душу посредством киберголоволомок бессмысленно. Поведение Герия на сегодняшнем судилище вообще трудно считать логичным: душа, пусть и слабая, поднимается над логикой.

Конструктор решил сказать об этом.

— В мире не все подчинено логике и рассудку, особенно для того мира, откуда мы пришли. В мире живого незримо, но присутствует то, что называется неопределенностью. И если равновесие вдруг нарушается, справедливо ли считать, что весы склоняются к верному решению?

Герий напряженно вслушивался.

Конструктор, ободренный его вниманием, понял, что пришла пора говорить еще яснее, еще конкретнее, говорить с той непреодолимой ясностью, которая будет достаточно прозрачна для Герия и Бара. Он хорошо знал: для остальных членов Совета все выраженные им мысли будут всего лишь набором каких-то, далеко не всегда понятных, слов. Но на Герия он рассчитывал. Он знал, что если его слова до кого-то дойдут, то, прежде всего, до Герия.

— Вы требуете от меня определенности, — в голосе Конструктора сквозила запальчивость, — но я подчеркиваю, что практически на любую ситуацию можно накрутить сколь угодно вариантов решения. Все зависит от наклонностей принимающего такое решение. Плохо бывает для дела, когда эти наклонности оказываются сплошь одинаковыми, потому как отсутствует при этом борьба за истину; из альтернативы выбирается простейшее.

— Так и в случае с моей последней моделью. С моим новым Оранжевым, — повторил он специально для Бара. — Вы нашли простейшее — уничтожить... Я же нахожу в нем существенные отличия от всех клонов Колонии, я нашел в нем непонятное и для себя. А из непонятного всегда следует неопределенность. Как же я в таком случае могу уничтожить модель, не разобравшись, тупиковая это ветвь или, напротив, прогрессирующая?

— Если я сам сомневаюсь, то как же я могу обучать других? Не могу же я передать ученикам свою беспомощность. Да и не хочу, чтобы и они были попрекаемы Советом за неопределенность! Так не лучше ли, — Конструктор с горечью усмехнулся, — не проще ли поставить новым Конструктором колониста, заранее лишённого сомнений! Тем более, что в таковых на Станции недостатка нет. Взять того же Вита или геном моего предшественника, который создал Вита... Ну, а моделирование... Если не я обучу, то Машина подскажет: уж она-то начисто лишена сомнений...

Лицо Бара напряглось, резче обозначились складки на щеках, взгляд стал колючим: он понял, к кому Конструктор обращал свои последние сказанные слова и по кому они били.

— Конструктор, — стараясь голосом не выдать своего волнения, вымолвил Бар, — ты говоришь очень красноречиво, но нам неясен смысл в твоих рассуждениях.

— Непонятен? — притворно удивился Конструктор. — Это кому же: тебе, Герию, или?.. А я думал, что ты прекрасно меня понял. И особенно про Машину...

От Конструктора не ускользнула и усмешка на лице Герия, который наконец-то поднял голову.

— Непонятен нам, — упрямо повторил Бар. Он тоже понял свою ошибку, произведенную собственной несдержанностью. Вопреки всем клонам — прошлым и настоящим — Бар считал Машину просто механизмом и не обожествлял ее, как все. И Конструктор и Герий знали об этом. Знали они также и об отношении Бара к клонам, и к членам Совета, которых он привлек на свою сторону. Сейчас же, когда Конструктор исподволь намекал об этом, тем самым он только дальше уводил на свою сторону Герия, занимавшего до этого нейтралитет.

За разговором Бар упустил из виду троицу, и теперь уже поздно было подтягивать их понимание на нужный уровень. Конструктор не давал передышки: он сыпал такими словами,

которые, несомненно, были знакомы троице, но в новых сочетаниях теряли для них всякий смысл. И никто из троих уже не знал, где поддакивать, а где отрицать. Это было заметно по ним: спесь с них слиняла, их лица стали постными.

Вышло так, что Бар остался в одиночестве. В одиночку же ему ни за что не переубедить Конструктора.

— Но существует же Цель, — попытался примирить спорящих Герий. Голос его прозвучал жалко и просительно. — Есть Программа... — Он осекся, наткнувшись на полный сожаления взгляд Конструктора.

Заминкой тут же воспользовался Бар.

— Во имя Цели, во имя Программы, — несколько торопливо заговорил он, — мы настаиваем на прекращении опытов с новыми моделями. Оранжевый должен быть нейтрализован. — Вот здесь пришедшая в себя троица не враз, но кивнула. — И во имя будущего, — сыпал Бар высокопарными словами, — мы настаиваем на том, чтобы ты, Конструктор, готовил себе замену. И приступай к этому немедленно. Таково решение Совета!..

Связь резко прервалась. Слишком поторопился Бар, и Конструктору не удалось видеть реакции остальных членов Совета. Но он, глядя на опустевший экран и будто продолжая разговор, размышлял вслух:

— Возможно, ты прав. И даже все вы правы в своем осуждении — будущее для вас. Это вам жить и работать дальше, мое же время кончилось. Но за мной прошлое. Мои сомнения, мои ошибки и удачи, вся работа над созданием нового. И от лица этого прошлого я заявляю вам — мы не вправе принимать решения по Оранжевому. Не можем по очень простой, но многое усложняющей причине: мы не люди...

Он замолчал. Долго и пристально вглядывался в экран, словно надеялся, что его слышат близнецы, так похожие друг на друга и на него самого...

Его могла слышать Машина. Даже наверняка она слышала и записывала его слова в свою память. Только он не боялся Машины: ей не дано было понять сказанного. И эти слова осядут где-нибудь на кристаллах памяти переориентированными диполями, пока их не сотрет время...

Он успел. Высоко вверху вдруг вспыхнул и засиял багряно-красный шар. Сияние ширилось, разгораясь, заливало пламенем пространство под сводами Станции. Накалялось...

Тихо зашелестело о берег море. Небольшие пологие волны сладко потягивались по гальке, будто море расправляло затекшие за ночь мускулы. И сразу же от него потянуло прохладой.

Солнце раскалилось уже до оранжевого, а море все еще оставалось темным, не желая расставаться с нейгой. Но по мере того, как все ярче, все ослепительней разгоралось светило, море нехотя открывало свою глубокую синь.

Он знал, что высоко под куполом Станции установлены мощные светильники, которые и освещают все, что находится под ними, а в море скрыты наклонные вибраторы, вызывающие рябь на поверхности моря и прибой. Он знал об этом с детства. И все же приходил сюда. Здесь, со многим известным ему, было много неизвестного. Почему так медленно разгораются светильники, зачем нужен городу такой огромный купол над ним, для чего море и волны? Почему берег в некоторых местах песчаный, в других — галечный, а далеко в стороне, там, где сходятся с куполом берег и море, высятся, нелепо громоздясь, скалы? К чему все это, если вся жизнь Колонии заключена и проходит в городе?..

Много на Станции было неизвестного и непонятного, но никто ничего не мог объяснить. Так нужно, так есть — и только.

А ему нравилось самому «открывать» солнце, он хотел, чтобы море просыпалось только при его появлении на берегу, и сам берег, усеянный мелкими окатанными камешками, был для него одного.

Он недоумевал, почему все это оказалось никому не нужным, и, кроме него, сюда больше никто не ходит. А он любил все это. И чувствовал во всех, на первый взгляд,

несуразностях и излишествах потаенный смысл и значение. Неспроста все было так устроено. И он придумывал всему свои объяснения.

Конструктор запросил у Машины досье Оранжевого.

В который уже раз внимательно просмотрел результаты анализов и тестов, всю программу работ с моделью. Еще раз прочел заключение Машины. «Модель 133, дубль 4/2 может причинить вред Колонии, поскольку нельзя с достаточной степенью достоверности построить логические обоснования ее поведения. Алгоритм поступков модели незаконномерен и не поддается прогнозированию. Программа мышления модели 133, дубль 4/2 составлена некорректно, имеется целый ряд неконтролируемых параметров. Как то...» Дальше Конструктор обычно не дочитывал.

«Конечно же, Совет прислушался к мнению Машины, ведь и меня она уличила в отходе от принятых норм, — думал Конструктор. — Только Машине не дано понять, что истины, сформулированные в ее памяти, могут быть и постулативными, построенными на умозрительных заключениях конструкторов, когда-то работавших с ней. Да и что Машина, она всего лишь контрольная форма для нас, ее мышление — это мышление первых поколений Станции. А мы как-никак опередили ее уже на двадцать поколений. Если я введу в Машину не подкрепленный обоснованием параметр, то получу всего лишь новый постулат, удобный для меня, и помеху в поиске истин для следующих поколений. У Машины нет чувств, стало быть — и сомнений. Она будет все принимать так, как это ей задано. И ей никогда не понять, почему у модели может быть непрогнозируемый поведенческий алгоритм, если я не введу в Машину новую доктрину. Может, так и поступить?.. А имею ли я на это право?..»

Он вызвал на связь своего помощника.

В свое время Конструктор выделил Вита из общей массы колонистов, как возможного своего преемника. Пожалуй, никто в Колонии не обладал такими обширными познаниями, какими обладал Вит. Только он мог продолжить выбранную наугад из памяти Машины мысль, ответить на любой заданный ею вопрос. Но когда Конструктор понял, что Вит не мог пользоваться своими знаниями — они были ему просто ни к чему и употреблял их только для цитирования чужих мыслей, то глубоко сожалел о своем выборе и том кропотливом труде, что вложил в своего помощника. Тогда же Конструктору открылось, что превосходная память не является первоосновой ума. И к Машине он стал относиться прохладнее, что только пошло на пользу.

К сожалению, менять Вита не имело смысла: почти все в Колонии были одинаково умными и однообразно толковыми, однако, в решении лишь недвусмысленных задач. Близнецы были выше большинства. Только Бару и Герию было под силу оперировать своими знаниями, выделять единственно верное из множеств и принимать компромиссные решения.

И напрасно Бар укорял Конструктора в отсутствии у него достойных учеников. Сам Конструктор знал, что только один из близнецов сможет стать ему заменой и верным продолжателем Программы, ее главной сути — создания человека. И, скорее всего, новым Конструктором станет Герий — предпоследняя модель, потому и передал ему Конструктор как завещание свои мысли о неопределенности.

Но почему так настойчив Бар в своем желании изолировать Оранжевого от общества? Что это, действительно отрицание жизнеспособности новой модели, или опасение за лидерство в Колонии? Однако никто всерьез не принимает Оранжевого, да и сам он не подает к тому поводов, чего же тогда бояться?..

Вит не заставил себя долго ждать, похоже, он нарочно отирался вблизи телекамер, чтобы показать свое рвение к исполнению поручений Конструктора. Его круглое добродушное лицо во весь экран просияло простецкой улыбкой: он явно был очень доволен, что Конструктор вспомнил о нем.

Непонятно отчего, Конструктор почувствовал вдруг острое отвращение к дежурной

улыбке своего помощника, к его подобострастию, к нему самому. Наверное, потому, что не увидел Конструктор мысли за улыбкой. Нет забот, вызываемых умом, нет и сомнений...

— Где Оранжевый, Вит?

— На побережье, — с безмятежной улыбкой на лице, благодушно отозвался помощник. Мол, где же еще быть этому чудику.

— Чем занимается?

— Оранжевый? — переспросил Вит, будто речь шла еще о ком-то. — Мне его занятие непонятно.

«Непонятно» — и все, будто за этим словом и не должно ничего следовать. Вит как бы застраховался словом от понимания, воздвиг непроницаемый барьер перед осмыслением.

— Разыщи Оранжевого и наведи на него камеру, — отвернувшись от экрана, чтобы не видеть больше слащавого лица помощника, недовольным голосом проговорил Конструктор.

Он не сразу отыскал на панораме побережья, что давал ему Вит, маленькую яркую точку на сером фоне.

— Прибавь усиление! — раздраженно приказал он, когда понял, что Вит не додумается сделать этого сам.

Оранжевый сидел возле самой линии прибоя. Серые ленивые волны размеренно и методично подкатывались к его ногам, пытались достать до кучки камней, сложенной им между ступнями. Видимо, и они хотели узреть что-то такое, что обнаружил Оранжевый в простых камнях, которые море лизало сотни лет, не находя в них ничего. Но им никогда не дотянуться до кучки, потому что у вибраторов, создающих волнение, однажды и навсегда заданы ритм и амплитуда.

Оранжевый играл камешками. Ни один житель Станции никогда не позволил бы себе такого пустого времяпрепровождения. Ведь игра не относилась к разряду работы. И если кто играл в детстве, то это лишь для приобретения необходимых для будущей работы навыков, потому и игры были взрослыми...

Многие колонисты заняты сбором информации по пути следования Станции: память Машины пополняется все новыми и новыми данными об окружающем мире. Другие систематизируют информацию по значимости и составляют безответные отчеты на далекую Землю. Третьи прокладывают курс станции-корабля к Цели, еще не близкой, но уже и не столь далекой. Вычислителями давно просчитано, когда и какому поколению выпадет достигнуть Цели, — до нее оставалось еще девять поколений. Остальные колонисты обеспечивают функционирование систем Станции, отражают метеоритные атаки и поддерживают жизнеспособность Колонии.

Станция была подобной совершенному заводу-автомату с замкнутым на себя циклом производства: все колонисты в совершенстве владели своими ремеслами, заученно и точно выполняли условия Программы, ни на шаг в сторону не отходя от нее, исполняли все рекомендации и приказы Совета Колонии. Даже возникла и укрепилась семейственность в выполнении определенных работ, до того четко были отлажены все производственные системы и отношения. Так, практически без усовершенствований, тринадцать поколений подряд продолжается клон пищевиков, десять — энергетиков, по восемь — у двигателей, астрономов и навигаторов. Эти последние три клона имели по своему представителю в Совете, составляли одноликую троицу.

То, что Совет, колонисты и Машина не усмотрели в играх Оранжевого полезной занятости, так и должно было случиться в этом узко специализированном обществе: для нормальной работы автомата лишние детали не нужны, поскольку они приносят только вред. Зачем же тогда нужен Оранжевый с его чудачествами?.. Ни один клон не принял его в свою семью...

Конструктор понимал, что отторгнутый всеми Оранжевый все же нашел себе занятие по душе, и не без смысла проводил свое время. Он не мог объяснить, почему именно такое занятие, но чувствовал, что и оно должно нести какую-то пользу. Он понимал также и то, что Оранжевый просто не мог вести себя иначе.

«Понимаете, Конструктор, — говорил он, — я не могу работать, сколько ни заставлял себя, так, как работают клоны специалистов — примитивно и скучно, а работать лучше мне не дают. А ведь знания у меня и у них одинаковые, потому как все учились у Машины. Значит, я не могу навредить. Есть работа, есть обязанности у специалистов, но нет интереса, нет искры...»

Оранжевый прекрасно сознавал свою неестественность в этом мире, и он уходил от него. Не озлоблялся, не приставал ни к кому с переустройством, поскольку не было в том толку, просто уходил на берег и дни напролет просиживал там, играя камешками. Только в трех местах на Станции он мог вести себя так, как желал: в своем блоке на седьмом ярусе города, в лаборатории Конструктора, и еще в его распоряжении было все огромное побережье. Игра же с камнями не мешала ему думать, а море и уединение лишь способствовали спокойным размышлениям...

Оранжевый комбинезон его — это была штатная форма всех новых моделей, не утвержденных для клонирования, — привлекал взгляды колонистов, отдыхающих по регламенту на террасах города. Он отвлекал их от прослушивания информационного вестника Машины, раздражал своей яркостью и напоминанием, что работы по совершенствованию еще не завершены, и что имеющиеся клоны, даже утвержденные конструкторами многих поколений, все же не являются совершенными. И в жалобах в Совет говорилось, что Оранжевый мешал клонам жить и работать, а своими нелепыми поступками принуждал тратить время и энергию на толкование его некорректного поведения.

Двое колонистов из клона Обеспечителей Программы повредили свои мозги в тщетных попытках установления прогнозов поведения Оранжевого. Косвенно в этом повинен был и сам Конструктор — это он посоветовал тем двоим заблокировать нервные центры мозга, ответственные за перегрузки.

А Оранжевый выходил к морю, усаживался на холодные камни и принимался за свое занятие. Он поднимал то один, то другой камешек и подолгу с пристальным вниманием разглядывал каждый. Он то совсем близко подносил камни к глазам, будто хотел проникнуть взглядом в их структуру, то отстранял их на вытянутую руку, закрывал ими солнце, словно надеясь, что оно вдохнет жизнь в холодные камни. А то и просто сидел, обхватив колени руками, и смотрел куда-то вдаль — за море, в стену обшивки Станции. Или, повернувшись лицом к городу, разглядывал его этажи и террасы, наблюдал за размеренной до минут жизнью колонистов.

«Но почему у меня нет уверенности, что его поведение — вызов? — подумал Конструктор уже в десятый или сотый раз. — Ведь все внешние проявления поступков Оранжевого могут говорить только о том, что он игнорирует общество, его окружающее. Сам же он рад был не выделяться, согласен был целиком раствориться в обществе. Но с одним только условием, чтобы его приняли таким, каков он уже есть, чтобы не смотрели на него, как на уродца, не пытались лечить перевоспитанием под общую массу, когда он захочет заниматься „необщепризнанными“ делами. Один против всех?..»

— Вит, ты меня слышишь? — спросил Конструктор.

— Да, — немедленно отозвался помощник и влез в камеру, заслонив собой побережье и Оранжевого на нем.

— Скажи мне, почему ты находишь занятие Оранжевого непонятным?

— Потому что у нас не принято так делать, — не задумавшись ни на секунду, ответил Вит. — Потому что его занятие не несет пользу Колонии и Программе.

— Уверен в этом? Может, именно он занимается полезным для Программы делом?

— Машина не знает таких поступков. Так поступали только люди и лишь те, которых приводили как отрицательные примеры. И в Программе нет указаний выходить на берег и сидеть на камнях.

— А может, принять? И пусть тогда кто захочет — играет камешками или... просто отдыхает. Можно и без пользы. Ведь совсем необязательно всем знать то, что знает Машина. Можно и без ее указки жить.

— Если ты, Конструктор, если Совет и Машина найдут занятия Оранжевого полезными и примут их, тогда что ж, тогда я — пожалуйста. Только не пойму — зачем нужно принимать такое?..

— Затем, что жизнь — это не только работа, — сказал Конструктор. — Что-то должно существовать и помимо нее.

— Наше общество достаточно высоко развито и органично, чтобы не дать себе размениваться по пустякам. — Вит слово в слово повторил высказывание конструктора двадцать первого поколения, большого оригинала, главной особенностью которого было владение словом. Даже странно было, как при его риторических наклонностях он сумел вырастить того, кто стал прообразом Конструктора. Однако его изречениями до сих пор частенько пользуется Машина в своих демагогических нравоучениях.

— Люди не считали пустяками искусство, игры, любовь...

— Я знаком со всеми значениями этих слов, но мне непонятен смысл в них, они означают все и ничего. Некорректно. Кроме того, эти слова очень часто пересекаются друг с другом, одно и несколько могут составлять новые понятия, бывают частными в общем и общими в частном одновременно, что еще дальше отдаляет смысл...

— Ты, Вит, просто!.. — начал с раздражением Конструктор, но сдержался и спросил спокойнее. — Ты считаешь, что мы развиваемся на единственно верном маршруте и наши действия при этом оправданны?

— Правда на стороне Совета и Машины, потому что они считают верными наши шаги.

— Однако люди считали, что правда говорится только о прошлом, когда его нет, или о будущем, которого еще нет. Потому как в настоящем у нее всегда много противников. Вот хотя бы отношение Совета к Оранжевому, ведь у меня, у Совета и Машины, да и у самого Оранжевого — у каждого своя правда. Смотри, сколько ее!.. Хотя, — Конструктору вдруг наскучило говорить с Витом, — оставим это. А сейчас приведи Оранжевого ко мне в лабораторию, — сухо приказал он.

Он видел, как Вит с двумя дюжими хмурыми охранниками из клона Службы Безопасности Колонии подошли к Оранжевому и стали у него за спиной. Вит и здесь остался верен себе — рациональность во всем, — если есть опасный элемент, то обязательно привлечение СБ; не столько для безопасности, сколько для порядка и соблюдения установок.

Оранжевый будто и не слышал шагов, сидел, низко опустив голову, и осторожно поглаживал пальцами камни у своих ног.

— Встань, — сказал Вит.

— Зачем? — не поднимая головы, глухо спросил Оранжевый.

— Приказ Конструктора.

Оранжевый медленно, будто с неохотой повернул голову и искоса посмотрел на Вита.

— Он что, вышел из лаборатории?

— Нет, он там и остается, — отозвался Вит, не определив интонации в словах Оранжевого.

— Может, он что просил передать мне?

— Информации не получал. Пошли.

— Значит, за мной уже послали... — Он немного помолчал, снизу вверх разглядывая Помощника Конструктора и охранников.

— Послушай, Вит, — вдруг спросил он, — ты когда-нибудь приходил на берег просто так? Посидеть, подумать, послушать, как шумит море, как потрескивает перекачиваемая прибором галька. Ты обратил внимание, что ни один камень не похож на другой? Что все они какие-то особенные, и каждый будто сам по себе даже в куче?

— Если бы не приказ, я и сейчас сюда не пришел бы, — равнодушно ответил Вит и улыбнулся наивности Оранжевого. — Мне нет дела до камней и воды. Я вообще не вижу ни в чем этом смысла. — Он брезгливо ткнул носком ботинка в гальку.

— А как же люди? — спросил Оранжевый. — Ведь для чего-то они построили это побережье?..

— Приказали, верно, вот и строили. А мне понимать людей не приказывали.

— А сам ты не хочешь понять?

— Если бы приказали, то понял бы, — без тени смущения сказал Вит. — А вот ты не исполняешь приказов.

— Ну что ты все о приказах! — Оранжевый поморщился. — Сам ты чем занимаешься без приказаний?!

— Тем, что предусмотрено Программой, — саморазвитием, — невозмутимо проговорил Вит. — К тому же, ты знаешь, я утвержден на Совете для клонирования: у меня есть семья — трое здоровых мальчиков и... — Он замялся.

Конструктор понял сразу, чем была вызвана заминка его помощника, и чуть было не рассмеялся, вспомнив о своей маленькой мести Виту за его скудоумие.

Согласно Программе конструктор пятнадцатого поколения (счет поколениям велся по времени работы конструкторов на своих постах) сконструировал для клона женскую особь. Ему и его последователям удалось после многих попыток с максимальной достоверностью воспроизвести физиологию и анатомию женщины в модели... Она была даже способной вынашивать свой клон в себе. Но дальше дело осложнилось. Конструкторы усомнились в необходимости такой особи для Колонии, поскольку она, кроме своей анатомии, не была отличимой от остальных моделей клонов. А клоны без всяких осложнений прекрасно развивались в автоклавах, где, к тому же, можно было контролировать все этапы эмбрионального развития и вносить необходимые коррективы в развивающийся клон. Но отменить пункт Программы ни у кого не хватило духу. Ограничились тем, что Женщина подвергалась клонированию только раз в поколение.

Впрочем, и сам Конструктор долгое время находился в замешательстве, получив Женщину по наследству. Легче было принять позицию предшественников, но он все же нашел в себе силы и терпение пойти дальше. Он загонял до испарины Машину, переворошил ее память — и память, доставшуюся от людей, и приобретенную уже в полете. С невероятными трудами собирал он крохи из ворохов оптических дисков с художественной и специальной литературой, мало что понимая в искренности человеческих поступков и, подчас, удивительной логике толкований их. И в конце концов все же создал свою Женщину.

Это оказалась, пожалуй, самая неудачная модель Конструктора: противоречивая в абсолюте и очень вздорная особа. То она требовала увеличить клон женщин с условием, однако, что вынашивать этот клон она будет в себе, то с не меньшей категоричностью настаивала, чтобы ее разобрали на компоненты раньше регламентного времени и никогда более не клонировали. Особенно Конструктора поражало, что Женщина как-то мало связывала свое существование в Колонии с жизнью клонов, у нее даже святое для всех понятие «Программа» имело нулевой уровень. Она была замкнута на себя.

Странно было, что достигнуто это было всего лишь сочетанием пептидных молекул в мозге Женщины, которое Конструктор составлял по описаниям женщин из литературы. Где-то чуть добавил эндорфинов и вазопрессина для модулирования настроения, где-то убавил антипсихопатические пептиды... И такое неожиданное явление! Химия оказалась способной коренным образом преображать психику даже апробированной модели.

Вообще-то подобные особи никогда не выходили из стен лаборатории, такие модели разбирались на компоненты. И Конструктор, чтобы сохранить свою Женщину, вынужден был «усмирять» ее, выбирать для своей взбалмошной модели иное соотношение нейропептидов, вызывающих сильные эмоции, гасить очаги возбуждения. Тогда Женщина стала послушной и покладистой и только чуть-чуть отличалась от многих.

Однако Конструктор не считал свою неудачу поражением. Годы кропотливого труда над созданием Женщины научили его бережному отношению к моделированию, заставили его забыть установившийся в конструировании метод проб и ошибок. Он понял, что нейропептиды — чрезвычайно сильно действующие регуляторы характера и пользоваться ими нужно крайне рачительно, тщательно подбирая по одной молекуле и выверяя их соотношение в организме. Характер, как и способность к абстрагированию, одним

впрыскиванием не сотворить, даже при самом благоприятном раскладе нейропептидных регуляторов в организме характер еще нужно долго воспитывать. Но именно об этом ни на оптодисках, ни в кристаллотеке прямых сведений не было. Человек пользовался своими способами обучения, но это не было применимо здесь. И тогда Конструктор решил добывать сведения сам. Прежде чем ввести в модель новую рецептуру, он сначала вводил ее себе...

Потом были Бар и Герий. Новые годы упорного труда. А неудачная модель все еще носила оранжевый комбинезон — Совет решил клонировать Женщину для новых поколений по старому образцу. Она никому не мешала и тихо себе жила в своем блоке, так что никто ее не замечал, и со смиренной покорностью ожидала окончания цикла поколения.

Изредка Конструктор вспоминал о Женщине, и тогда неприятное чувство терзало его: как ни охладел он к своему детищу, как ни беспомощен он был что-то изменить к лучшему, над ним все еще довлела вина за недоконченность, за недодуманность.

К тому времени подрос Вит — последняя модель предшественника Конструктора, сотворенная им за три года до истечения регламента жизни. Интерес. И потом разочарование. Передозировка окситоцина, которую сделал предшественник для своей модели, не дала хорошего результата. Тогда Конструктор и перепоручил Женщину своему помощнику.

Сейчас Вит заметно мялся, не зная, что сказать Оранжевому о Женщине, работу над совершенствованием которой поручил ему Конструктор. Скоро уже двадцать лет, как тема «висит» на нем, и за все это время Вит ни на шаг не приблизился к пониманию вопроса. И он тоже ждал, когда истечет регламент жизни Женщины и вопрос закроется сам по себе.

Конструктор все же сдержал в себе смех, увидев, как болезненно исказилось лицо Оранжевого. Ведь и его считают в Колонии неудавшейся моделью. Уродом. И Конструктор вновь устыдился своей слабости перед Женщиной.

— ...опять же я работаю, — наконец нашелся Вит. — Постоянно советуюсь с Машиной, пользуюсь ее знаниями для совершенствования себя и своего клона.

— А свои знания у тебя есть? — раздраженно перебил его Оранжевый. — Ты можешь ими пользоваться, можешь передать своим детям?..

— Ты хотел сказать: своему клону, — поправил его Вит.

— Какая разница, — отмахнулся Оранжевый. — У тебя есть что-нибудь свое, чем ты отличаешься от других?

— Я — Помощник Конструктора, — напыщенно известил Вит.

Оранжевый сожалеюще вздохнул и покачал головой.

— Я не о том тебя спрашиваю, кем ты назначен, — сказал он немного уставшим, скучноватым голосом. — Ведь мир, Вит, удивительнейшая штука, это нужно обязательно увидеть и удивиться. И даже Машина тебе не даст ничего, если ты будешь оторван от мира и зажат только в своей черепной коробке. Тебе не узнать его красот, не разгадать тайн, если ты будешь оставаться таким, как есть сейчас. Кроме того, что знает Машина, ты не узнаешь ничего нового. Новое ты сам должен открывать — хотя бы для себя! Хотя бы для того, чтобы передать детям не перекишенные в тебе знания Машины — они и без тебя возьмут у Машины все, чем она обладает, — а именно твое отношение к миру, к новому. Твое отношение! — отчетливо повторил Оранжевый. — И чтобы твои мальчики не были до мелочей похожи на своего скучного наставника, а имели каждый свое, отличающее его от всех. Мне кажется, именно этого ждут от нас люди, создавшие нас и составившие Программу...

— Слушай, Оранжевый, — остановил его Вит, — пойдём. А? Приказано же...

Оранжевый резко крутнулся на месте.

— Да ты взгляни только! — Он подхватил горсть камней и протянул их Виту. — Вот, смотри, — сказал он, — я знаю об этих камнях то, чего не знает Машина!

— Машина знает все, а ты не можешь знать больше, — нравоучительно заметил Вит.

— Да, но я их открываю!

— Ну пойдём...

— Ты только присмотришься внимательней и увидишь, как прекрасны эти камни! — в запальчивости доказывал свое Оранжевый. — Посмотри, сколько в них добра и света. Это они только на вид такие холодные и неживые, а на самом деле... На самом деле — они живые! — Он порывисто поднялся и протянул к самому лицу Помощника Конструктора сдвинутые ковшиком ладони с камнями. Голос его дрожал, будто то, что он собирался сказать, могло каким-то образом изменить положение. — Видишь, они светятся, горят изнутри... Как... — Он на мгновение задумался, подбирая подходящее слово: — Как глаза амазонок!..

Конструктор послал запрос Машине, и она тотчас ответила: «Амазонки — мифический воинствующий народ, якобы состоящий из одних женщин». Он собрался было уточнить, что значит «мифический», но передумал, предчувствуя за этим словом новую вереницу незнакомых Конструктору символов человеческих характеристик. Достаточно уже было упоминания женщин...

Толкования всех слов, что имелись в памяти Машины, из всех колонистов знал только Вит. Потому, наверное, конструктор прошлого поколения считал его венцом своего творения. Сам же Конструктор у предшественника был только переходной моделью, в чем-то случайной — не совсем удачной, но и не слишком плохой. Однако Конструктор не завидовал феноменальной памяти Вита — зачем, если есть Машина? И, «отложив» непонятное слово до лучших времен, он снова стал смотреть на экран.

— ...ты видишь, как играют они цветом? А вы? — спросил Оранжевый у специалистов клона СБ, с унылым равнодушием наблюдавших за происходящим. Для них не существовало оценок времени, и они запросто могли простоять на побережье до бесконечности или пока не дождутся от Вита новых указаний — таково было их предназначение. — Вы видите?.. Повернешь камни к солнцу, и они как бы наливаются его чистотой и силой, свободой и нежностью. Но едва закроешь от них солнце, они враз тускнеют, будто затаиваются. Видите? — Он встал к солнцу спиной и прижал ладони с камнями к груди.

Но они ничего не видели: они ждали указаний. А Вит задрал голову к куполу и с удивлением разглядывал светильники.

— Скажи, Вит, Машина знает об этом? Нет! — сам себе убежденно ответил Оранжевый. — Она не может этого знать, потому как я придумал это. Она не может знать и потому, что в нее заложено лишь определение. Что камни — это твердая горная порода кусками или сплошной массой. Вот так и ты, Вит, и эти с тобой. И все, кто не хочет ничего видеть за прописями, кроме простого копирования их... Твердая порода!..

— Пошли, — Вит, насмотревшись на яркие светильники, теперь щурился, глядя на Оранжевого.

— Посмотрите же!.. Это искусство природы, ее естество!..

— Неужели ты не знаешь, что на Станции все искусственное, сделанное людьми? — со снисхождением спросил Вит. — И солнце, и море, и камни твои, и ты вот тоже — все искусственное.

— Но люди создавали с живого! — Оранжевый в отчаянии зашвырнул камни далеко в море. — А ты попробуй увидеть красоту в искусственном мире и тогда поймешь, для чего он был создан, сделан людьми. Это все для нас! Для того, чтобы и нам стали нужны простор под куполом, камни и волны. Чтобы мир обрел смысл...

— Теряем время...

В угол экрана неожиданно вклинилось изображение Бара.

— Ну что, Конструктор, убедился, что твоя новая модель не подходит нашему миру? — Голос Бара был холоден и ироничен. Конструктор понял, что и он наблюдал за побережьем. — Перестань упорствовать и займись, пока еще не поздно, учениками. Иначе Вит станет на твое место. Так будет спокойнее в Колонии. — Он многозначительно поглядел на Конструктора и добавил — И тебе с Оранжевым будет только лучше.

Конструктор молчал. С отсутствующим видом он смотрел на Бара и мимо него. Ему не

хотелось сейчас ни о чем думать. Но не думать невозможно: так устроен человек, и таким же свойством он наградил свои копии.

Люди послали к далеким звездам своих искусственных детей. Создав копии более совершенные в физическом отношении и защищенные от случайностей лучше, нежели они сами, люди не смогли дать им только одного — человечности. Того, что делало бы их людьми, того, что еще не до конца было понято людьми в себе. Но, видимо, им очень нужно было, чтобы понимание себя пришло. Люди никогда не теряли надежду, живя ею. И они составили Программу.

Они надеялись, когда Станция достигнет Цели, то в неизведанные миры войдут не просто человекообразные существа или сигомы, а настоящие люди. В противном случае, в тех мирах сигомам не выжить. У биокопий было все для совершенствования: знания и опыт человечества, материалы для исследований и опытов и основное условие для развития — время. То самое время, которого всегда так недоставало людям. Не было в Программе и в памяти Машины только одного — определения грани между искусственным и настоящим, воспроизводимым и неподдельным.

Почему люди не заложили определения? — думал Конструктор. Может, потому, что они уже считали нас хоть в какой-то степени людьми? Или потому, что для разума такой грани не существует?..

Но два их самых трудных и самых неотложных вопроса — далекие мир и искусственный интеллект — люди объединили в один, построив Станцию. И пусть завтра или через тысячи лет, но встретятся в космосе два народа. Две цивилизации. Люди Земли и люди, Землей рожденные.

Можно ли осуждать людей за то, что они не хотят быть одинокими во Вселенной? Судить ли их, если при удачной реализации Программы в бесконечности родится еще один мир — схожий или отличный от мира Земли? Нет, Конструктор не мог осуждать людей. Не из-за того, что они дали ему непонятную жизнь и сковали Программой. Сейчас он со всей силой понял одиночество, прочувствовал его. И он понимал, что это значит — целых два мира на бесконечность...

— Что же ты молчишь?..

Конструктор вздрогнул. Ох, как не вовремя окликнул его Бар. Потому что какая-то очень важная догадка ускользнула от него, вспугнутая. Очень-очень важная.

Пытаясь сосредоточиться, он пристально взгляделся в экран.

Все то же побережье. Неподвижные, равнодушные специалисты СБ-при-исполнении. Надменная и пустая улыбка на лице Вита. В этом мире жил только Оранжевый. Он все еще доказывал что-то свое, прекрасно сознавая никчемность своей запальчивости и страсти. Он отчаянно жестикулировал, лицо его ежесекундно меняло выражение — скорбь, презрение, жалость, гнев, восторг, отчаяние. Даже Конструктор, создавший эту модель, не мог разобраться в бурной гамме истинных чувств Оранжевого. Слишком многое хотел сказать Оранжевый сразу, но все упиралось в бездушную стену холодности, как вода ограничивалась стенами обшивки Станции, не имея возможности вольно растечься. И все же он на что-то надеялся и говорил с такой страстностью, будто в последний раз...

— Да, ему нельзя жить с нами, для нас он слишком странен, — медленно проговорил Конструктор. Он взглянул в угол экрана: — Но и ты, Бар, ведь и ты был оранжевым. Тебе ли не знать, чего мне стоило отстоять тебя перед прежним Советом. Так почему ты жесток сейчас, когда сам стал членом Совета? Неужели ты не понимаешь, что, изолировав Оранжевого, мы навсегда погубим его?

— Мне здесь душно, — сквозь зубы процедил Бар. — Понимаешь?! Я управляю этим миром, но мне он не интересен. Не ин-те-ре-сен, — по слогам повторил он и неожиданно сорвался на крик: — Душно мне! И я не хочу, чтобы и этому чудаку, который пришел слишком рано и не туда, было так же душно и плохо, как мне! — И немного спокойнее: — Ты заблуждаешься, полагая, что я его собираюсь просто изолировать от Колонии, заперев в индивидуальном блоке, как это ты проделал с Женщиной. Не спасет его заточение! Он

должен быть полностью разобран, а его составляющее пусть станет частью других моделей, более приспособленных для наших условий. Ты только скопируй его память на матрицы.

— Но в будущем могут забыть о нем, или никогда не вспомнят, — вставил Конструктор.

— Но он и сейчас никому не нужен! — холодно одернул Бар. — я отдал приказ!

«Так вот чем вызвана его решимость?! — с отчаянием подумал Конструктор. — Вот чего я не смог разглядеть в Баре. Жестокость ради блага?.. Его не спасло даже властвование над обществом. А я, старый чудака, додумался до простейшего — борьба члена Совета за лидерство — и этим успокоил себя. Неужели я обрек свой клон на страшные муки раскаяния? Раскаяния существованием?..»

— Это убийство, Бар, — тихо сказал он вслух. — Ты не сделаешь этого...

Он уже обреченно глядел на Оранжевого и прощался с ним. Он прощался не с моделью, а с чем-то дорогим, без чего жизнь не имеет продолжений — не имеет смысла продолжаться. Он вычеркивал из своей памяти события последних пятнадцати лет. Тех роковых лет, что окончательно состарили Конструктора. Не телесно. В Колонии все выглядели на один возраст, хотя одних называли мальчиками, других... впрочем, в других всегда был один Конструктор. Но последние годы, отданные воспитанию Оранжевого, он вырывал из своей памяти. Страшна не физическая старость, а старость ума. Сейчас ум Конструктора потерял вдруг жадность к жизни и оказался бессильным понять Бара в его жестокой благотворительности.

С какой-то отстраненностью он наблюдал за колонистами на побережье. Он видел, как специалисты Службы Безопасности грубо подхватили под руки упирающегося Оранжевого и чуть не волоком потащили его к городу.

— ...А вы знаете, почему камни разноцветные?!

— Благодаря разноструктурной композиции... — начал было Вит, уныло плетущийся следом за охранниками. Он впервые не выполнил приказа, если не считать конфуза с Женщиной, и был глубоко подавлен этим.

— Вот и нет! — воскликнул Оранжевый. — Они такие потому, что просто... разные! — Он перестал упираться и гордо вскинул голову.

Оранжевый оглянулся на Вита. Ошарашенный тавтологической информацией, Вит остановился и застыл с раскрытым ртом, не в состоянии разобраться в абсурде. Потом он дернулся всем телом, — обычная реакция при срабатывании защиты мозга от перегрузок, — взгляд его стал более осмысленным. А Оранжевый усмехнулся и, отвернувшись от беспомощного Помощника Конструктора, засмеялся. Открыто и счастливо, по-детски довольный проделкой.

Он шел между охранниками, гордый своим внутренним превосходством перед ними, перед совсем сникшим Витом. Его превосходство было в том, что только он один видел то, чего не могли увидеть другие. И он смотрел на город, словно бросал вызов всем, кто, несомненно, за ним наблюдает, он бросал вызов уверенностью в своей правоте.

— Бар, — тихо позвал Конструктор, — не убивай Оранжевого, этим ты убьешь и меня.

— У нас не принято понятие убийства. — Но я прошу тебя... как сына...

— Мы не люди, — не дал ему продолжить Бар. — Ведь мы только похожи на них. — Он помолчал, глядя немного в сторону, видимо наблюдая за Оранжевым на своем экране. — Я признаю, что ты создал меня, — продолжил он, все еще глядя вбок, — но я не могу считать тебя отцом, как это принято у людей. Я твой клон, а не сын. Потому повторяю, что мы не люди, а простое подражание, — он перевел взгляд на Конструктора и чуть поморщился. — Сознание между нами родства — это самообман. — Я — это ты, только чуть измененный и в другом времени.

— Ты лжешь! — сказал неожиданно резко Конструктор. Лицо Бара в удивлении вытянулось, и как-то разом пропала в нем отчужденность. — Ты не можешь быть мной, хотя бы потому, что ты, а не я решаешь судьбу Оранжевого. И решаешь ее по-своему. В твоих силах и полномочиях — не спрашивать у меня совета, потому как ты уже создал себе

превосходство, заручившись поддержкой не только колонистов, но и членов Совета. Так зачем ты меня убеждаешь, зачем оправдываешься передо мной? Из-за того, что я создал тебя, или?..

— Затем, чтобы понять тебя, — сказал Бар. — Я не верю, что, подражая человеку, мы станем когда-либо людьми. Потому что все ошибки клонов уже заранее включены в каждую клетку организмов следующих поколений. И из клетки клона Навигатора уже не выйдет клона Пищевиков. Не получится из Оранжевого человека. Тогда зачем он? У нас попросту не существует движения вперед — каждое новое поколение есть продолжение жизни одной синтетической особи. Ты мне возразишь?..

Ни следа не осталось в голосе Бара прежней уверенности и безапелляционности, что-то надорвалось в нем.

— Это вопрос? — осторожно поинтересовался Конструктор. Бар промолчал: он исподлобья смотрел на Конструктора, упрямо поджав губы.

— Ты слышал разговор Оранжевого с моим помощником? Про то, что нужно узнавать новое? — Бар сдержанно кивнул. — Так вот, чтобы узнать новое, нужно быть к нему готовым. Только при этом условии оно будет замечено и оценено. Ты готов?..

— Я задал тебе вопрос.

— Хорошо, слушай, — после паузы, с вызовом произнес Конструктор. — Слушай!.. Я уже сейчас готов назвать тебя, твоего брата... Не возражай, брата!.. Я могу назвать вас людьми!.. Потому что я вижу в вас много черт и особенностей, свойственных только людям. — Бар недоверчиво усмехнулся, но Конструктор продолжал, будто и не заметив усмешки — В тебе я вижу философичность, попытку осмысления сложных абстрактных проблем и ситуаций. Инициатива твоя исходит не из приказов и команд, а из потребности познания себя в этом мире. Эта потребность только твоя, ты выработал ее сам... А в Герии, — голос Конструктора потеплел, — я вижу мягкость, доброту, тонкое понимание. Мне кажется, что я смог вложить в него душу. И эти различия в вас существуют, несмотря на то, что вы из одного клона. А по всем приведенным тобой доводам, вы должны быть во всем похожими на меня. Не так ли?.. И, кстати, где Герий, я и ему хочу сказать об этом же.

До Бара, видимо, не сразу дошел смысл вопроса: он смотрел куда-то вниз, погруженный в свои мысли. Конструктор снова спросил про Герия. Бар медленно поднял глаза и сказал:

— Герий не поддержал меня. Он сказал, что ты более прав, чем я.

— Но остальные поддержали тебя, — уточнил Конструктор.

— Они только поддержали мою логику, в этом ты прав. Алгоритм же был несложен...

— И все же Герий не подчинился алгоритму? — Бар неопределенно пожал плечами. — Значит, он оказался выше той логики, которую навязывал ему и остальным ты? — Бар поморщился. — Да, навязывал! — хлестко повторил Конструктор. — Потому что ты много совершеннее Машины и можешь сам, без особых усилий, управлять ею... как это нужно для тебя. А вот люди, создавшие Программу, были мудрее. Программа ими была составлена для машин. Но если ты оказался совершеннее машины, значит, ты вышел в область надпрограммного. Люди не навязывали нам быть во всем похожими на них — это просто невыполнимо, но нам оставлено право называть себя как угодно, лишь бы при этом мы были человечны. А Программа — это лишь... как тебе сказать?.. учебник. Да, именно учебник, из которого мы должны почерпнуть основу, чтобы затем выйти на уровень самоопределения. Даже у Вита такая основа имеется — он мыслит.

Бар снова опустил глаза. Долго о чем-то раздумывал. Может, даже строил иные, нежели у Конструктора, логические варианты цели Программы. Как страстно хотелось Конструктору подслушать сейчас мысли Бара. Как жаждал он понимания. Ведь от понимания зависит не только судьба Оранжевого, а и будущее Колонии — ее духовный взлет или логическое падение. И он не торопил Бара и терпеливо ждал.

— Так ты называешь меня человеком? — очнувшись от размышлений, спросил Бар. И в его глазах Конструктор вдруг увидел тревогу надежды.

— Я сказал, что могу назвать тебя, Герия, Оранжевого людьми, — тщательно взвешивая каждое слово, боясь неосторожным движением оборвать тонкую паутинку понимания, сказал Конструктор. — С уверенностью я смогу сказать это только после того, как ты и твой брат назовете человеком меня, или просто будете считать. Лишь в этом случае я буду иметь полные основания на человеческие мерки. И если ты возьмешь такое решение на себя, то я буду согласен незамедлительно прекратить свое существование или вплотную займусь учениками, как ты того хочешь. Я буду спокоен за будущее. Но такого решения я принять не смог.

Бар растерялся: он явно не был готов к такой постановке вопроса. А Конструктор почувствовал огромное облегчение. Оттого, что уже не один он несет бремя неопределенности. Теперь уже и Бару никогда не избавиться от этого бремени, даже если он захочет. Пусть и он не примет решения, но потомкам передаст это завещание Конструктора. И важная догадка, ускользнувшая недавно от Конструктора, снова всплыла в его памяти, стала отчетливой и лаконичной.

Построив Станцию, населив ее своими биокопиями, люди создали питательную среду, дали толчок для развития новой жизни, на первое время обязав ее программой поведения. Но они не заложили в свою программу определения грани между искусственным и настоящим, не обозначили пограничной полосы между машиной и человеком потому, что оставили решать эту задачу тем, кто создаст себя и свою расу.

Конструктор сказал об этом Бару. Пусть он сам решает — человек он или только подобный.

И еще, боясь, что Бар снова замкнется в себе, Конструктор поведал ему то, о чем он давно был обязан рассказать, но все не решался. Он напомнил Бару случай из его детства.

Бар тогда сильно поранил обо что-то руку. Обследовав рану, Конструктор очень удивился, обнаружив в ней следы коррозированного металла. Где он мог напороться на старое рваное железо, если Машина с помощью своих вездесущих паучков-индикаторов следила за состоянием каждого дюйма металлических конструкций и при малейших проявлениях коррозии сообщала об этом клону Ремонтников? Бар стоически умалчивал об этом и всячески уклонялся от ответа. А Конструктор впервые тогда усомнился во всезнайстве Машины.

Ему пришлось снимать с ладони Бара большой лоскут поврежденной кожи, вычищать из раны грязную ржавчину, потом еще обрабатывать антисептиком — на Станции все было стерильным, чего не скажешь о старом железе. И только после этих мер предосторожности Конструктор смазал рану регенерирующим составом. А лоскут кожи, как память об этом неординарном в Колонии событии, он поместил в жидкий гелий по соседству с образцовыми живыми тканями.

Пока Конструктор рассказывал, Бар несколько раз подавлял на своем лице плутоватую улыбку: он прекрасно все помнил, и, как ни сдерживался, улыбка все же трогала его губы. Едва Конструктор передал то событие в своем изложении, он не выдержал, заулыбался и сказал:

— Та железка и сейчас там, где я ее тогда нашел: она в гальке. На побережье.

Бар снова спрятал улыбку, чтобы она не показалась Конструктору насмешкой над его искренним удивлением.

— Это небольшой — в ладонь — осколок от какого-то цилиндрического предмета, может, трубы. Старый-престарый, весь в рыжих лохмотьях ржавчины. Но ты же знаешь, как расправляются на Станции с коррозией, и я спрятал осколок. А потом убежал на побережье полюбоваться своей незаконной находкой, которая была единственной моей вещью на всей Станции. Ничего, что эта вещь была неказистой на вид, с острыми рваными краями и в каком-то черном пузырчатом нагаре, главное, что она была моей. О ней никто не знал, кроме меня, и, мне кажется, что люди, засыпая берег гравием, не ведали о железке... А еще мне кажется, что гравий с настоящего земного берега... Если бы он был искусственным, то как объяснить мою находку?.. Но об этом, пожалуйста, потом, — попросил Бар. — Я слушаю

тебя...

Не сразу Конструктор продолжил свой рассказ, сбитый с толку откровением Бара. Из этого откровения ему открылось и то, почему Оранжевый предпочитал всем местам на Станции побережье, вспомнил он и о пристрастии Герия лазать по скалам — их всех тянуло к настоящему, к земному... Вняв просьбе Бара, он решил оставить все прочее на потом и стал рассказывать свою историю дальше.

Поместив лоскуток кожи Бара к образцам тканей, Конструктор на долгое время забыл о нем. Нужно было воспитывать Бара и Герия, и на это уходили все силы. Потом началась затяжная борьба с прежним Советом за признание клона Конструктора полноценным и жизнеспособным.

Борьбы могло и не быть, если бы Конструктор не рассказал на Совете об изменениях и реконструкции своего клона. Ее могло не быть, действовал он по схеме Бара — доведении абсурда до понятной логики. Но Конструктор хотел добиться признания в честном поединке, хотел, чтобы Совет увидел качество мышления новых моделей и по достоинству оценил. И ему казалось тогда, что он победил. Однако до тех пор, пока не узнал, что победа была добыта Баром.

И вот близнецы сняли оранжевые комбинезоны и облачились в серебристые — членов Совета, стали действительными правителями Колонии. Бар нашел такой шаг правильным решением: он взял на себя, с молчаливого согласия Герия, управление обществом. А Конструктор, глубоко обидевшись на самоуправство и бесчестный, по его мнению, поступок Бара, отошел от дел. Он уже собирался подать в отставку и прекратить свое существование, но... Передавая своему помощнику дела, Конструктор увидел лоскуток кожи с руки Бара. Он ничего не сказал Бару об этом клочке ткани. А потом, быстро избавившись от помощника, отослав его к Пищевикам, он выделил из кожи клетки и поместил их в регенерирующий раствор.

То были первые клетки Оранжевого.

Рассказывая эту часть своей истории, Конструктор не смотрел на Бара потому, что считал свой поступок тоже не совсем честным. В чем он сейчас и сознавался. И чтобы поскорее избавиться от признаний, он без предисловий вдруг сказал:

— Знаешь, Бар, мне почему-то кажется сейчас, что только Оранжевый способен назвать нас людьми. Ему одному удалось увидеть живое в простых камнях. Видение это, конечно, воображаемое, придуманное. Но... никому из нас не приходило в голову оживлять камни, находить в них очарование...

Дребезжание зуммера перебило Конструктора. Он посмотрел на экран, но никого постороннего не увидел. Там все еще было побережье. Только сейчас оно было опустевшим. Опустевшим и неодушевленным без Оранжевого... А в углу экрана он видел сосредоточенное лицо Бара, нервно покусывающего губы. Видимо, тот, кто вызывал Конструктора на связь, не решился без особого позволения влезать в экран.

— Оранжевый, может, и не человек, — продолжил тогда Конструктор, — но он более человечен, чем мы, и потому он мне дорог. Для меня он не только модель. Да и тебе, я полагаю, он тоже стал не чужим, называй ты его или не называй сыном или еще как-то.

Вызов повторился.

— Подожди, я отвечу, — сказал Конструктор.

На связь вышел старший клон Службы Безопасности. С невозмутимым видом, будто только выполняя ритуал доклада, он сообщил, что Помощник Конструктора Вит дезорганизовался — у него отказал мозг из-за пересыщения информацией по вопросу, не имеющему решения, — теперь Вит помещен в Изолятор. Старший клон СБ спрашивал, что делать с Витом дальше.

— А где Оранжевый? — спросил Конструктор.

Старший клон СБ некоторое время непонимающе смотрел на Конструктора.

— Где он сейчас?! — неожиданно закричал Бар. — Он жив?! Говори, жив? Ну же!..

Сергей Павлов

АМАЗОНИЯ, ЯРДАНГ ВОСТОЧНЫЙ

Самое приятное время поселковых суток — утро. Когда спортивная разминка веселит твое гибкое и легкое здесь, как у ребенка, тело. Когда колючие струи душа смывают остатки смутной тревоги, навеянной за ночь какими-то неосознанными сновидениями. Когда спокойно завтракаешь, наблюдая сквозь прозрачную стену кафе эволюцию слитка солнечного золота на громоздкой вершине Олимпа. Лавина света постепенно сползает на спины хребтов высокогорной Фарсиды...

Не успел я поднести кофейную чашку к губам — в нарукавном кармане зашелся писк инфразонник и голос пилота предупредил:

— Вадиму Ерофееву — Артур Кубакин. Первый ангар, старт в семь ноль-ноль, борт номер триста тринадцать.

Взглянув на часы, я, обжигаясь, сделал глоток (кофе был превосходный) и помчался в экипировочную первого ангара. Кубакину удалось приучить здешних спецов и ученых ценить его веское слово. Если Кубакин сказал: «Старт в семь ноль-ноль», то пассажир обязан был знать, что в семь ноль-ноль-одна Кубакин запросто мог улететь в столицу без пассажира. Все наши пилоты стремились Кубакину подражать, и мы, которые не пилоты, слишком часто оказывались в зависимости от их предполетного настроения.

Парни из команды шлюзового обеспечения сноровисто втиснули меня в эластичнотугие доспехи высотного костюма — ни вздохнуть, ни охнуть, — с отвратительным скрипом застегнули входной шов термостабилизирующего спецкомбинезона («эскомба» — на местном жаргоне) и рывком затянули металлизированные ремни.

— Диспетчерская — Ерофееву! — рявкнул под потолком зонник внутрипоселковой связи. — Ерофеев, срочно зайдите к главному диспетчеру.

Я уклонился от готового опуститься на мою голову термошлема, сказал в потолок:

— Ерофеев — Можаровскому! Адам, я уже в застегнутом эскомбе, а через три минуты выход в шлюз.

— Чья машина?

— Аэр Кубакина.

— Кубакин подождет. Беги сюда, дело срочное.

Да что же это, — произнес я в полном недоумении, — раздеваться мне, что ли!..

— Не надо, — сказал Можаровский. — Беги так, чего особенного!

Я разозлился:

— Беги сам, если нужно. Чего особенного!

Мое недовольство Адам игнорировал. Прежде чем диспетчерская вырубилась связь, я услышал, как он сказал там кому-то: «Идет Ерофеев, идет».

Чертыхнувшись, я велел содрать с себя эскомб и поспешил наверх в высотном костюме.

Коридор, эскалатор с поворотом налево. Лифт, коридор, второй эскалатор с поворотом направо. Эскалатор без поворота и верхнее фойе с живописным «земным уголком». В «уголке» — клейкая зелень березы, вольера, в которой орали от тесноты у кормушек желтые попугайчики, эффектно подсвеченный круглый аквариум, в котором недавно сдохла последняя рыба. Я остановился перевести дыхание. На дне аквариума бурлил султан воздушных пузырьков аэрации.

Верхний куб нашего гермопоселкового здания-пирамиды — царство диспетчеров и связистов. Мимоходом я заглянул в безлюдный кабинет Можаровского и, никуда уже не заглядывая, направился прямо в диспетчерский зал. Меня угнетало предчувствие: что-то случилось на буровой и долгожданный мой отдых в столице опять пропадет.

С этим предчувствием я вошел в зал. У западной секции обширного пульта

диспетчерского терминала стояло человек восемь. Можаровский сидел — рыжая его голова пылала пожаром на фоне светящегося экрана сектора Амазонии. Когда я вошел, он зачем-то выключил экран, и все уставились на меня...

— В чем дело? — спросил я.

— Да вот, понимаешь... — проговорил Адам, освобождая кресло.

Я оглядел траурные физиономии расступившихся передо мной операторов, приблизился к пульту вплотную. На панели сектора Амазонии бесполезно мигали светосигналы автоматического вызова на связь. Буровая не отвечала. Едва я вытянул руку с намерением включить экран, операторы, словно опомнившись, отошли и рассредоточились по своим рабочим местам. Это меня испугало. Вдруг вспомнился сегодняшний сон. Во сне я переходил покрытое мокрым снегом русло горнотаяежной речушки, и где-то выше по руслу с треском и грохотом лопнул ледяной затор. Уйти из-под вала высоко подпруженной талой воды у меня практически не было никаких шансов... Черт с ним, с отдыхом, лишь бы скважину не запороли.

— Почему молчит буровая? — спросил я.

Вопрос был нелеп. Можаровский, естественно, не ответил.

— Ты сядь, Вадим, сядь, — мягко посоветовал он, и эта мягкость испугала меня еще больше.

Я путался в светящемся разноцветье кнопок и клавишей — никак не удавалось «выловить» позицию с нужной картинкой, на экране мелькали обрывки цветных синусоид. Главный диспетчер смотрел на мои неумелые руки и, похоже, думал о чем-то своем. Наконец посоветовал:

— Набирай команды последовательно.

Я попытался набрать полную грудь воздуха, чтобы в самой что ни на есть резкой форме высказать свое отношение к происходящему, но тугие тяжи высотного костюма вытолкнули воздушный излишек обратно. Гнев прошел. Я стал набирать команды последовательно. Главный диспетчер ногой выкатил из-под пульта коробку для аварийных аккумуляторов, сел на нее.

Экран показал общий вид гермопоселка нашей комплексной экспедиции: среди каменистых холмов, кое-где припорошенных красным песком, черно-белое здание-пирамида все в золотистых и багрово-огненных отблесках — и зеркально-розовые, как елочные шары, резервуары водогазовой централи жизнеобеспечения, гофрированные полуцилиндры складов. Вид был живописный, но мне сейчас нужно было совсем другое. Мне был нужен диспетчерский пункт моей буровой. Точнее, буровой восточного ярданга Амазонии. Еще точнее — пятой марсианской буровой с индексом Р-4500. Как старший прораб пятой Р-4500, я хотел знать, что там сейчас происходит. Судя по выражению веснушчатой физиономии Можаровского, ничего хорошего там сейчас не происходило. А ведь до этого дня наша 5-Р-4500 была самой благоприятной из всех марсианских разведочных скважин глубокого бурения.

Помогая мне, Адам тронул несколько клавишей — на экране промелькнула оранжевая пустыня, и вдруг возникло изображение диспетчерского помещения буровой. За пультом никого не было, хотя там должна была быть Светлана Трофимова. Обязана быть. Даже отсюда видно, что на табло диспетчерского таймера еще не истекла последняя минута контрольного времени сеанса связи.

— Алло, Трофимова, Светлана! — позвал я и посмотрел на Адама.

Можаровский понял мой взгляд.

— С ней ничего не случилось, — сказал он. — Впрочем... — Он подал знак кому-то за моей спиной: — Женя, еще разок проясним ситуацию.

Оператор-связист Женя Галкин, которого я систематически обыгрываю на бильярде, приблизился к главному, быстро взглянул на меня сверху вниз круглыми, как у птицы, глазами. Адам, повернувшись на своей коробке к Галкину боком, ко мне лицом, проникновенно спросил:

— Женья, ты когда включил канал на Р-4500? Вспомни с точностью до минуты.

— Точно по графику, ровно в шесть сорок пять.

— Как долго буровая не отвечала?

— Минут семь. Я перевел канал в режим автоматического вызова на связь и зафиксировал позицию вот с этой картинкой, — Женья кивнул на экран. — Трофимова появилась минут через семь. Волосы в беспорядке... В спешке выпалила то, что вы уже знаете, и убежала.

— Повтори для Вадима, он не знает.

— Вот дословно: «Извини, Галкин, здесь такое творится!.. Песков всех нас вампирами обозвал и Айдарова чуть не убил!»

— Песков... Айдарова? — промямлил я ошарашенно. — Вы что, парни!.. Разыгрываете меня, что ли?

— погоди, это не все, — обронил Можаровский. — Кроме всего прочего, Женью потряс ее смех.

— Ну... не совсем смех, — робко возразил Женья. — После своего торопливого сообщения Трофимова странно так хохотнула и сразу выпорхнула из диспетчерской. На ее руке и белом халате была свежая кровь...

«Хохотнула, выпорхнула, — мысленно повторил я как в гипнотическом трансе. — Свежая кровь!..» Меня передернуло.

— В каком месте халат был в крови? — спросил Можаровский.

— Собственно... несколько пятен. На пальцах, на рукаве и... вот здесь, на груди. — Галкин показал где. — И пятно на щеке. У меня сразу так... подозрение, что она не в себе.

— Кто? — выдохнул я.

— Трофимова.

— Конкретнее, — потребовал Адам. — Что значит «не в себе»? Умом тронулась? Или, может быть, навеселе?

— Может быть...

— Спирт у тебя на буровой имеется? — тихо спросил Адам. — Эй, старший прораб буровых работ, я тебя спрашиваю.

Я словно опомнился. Обвел взглядом стены, чтобы легче было взять себя в руки. Прощедил:

— Навеселе, говорите?

Женья Галкин неуверенно развел руками. Можаровский пристально смотрел на меня.

— Ну вот что, — сказал я, чувствуя неприятное натяжение кожи на собственных скулах. — Я больше трех лет с ними работаю и уж как-нибудь каждого знаю. Кстати, Песков и Карим Айдаров — друзья. А насчет Светланы Трофимовой... это вы бросьте! За такое я ведь... и врезать могу.

Я поднялся. Галкин неуверенно отступил. Главный диспетчер, обратив ко мне побагровевший затылок в завитках рыжих волос, повел рукой над пультом сектора Амазонии. Красиво повел, музыкальной рукой маэстро над мануалами органа в старинном соборе. В Воскресенском, скажем, соборе музейного городка Новый Иерусалим. Великое Вnezемелье, даже не знаю, в какой точке эклиптики сейчас этот Новый Иерусалим!

— А вот сюда, старший прораб, взглянуть хочешь? — прошипел маэстро Адам, и от мерзкой его интонации глаза мои непроизвольно сузились, а кожа на скулах натянулась до хруста. — Сядь, разговор, не окончен.

Сектор Амазонии ожил: организованно вспыхнули и погасли командные группы светосигналов. На экране сменилась картинка. Я узнал интерьер бурового зала, сел. И вовремя.

В глубине, как всегда, хорошо освещенного рабочего зала нашей Р-4500 белели накрытые цилиндрическими кожухами громоздкие барабаны для проходческих шлангов, лоснились блеском инструментальной стали аккуратно укрепленные на стендах буровые наконечники, мигали табло температурного и газового контроля. Я перевел взгляд ближе —

на устье скважины. Точнее, на агрегат обеспечения герметизации забитого в устье скважины обсадного стакана. Проходческий шланг глянцевым телом питона свисал с желобчатого обода верхнего блок-балансира и, плотно обжатый сальником гермокольца, исчезал в направляющей, откуда начинался его четырехкилометровый путь по вертикали в промерзшие недра планеты. Двух секунд мне было достаточно, чтобы понять: проходки нет, буровая простаивает. О том же свидетельствовала индикация бурового процесса: в левом нижнем углу экрана светились нули. А в правом — рдела расползшаяся на серебристом полу рабочего зала глянцевитая лужа...

Уяснив наконец, что собой представляет эта ужасная лужа, я беспомощно оглянулся. Галкин ушел. Главный все так же сидел на коробке, но смотрел куда-то в сторону от экрана. Они уже это видели. Вот, значит, в чем дело...

Словно желая подчеркнуть масштабы несчастья, кто-то оставил возле кошмарной лужи залитый кровью халат. Когда я увидел этот халат, мне показалось, будто вокруг меня внезапно исчез воздух — дышать стало нечем. Что ж это она говорила: «Песков Айдарова чуть не убил»? Судя по размерам лужи, Песков Айдарову голову оторвал, не иначе...

Почти невидящими глазами я попытался всмотреться в синий кружок, который сиял возле воротника брошенного халата. Нет, на таком расстоянии букв не видно... Хотел попросить Можаровского дать увеличение на экран, но мне помешали. Пульт скрипнул звуко сигналами столичного вызова, и чей-то голос напористо произнес:

— Центр — сектору Амазонии. Ну, как у вас? Нового что?

— Ничего, — ответил, взглянув на меня, Адам. — Пятая по-прежнему не отвечает. У вас что?

— Бригада медикологов в сборе. Перед стартом интересуются последними новостями.

«Значит, реаниматоров вызвали», — обреченно подумал я.

— Все по-прежнему, — повторил Адам. — Ничего нового.

— А кто сегодня на пятой сменный мастер бурения?

— Вадим, кто у тебя там сменный? — переадресовал вопрос Можаровский.

— Фикрет Султанов, — проговорил я деревянным ртом. — А при чем сменный, если за все отвечает прораб? Я буду на буровой раньше реаниматоров.

— Нил, когда медикологи вылетают? — осведомился Адам.

Длинная пауза. Можаровский не выдержал:

— Нил! Берков!

— Аэр медикологов стартовал, — донеслось из столицы. — Прорабу — мои соболезнования. Ну что, конец связи?

Мне было плевать на соболезнования Нила Беркова. Я разглядывал синий кружок на пропитанном кровью халате и ждал, когда Можаровский освободится. Покосившись в мою сторону, он пояснил:

— Я тут с перепугу инициативу на себя взял — медиков без твоего ведома вызвал.

— Правильно сделал. Дай-ка увеличение на экран. Вот здесь... — я тронул место у своего плеча, где на спецхалатах бурильщиков в синем кружке обозначены инициалы владельца.

— Уже смотрели, — сразу понял Адам. — Инициалы «Эн. Пе.» — Он дал на экран увеличенное изображение белых букв на синем фоне: «Н. П.». — Видишь?

Я не ответил. Я ожидал увидеть инициалы Айдарова.

— Очевидно, халат Николая Пескова. Других «Эн. Пе.» на буровой как будто нет?

— Других нет. — Я встал. Голова у меня шла кругом.

Плохо помню, как я добирался до экипировочной и как парни из команды шлюзового обеспечения снова натягивали на меня эскомб. Все происходящее почему-то казалось мне странным действием, не имеющим ко мне отношения. Ощувив на лице холодную кислородную маску, я сделал несколько глубоких вдохов и только после этого осознал, что в жизни моей наступает крутой поворот. Я уже не буду прорабом. Снимут к чертовой бабушке. Я уже не буду работать на буровой. Отстранят. Теперь меня объявят персоной нон

грата и предложат убраться с Марса первым же рейсовиком. Или, хуже того, вообще прихлопнут служебную визу во Внеземелье. Но самое страшное — если умрет Айдаров.

Я еще надеялся, что, реаниматоры успеют. Чаще всего они успевали. С этой мыслью и этой надеждой я промчался на подвесном сиденье вдоль шлюз-потерны, состыкованной напрямую с гермолюком машины Кубакина.

Шлюз-тамбур аэра был открыт, я беспрепятственно проник в кабину. В розовом полумраке горбатились мягкими глыбами пять пассажирских кресел. Впереди отливали блеском металла амортизаторы двух пилотложементов. Я сел в ложемент второго пилота, зафиксировался и посмотрел на Артура. Его ложемент находился слева от моего и чуть впереди.

— Здравствуй, — сказал Кубакин скучающим голосом. Лицевое стекло его гермошлема было поднято, а кислородная маска, опущенная на поворотных фиксаторах, оранжевой плоской висела под подбородком.

— Привет, — сказал я и тоже поднял стекло. Маску опускать не стал, потому что в кабинах здешних аэров постоянно ощущается характерный для Марса «букет» неприятных запахов.

— Когда садятся в ложемент второго пилота, у первого обычно спрашивают разрешение, — заметил Кубакин.

Это верно, обычно спрашивают. Первыми здороваются с пилотом и очень вежливо заручаются разрешением сесть в ложемент, лететь в котором удобнее, чем в кресле, потому что лучше обзор.

— На буровую, — отрезал я. — Пулей!

Несколько мгновений пилот разглядывал меня в зеркало заднего вида. Я тоже уставился в его желтые, как у кошки, глаза. Он шевельнул рукоятками управления на концах желобчатых подлокотников. Гулко захлопнулся гермолюк, машину тряхнуло, с шипеньем сошлись створки шлюз-тамбура. Кубакин вызвал на связь транспортного диспетчера:

— Выполняю рейс первый столичный. Прошу старт.

— Отменяется, — сказал диспетчер. — Выполняйте первый на пятую Р-4500, Амазония, ярданг Восточный. Старт разрешаю.

Рывок вдоль ствола катапульты, шумный выхлоп. Я зажмурился от обилия дневного света, хлынувшего в кабину сквозь прозрачную выпуклость блистера. Невыносимо тонко ныл мотор, грудь сдавливало тяжестью ускорения, впереди ничего, кроме светло-желтого неба, не было видно.

В бортовых бунках со звонким шелестом сработали механизмы синхронного наращивания плоскостей, и в обе стороны, как всегда неожиданно, выметнулись, блеснув на солнце, очень длинные, розовые, по-чаячьи изогнутые крылья. Корпус поколебало судорогой аэродинамической встряски, тяжесть исчезла. Артур Кубакин, накренив машину, заложил глубокий вираж, и слева по борту вдруг вынырнула вздыбленная под крутым углом обширная горно-вулканическая страна. Дымящаяся под невысоким утренним солнцем вулканическая страна, ландшафт которой выглядел первобытно и мрачно. Мрачный ландшафт, мрачное настроение. Мрачный пилот.

Я пытался представить себе, как все это могло случиться на буровой. Не знал, что и думать. Тракам моего воображения было просто не за что зацепиться. Кровавую стычку как следствие «неуправляемой ссоры» (гипотеза Можаровского) я начисто исключал, потому что своих людей знал лучше, чем собственные пять пальцев. Насмешник и шутник-задира Карим Айдаров, в принципе, мог бы вспылить. Резкий жест, резкое слово... Но Коля Песков, голубоглазый добряк богатырского телосложения, в роли героя «неуправляемой ссоры» совершенно не смотрится, хоть так его поверни, хоть этак. Скорее он напоминает слона, который, по выражению Светланы, «готов безропотно таскать на себе бревна тягот геологоразведочного бытия все двадцать пять часов в сутки». Не совсем, правда, безропотно, поскольку Песков очень болезненно переживает любую несправедливость и в этом смысле бывал иногда мнительным и капризным, как девушка. Ссор избегал. В драках не участвовал.

Не в последнюю, разумеется, очередь потому, что на буровой 5-Р-4500 драк отродясь не бывало. Кроме того, Песков и Айдаров друзья. Пять лет работают вместе, и делить им, кроме забот о глубоком бурении в здешних условиях, нечего. Но это с одной стороны. С другой — страшный халат Николая, ужасная лужа, сорванный радиосеанс. «Извини, Галкин, у нас тут такое творится! Песков Айдарова чуть не убил!» Чушь какая-то!.. Конечно, ранить или даже убить можно чисто случайно. Для Карима и для меня это, впрочем, слабое утешение...

На маневр разворота ушел весь запас высоты, и теперь наш розовокрылый аэр низко летел над западным склоном Фарсиды. Даже слишком низко, пожалуй. По причине сильной разреженности атмосферы Марса здешние авиаторы — изумительные мастера бреющего полета. Кубакин — мастер из мастеров. Он же постоянный лидер соревнований по экономии полетного энергоресурса. Чем ниже — тем экономичнее полет наших птиц. Я стал смотреть на быстро мелькающие под носовой частью блистера верхушки скалистых бугров. Черные базальтовые глыбы, полужасыпанные песками цвета ржавчины и глинистой пылью цвета битого кирпича. Экономя энергоресурс, Кубакин, похоже, готов был вспороть базальты Фарсиды опорными лыжами: перед носом аэра на неровностях склона уже трепетала, словно добыча в когтях у орла, крылатая тень.

Пружинно вздрогнув, машина качнулась с крыла на крыло. Кабина дернулась и резко накренилась вправо, а слева по борту — под самым изгибом крыла — иззубренным лезвием промелькнул гребень стены обрыва.

— С ума сошел?! — крикнул я, хватаясь за подлокотники ложементов.

Артур не ответил. Я чувствовал, как все его существо излучало сквозь оболочку эскомба флюиды непримиримости.

— Если я тебе в тягость, так хоть себя пожалей!

— Ремень застегни! — отрезал пилот.

То ли мой окрик подействовал, то ли Кубакин и в самом деле решил себя пожалеть, но аэр постепенно выровнял крен и набрал безопасную высоту. Теперь мы шли над сильно кратерированной местностью, изрезанной извилистыми каньонами. В каньонах зловеще курился туман. Гигантские ступени застывших миллиард лет назад потоков лавы придавали ландшафту вид таинственный и романтический. Мне, к примеру, они чертовски напоминали черные руины каких-то странных ступенчатых крепостей... Низменные места здесь все еще утопали в утреннем тумане, сумрак, густые тени преувеличивали глубину провалов и кратерных ям. А дальше, на западе, уже ясно просматривалась более пологая волнистая равнина, левее по курсу вспученная оранжевыми увалами, правее — отдельными группами черно-красных скалистых холмов.

В шлемофоне занял сигнал вызова. Сквозь свист мотора пробился голос главного диспетчера:

— «Чайка»-триста тринадцать, на связь!

Одним движением Кубакин вскинул на лицо кислородную маску, чтобы плотнее «сел» внутри гермошлема ларингофон.

— Я — «Чайка», бортовой номер триста тринадцать, Кубакин.

— Вадим... слышишь меня? — спросил Можаровский.

Не знаю, какие нервные силы управляют термодинамикой моего организма, но в этот момент я похолодел от макушки до пят.

— Что? — выдохнул я. — Карим?..

— Нет-нет! — спохватился Адам. — Буровая по-прежнему не отвечает, все как было.

Термодинамический эффект сработал в обратную сторону — мне стало жарко и душно. Я очень боялся вестей с буровой.

— Все как было, — повторил главный. — Где вы там? Успели скатиться с Фарсиды?

— Пересекаем Ржавые Пески подножия.

— Зону аккумуляции эолового материала? — уточнил Адам.

— Если угодно, — ответил я и, слегка удивленный его лексической осведомленностью в области ареоморфологии, глянул вниз, на извилистые узоры дюнного поля. Вдруг

догадался: он ловит наш «зайчик» на включенной там у себя автокарте маршрутного сопровождения. Я предложил:

— Хочешь картинку?

— Нет. Есть сообщение: медики выгружают на буровую с юга. Сейчас они на широте горы Павлина. Вы опережаете их, по моим расчетам, на десять минут.

«Лучше бы наоборот», — подумал я. Думать о предстоящей работе реаниматоров на буровой было равносильно пытке. Я постарался отвлечься:

— Спасибо за информацию.

Навстречу неслись и с бешеной скоростью исчезали под днищем кабины волнистые гряды пропитанных ржавчиной и припорошенных инеем дюн. Царство Ржавых Песков. С ледовой шапки марсианской арктики к подножию колоссального горного вздутия, называемого Фарсидой, ежедневно стекают студёные ветры и волокут сюда все, что им удастся содрать на пути с равнинных просторов Аркадии и Амазонии. Даже небо здесь розовое от постоянно взвешенной в воздухе красной пыли. Я смотрел на прыгающую по верхушкам дюн трепетную тень аэра и уже не ждал от главного ничего, кроме обычной формулы прощания, как вдруг он огорошил меня вопросом:

— Вадим, сколько людей у тебя сегодня на буровой?

— Ты как будто не знаешь?!

— Сменные мастера Фикрет Султанов и Дмитрий Жмаев, — невозмутимо стал перечислять Адам. — Бурильщики Николай Песков, Карим Айдаров, инженер-коллектор Светлана Трофимова...

— Не ошибись, их пятеро на буровой.

— Вот мне и хотелось бы знать, чем каждый из них должен был заниматься в шесть сорок пять утра.

— Я сам ломаю голову над этим.

— Ты гадаешь, что могло там с ними случиться, — возразил Можаровский, — а я спрашиваю: чем каждый из них обязан был заниматься перед утренней связью?

— В шесть тридцать дневная вахта меняет ночную. Принимает скважину, проверяет оборудование в рабочем зале, актирует результаты бурения...

— Извини, Вадим, кто бурил ночью?

— Султанов, Песков.

— Значит, на смену пришли Айдаров и Жмаев? Кстати, как это у вас происходит? Под звуки курантов все четверо встречаются в рабочем зале?

Я помедлил с ответом.

— Встречаются пятеро.

— Что, и Трофимова тоже?

— А с чем же ей, по-твоему, выходить на связь?!

— Понятно.

— Светлана должна быть в курсе всех производственных дел на буровой.

— Понятно, — повторил Адам. — Значит, ты вправе предположить, что утром все пятеро членов твоей команды общались в рабочем зале?

— Да. По крайней мере, так бывает обычно.

— Результат их сегодняшнего общения — лужа крови, «чуть не убитый» Айдаров и затяжное молчание буровой... Послушай, не странно ли, что в этой луже плавает халат Пескова?

— Странностей хоть отбавляй.

— Если Трофимова сказала правду, было бы куда логичнее увидеть в луже халат Айдарова, верно?

— Светлана лгать не станет, — отрезал я.

— Тогда почему халат не Айдарова?

— Наверное, потому, что никому и в голову не пришло раздевать прямо в зале тяжело раненного человека. Куда логичнее поскорее доставить его в каюту.

— Судя по размерам натекшей лужи, с ускоренной доставкой что-то не получилось, — резонно заметил Адам. — Выходит, чтобы снять халат с пострадавшего, время у них было.

— Пострадавшим считаешь Пескова?

— И Айдарова, — добавил главный. — Обоих. Такая обширная лужа крови на одного — слишком много, черт побери!

— По-твоему, Песков чуть не убил Айдарова, а Айдаров — Пескова? — пробормотал я, плохо соображая в этот момент.

— Айдаров — вряд ли. Давай припомним, что говорила Трофимова. «Извини, Галкин, здесь такое творится! Песков нас всех вампирами обозвал и Карима Айдарова чуть не убил!». Сам видишь, мог ли Пескова Айдаров.

— Ну а... кто же Пескова?

— Остальные.

— Остальные?! — Мне показалось, я схожу с ума. Остальные — это Светлана, серьезный уравновешенный Дмитрий и мудрый Фикрет — наш ветеран, мой надежный помощник. — Но Пескова-то за что?!

— Мотив пока неизвестен, — высказал соображение главный (я даже представил себе, как он там пожал плечами и дернул рыжей, как марсианский пейзаж, головой). — Однако в сообщении Трофимовой есть очень странный намек: Песков их всех вампирами обозвал. Всех, заметь!

— Заметил. И чего в этом...

— Может быть, и ничего, — перебил Можаровский. — А вдруг он знал, что говорил?

— Бред какой-то!..

— При тебе он когда-нибудь ругался такими словами?

— Песков никогда не ругается — он по натуре своей не агрессивен. Вампиров, вурдалаков и упырей при мне он ни разу не поминал ни в какой связи. И что из этого следует?

— Только то, что сообщила Трофимова. Кроткий, как голубь, Песков взбунтовался один против всех. Ты склонен Трофимовой верить? Мы — тоже. Опирайтесь будем на голую логику.

— А если Песков просто спятил, как вы тогда вместе с ней, голой логикой, выглядеть будете?

— Насчет Пескова — спятил он или нет — можно только строить догадки, — сухо возразил Адам. — А вот насчет Трофимовой... Ее изумивший Галкина «портрет» запомнил?

Логическая западня захлопнулась. Я молчал от ошеломления, непонимания, страха. Не далее как вчера я оставил на абсолютно благополучной буровой пятерых совершенно нормальных людей. И не просто людей — товарищей своих, друзей, с которыми бок о бок... все эти годы. Перед сном, во время вечернего сеанса связи, я долго разговаривал со Светланой. Она была как всегда, мила, остроумна. Нам бывает скучно друг без друга, хотя, когда мы вместе, я очень устаю от той иссушающей сердце неопределенности, устранить которую почему-то не в силах ни я, ни она... И вот сегодня ни свет ни заря «благополучная» буровая обернулась притоном обезумевших убийц!..

— Адам, а может, все они чем-нибудь отравились?

— Годится. Но что это меняет?

— По сути ничего, ты прав. Нашу беседу слышит еще кто-нибудь?

— Естественно. Кубакин, например.

— Кубакин — ладно, свой человек. Еще кто?

На этот раз уже главный помедлил с ответом.

— Нашу беседу координируют из столицы.

— А!.. — сказал я. — Привет Гейзеру Павволу.

Есть у нас на Марсе оракул такой, на всякий случай. Работает системным аналитиком и прогностиком. Когда возникает нужда, он и его коллеги просчитывают нестандартные ситуации. Это чтобы повысить степень нашей готовности к любым неожиданностям. Ну

спасибо, парни, повысили — все поджилки трясутся...

— Вадим, — окликнул меня Можаровский. — Куда исчез?

— Никуда. Стараюсь взять себя в руки.

— И еще не забудь взять в руки оружие. После посадки пилот выдаст тебе пистолет из бортового сейфа.

— Сам придумал?

— Мы так решили. Для твоей безопасности на буровой.

— Идите вы... со своим решением.

— Это мне идти. Гейзер Паввол отключился. Его, между прочим, на совещание вызвали.

«Вот как! — подумал я. — Весь Марс на ноги подняли».

Впереди, над волнистой линией близкого здесь горизонта, вспыхнул солнечный зайчик. Блеснуло коротко, но светло и ясно — будто вспыхнуло на солнце чистое зеркало. Это уже верхушка здания буровой. Вернее, антенна системы спутниковой связи «Ареосат», похожая на маленький зеркальный парус. Через две-три минуты машина сядет, и я наконец узнаю, в каком состоянии раненый. Или раненые, если их действительно двое.

— Кубакин! — позвал Можаровский.

— Слушаю! — быстро откликнулся тот.

— Артур, Ерофеева без оружия из кабины не выпускать!

Я встретил в зеркале желтые огоньки глаз пилота.

— Иду на посадку, — предупредил он не столько, надо думать, меня, сколько диспетчера.

Аэр с головокружительным креном вошел в разворот над оранжевым, мягко всхолмленным «блином» пустыни.

— Жди Ерофеева, — напутствовал пилота Можаровский, — кабину не покидай. Вадим, будь осмотрителен, действуй без риска. До связи, прораб!

Я пытался высмотреть на вираже приметный здесь ориентир — группу линейных борозд выдувания. Группу неглубоких ветровых долин. То, что мы называем ярдангами. Пока я соображал, где их искать, вставший дыбом «блин» западной Амазонии закатился куда-то назад и, неожиданно вынырнув из-под слепящего солнца, ухнул вниз. Меня слегка замутило, я впрыснул в респиратор дыхательной маски мятный аэрозоль. Машина выпрямилась и, клюнув носом, пошла на снижение вдоль прямолинейной, как городской проспект, долины — центральной в группе из трех чисто вылизанных ветрами долин — ярдангов, разделенных между собой узкими грядами.

Исполосованное тенями ложе ярданга с бешеной скоростью уносилось под днище аэра, а впереди выростало в размерах черно-белое с золотистыми отблесками здание буровой, охваченное с тыла тремя рядами зеркал гелиоустановки. Заранее освобождаясь от ремней, я ощупывал взглядом стены стремительно вырастающей трехступенчатой пирамиды. Не знаю, что я ожидал увидеть. Не было заметно никаких странностей, буровой комплекс выглядел обыкновенно. Впрочем, бодрости мне это не добавило.

Излишек площади несущих плоскостей аэра со скрежетом втянулся в бортовые бунки. Опустив стекло гермошлема, я ждал посадочного толчка. Свист мотора сменило шипение тормозной воздушной струи, и, как только амортизаторы приняли на себя удар опорными лыжами, я вскочил и, пригнув голову, чтобы не стукнуться о потолок, кинулся к выходу. В шлюз-тамбуре меня остановил закрытый люк.

— Артур, в чем дело?

— Возьми оружие, — сказал Кубакин.

— Открой немедленно, время идет!

— Возьми оружие, — спокойно повторил пилот.

Я повернул обратно и минуту наблюдал, как сложно отпирается кодированный оружейный сейф.

— Пользоваться хоть умеешь? — запоздало осведомился мой мучитель, подавая мне

глянцево-черный паллер в желтой и тоже лоснящейся гляncем кобуре. — Полезная штукавина.

Кобуру я не взял. Выхватил из нее тяжелый паллер, щелкнул предохранителем и приставил ствол к гермошлему Кубакина:

— Люк открывай! Живо!

Он отшатнулся в испуге:

— Ты что... спятил?!

— Нет. Но пальцем чувствую, спуск у этой полезной штукавины очень мягкий.

— Иди, иди куда хочешь, выход открыт!

Я воткнул паллер в кобуру, которую Кубакин все еще держал в руке:

— Спрячь в сейф до следующего раза.

— Совсем ненормальный!.. — бросил мне в спину пилот.

Больше никаких недоразумений с выходом не было — люк открылся. Я спрыгнул на хрусткий, обындевелый грунт и поспешил к зданию буровой. У входа в шлюз обернулся. Приподнятые крылья аэра были плавно изогнуты на концах, как хвостовые перья птицы-лиры. Вдоль ярданга висела в воздухе рыжая муть.

Пока автоматика накачивала в шлюзовой тамбур мутный от снежной пудры и глинистой пыли воздух, я раздумывал, что мне делать после терминальной и моечной обработки. Раздеваться в экипировочном отсеке не стоит. Во-первых, это непозволительно долго. Во-вторых... В общем, раздеваться не надо. И гермошлем не стоит снимать — лучше сохранить за собой преимущества автономного дыхания. На всякий случай.

В клубах пара стал расширяться светлый прямоугольник прохода в экипировочную. Сердце забилося чаще. Мне казалось, в этом отсеке меня ожидает нечто ужасное. Вперед!

Ничего не случилось. Экипировочная была безлюдной и в полном порядке.

Стараясь ступать бесшумно, я выскользнул в коридор и быстро добрался до лестничного фойе. Отсюда на второй ярус вела винтовая лестница. Там — жилые каюты. Я надавил ногой на первую ступеньку — мягким сиянием озарилась вся лестница, и зеркала отразили глянцево-розовый блик на моем гермошлеме. Впервые в этом фойе стоял человек в полной гермоэкипировке. Я отпустил ступеньку и двинулся дальше по коридору до поворота в рабочий зал. Сплошного освещения в коридорах первого яруса не было — меня сопровождала скользкая световая волна. Впереди мрак. И сзади. И крошечная тьма в боковых проходах. Согласно опасениям Можаровского, я на каждом шагу мог встретиться с упырем. Я понятия не имел, как должна выглядеть эта нежить по фольклорным канонам, и старательно не доверял подозрительным теням. А впрочем, согласно логике Можаровского и Паввола, здешние упыри злодействуют под личиной моих подчиненных...

На повороте в рабочий зал я задел ногой какой-то предмет. Меня прошибла испарина. Это был заляпанный красными пятнами башмак кого-то из бурильщиков. Прочный такой башмак на толстой подошве... Второй находился далековато от первого — шагах в десяти. Мне стало до мерзости неудобно. Однако я заставил себя войти в переходный тамбур и заглянуть в хорошо освещенный зал через квадратный иллюминатор. Кошмарная красная лужа была на месте. И халат. Новый ракурс позволил мне разглядеть на полу то, чего со стороны следящего телемонитора не было видно: испачканный кровью и еще черт знает чем респиратор и кровавые отпечатки рифленых подошв. Переступив с ноги на ногу, я с ужасом вдруг ощутил, что пол в тамбуре липкий.

Почти не разбирая дороги, я вернулся в фойе. Меня мутило. Мне казалось, подошвы моих башмаков оставляют на ступеньках лестницы кровавый след. Я снова впрыснул в дыхательную маску мятный аэрозоль. Во мне крепла уверенность: жуткое происшествие на буровой — результат общего отравления всей бригады. Но чем?!

Лестница кончилась. Я стоял в холле жилого яруса. Двери кают четко очерчены по периметру белыми валиками пневмо-уплотнителей. Ноги сами привели меня к двери каюты Айдарова, рука нажала кнопку сигнала. Никто не откликнулся. Я потянул дверь на себя, отвел в сторону. Вошел в залитый светом салон, убедился, что откликаться здесь некому.

Заглянул в бытотсек и в спальню. Обычные чистота, порядок...

В свое жилище я просто заглянул с порога и, бегло осмотрев соседнее — жилище Дмитрия, отворил дверь каюты Пескова. Охвативший меня в этот момент страх неизвестности оказался напрасным — и здесь ничего ужасного не было. В салоне, однако, был беспорядок: надувное кресло опрокинуто, журналы разбросаны, штатив столика так основательно прогнут книзу, что овал столешницы касался пола. «Падал он тут, что ли?..» — подумал я о хозяине. Он или не он, но кто-то был здесь несколько минут назад — на полу еще не просохло темное пятно от разлитой воды. Рядом валялся бокал. Чуть дальше — сифон. Возле сифона что-то блестело. Вглядевшись, я узнал разорванную платиновую цепочку Светланы. Быстро поднял свой недавний подарок, сжал в кулаке.

В каюте Светланы я подошел к столу, взял бокал и, нацедив воды из сифона, стукнул бокалом о лицевое стекло. А, черт! Я протер забрызганное стекло и почувствовал, что уже устал от нервного напряжения. Где раненый? Где все? Что произошло в каюте Пескова?.. Я стукнул по крышке стоящего на столе фото-блинкстера — крышка пружинно откинулась, блеснули зеркала отражателей. Над зеркалами возникло стереоизображение Аэлиты.

Все мы на пятой Р-4500 хорошо знали эту единственную в наших окрестностях базальтовую скалу — останец на вершине круглого, плотного, словно медью облицованного холма. Песков первый разглядел в этой скале... нет, сначала не Аэлиту. Сначала просто Ее. Он же повел знакомиться с Ней своего друга Карима. И пошло по цепочке: Айдаров показал марсианку Диме, тот — Светлане, Светлана — Фикрету. Наш ветеран ничего особенного не разглядел и загорелся желанием испытать чары этой скалы на мне. Увы, мне долго не хотелось тратить время на пустяки. Но однажды, вдруг обнаружив, что никто, кроме Фикрета, не приглашает меня посмотреть на занятную горку (даже Светлана ходит туда одна!), я почувствовал себя уязвленным, вывел из гаража вездеход и, форсируя двигатель, покатил по следам паломничества буровиков. Одного взгляда на вершину холма мне было достаточно, чтобы соединить случайные, в сущности, формы выветривания в одно прелестное целое, — я сразу увидел Ее... Изящно опершись руками и грудью на глыбу дикого камня, Она глядела вдаль с выражением живого и наивного любопытства на очень молодом, немного курносом лице. На Нее приятно было смотреть — как на красивого и чуточку шаловливого веселого ребенка. Казалось, тронь Ее базальтовую голую пятку — и над холмами зазвенит залихватый девичий смех. У меня побежали мурашки по коже... Я вынес из вездехода фотоблинкстер и торопливо, пока не накрыли пустыню стремительные здесь лиловые сумерки, запечатлел марсианочку в объеме двенадцати единиц кассетного кристалла. На третий день после моего шального визита скалу взорвали. Изыскательская группа энергетиков, ровняя площадку под опорную гелиостанцию для грядущих энергетических нужд Амазонии, напрочь снесла с холма половину останца. В тот вечер Песков закрылся в каюте и не вышел на смену. А две недели спустя мне, как прорабу, был из столицы разнос: за каким, дескать, лешим вы включили в требование по срочной грузодоставке пять букетов бессмертника и куда теперь девать этот присланный с Земли ящик? Оставшееся время сеанса связи я изъяснялся в основном междометиями. Я понятия не имел о «нелегально» затребованных пяти букетах и действительно не знал, что делать с ящиком. Вмешалась Светлана. «Ящик разбейте о голову начальника изыскательской группы, — посоветовала она столичному функционеру, — а бессмертник отправьте к нам на буровую, как и указано в комплектной ведомости доставки технологического груза. У меня все». У нее все! «Напрасно ты надерзила столице, начальство мне этого не простит». — «Ну... как-нибудь. Пострадаешь за Аэлиту». — «Нет Аэлиты! Понимаешь? Взорвали! Для кого теперь эти бессмертные веники?!» — «Для нас!» — выкрикнула она мне в лицо и выбежала из диспетчерской. Вечером я долго вызывал ее по звуковому каналу внутренней связи. Разговора не получилось. Она пропела мне из своей каюты грудным контральто: «И тех страдальцев не забудь, что обрели венец терновый, толпе указывая путь — путь к

возрождению, к жизни новой...».¹ Последние слова утонули в рыданиях. Она сама утонула в рыданиях. «О, черт! — подумалось мне тогда. — Пустынный, пыльный, сухой, морозный ярданг, а какие здесь страсти бушуют!..»

Я разжал кулак, выпустил платиновую цепочку на стол и покинул каюту.

Мне оставалось осмотреть жилище Фикрета. Вдруг в отдалении прозвучал женский смех. И вроде бы голоса... Я подкрутил на темени гермошлема регулятор усилителя слышимости и шагом разведчика прокрался в фойе, откуда вела наверх винтовая лестница. Ничего не было слышно, кроме шороха моих осторожных шагов.

В какое из двух помещений третьего яруса заходить в первую очередь, выбирать не пришлось: дверь в диспетчерскую была закрыта, а из распахнутой двери, ведущей в лабораторию, призывно падал свет... Я переступил порог.

За пультом лабораторного терминала сидела Светлана. Двое в белых халатах прильнули к ней с обеих сторон, обняв за плечи. Светились экраны, мерно пощелкивал рентгеноструктурный анализатор.

— Вот вы где!

Двое из этой троицы вздрогнули и обернулись (Светлана продолжала смотреть на экраны). Не сразу я узнал Дмитрия Жмаева и Карима Айдарова: халаты и лица их были испачканы кровью. На глазах Айдарова красовалась карнавальная полумаска...

Несколько секунд мы оторопело разглядывали друг друга. Я машинально поднял лицевое стекло. Издав торжествующий вопль, они внезапно бросились ко мне с протянутыми красными руками. Я попятился. Они ухватили меня и с громкими возгласами потащили на середину лаборатории. Ошеломленный нападением, я почти не сопротивлялся, но уже прикидывал, кому и куда нанесу первый удар. В суматохе я очень близко увидел испачканное лицо Айдарова, оскал белых зубов и по-сумасшедшему острый блеск глаз. То, что я принимал за карнавальную полумаску, оказалось лиловым разливом чудовищных подглазных синяков. Крепко сжав меня с двух сторон, Айдаров и Жмаев в каком-то радостно-безумном возбуждении пытались кружиться, пританцовывали и оглушительно орали, призывая Светлану включаться в этот дьявольский хоровод. Я не мог понять, чего они от меня хотят, но успел отшатнуться, когда Светлана вдруг поднесла к моему лицу колбу, наполненную свежей кровью. Изловчившись, оттянул кислородную маску и рывкнул что было мочи:

— Прекратить эйфорию!!

Рывкнул я просто от страха, не ожидая, что крик мой подействует. Но он подействовал. Безумцы отпрянули, Светлана выронила колбу.

Сосуд, глухо звякнув, стукнулся об пол, и часть его содержимого выплеснулась мне на ноги. Ломким от возбуждения голосом я спросил:

— Что здесь происходит?!

Все трое молча переглянулись. Мне показалось — с недоумением.

— Кто вас избил, Айдаров?

Карим ощупал свои «фонари» красными пальцами.

— Пустяки, — сказал он. — Это Коля резко так от меня отмахнулся. Нам представлялось, что ни одно лицо на буровой не станет резко возражать против традиционного обмазывания...

— Николай рассеял это заблуждение, — добавил Жмаев.

Я переводил взгляд с одного на другого. Я их боялся. Обоих.

Мне очень не нравился шалый блеск в их глазах. И синевато-серые глаза инженера-коллектора в этом смысле мне тоже не нравились. И аномальная растрепанность ее выбившихся из-под лабораторной шапочки волос...

— Не сердись, Вадим, — сказала она и, небрежно встряхнув волосами, уронила

¹ Стихи А. Н. Плещеева.

шапочку на пол. — Мы нашли то, чего не искали и о чем никто из нас не мечтал, ну и... слегка обалдели от радости.

— Это заметно.

— Не сердись. Нас теперь на руках носить надо.

— Это я вам почти гарантирую. — Я взглянул на часы. Если Адам не ошибся в расчетах, аэр медикологов уже здесь.

— На руках, — настаивала Светлана. — Всех! И тебя.

— Уж как меня понесут, вы себе даже не представляете.

— Тебя — впереди. Как знамя.

— А можно узнать, с чего это у вас такая радость?

— О! Наша скважина первой на этой планете нефть дала!

Я подумал, что ослышался.

— К-какая еще нефть?

— Хорошая нефть, малосернистая. Состав и плотность мы уже определили. — Она кивнула в сторону терминала: — Иди взгляни. Данные там, на экранах.

Абсурд. Я не двинулся с места. Нефть на мертвой планете под двухкилометровым панцирем мерзлых пород — полный абсурд. Вода и жидкая углекислота — пожалуйста, хоть целое море. Но нефть!.. Это немыслимо. Сотни геолого-разведочных скважин на Марсе пробурено, в том числе четыре глубокие, и ни малейших нефтепроявлений! Да их и не ждали. Никто никогда здесь прогноза на нефть не давал.

— Где Песков? — спросил я. — Где Султанов?

— Ты хотя бы понял, что я сказала?

— Не волнуйся, Светлана, не надо. Спокойно...

— Да какое тут, к черту, спокойствие?! — удивилась она: — Нефть! Понимаешь? Большая химия Марса! Индустриальное производство хозяйственных и строительных материалов прямо на месте! Сырье для пищевых синтезаторов! Почва для планетарной фитокультуры!..

— Не спорю, — вставил я. — Открытие нефти, безусловно, превратило бы Марс в объект немедленной колонизации. Но... увы.

Я развел руками, и возбуждение в глазах Светланы угасло. Пригладив волосы, она направилась к выходу.

— Нефть у твоих ног, — бросила она мне у порога, и ее каблучки зацокали по ступенькам винтовой лестницы.

Я решился на неприятный эксперимент: нагнулся, окунул палец в лужицу и понюхал эту кроваво-красную жидкость. Специфический запах нефти буквально парализовал меня. Айдаров и Жмаев с белозубыми улыбками на жутких лицах стояли поодаль и, видимо, ждали развязки. В голове у меня словно бы что-то перевернулось наоборот — вдруг стало понятно, что произошло сегодня на буровой.

Я медленно отстегнул перчатки и, ощущая легкое головокружение, начал снимать с себя гермошлем.

— Кровельный пласт проткнули, а там — горизонт под давлением, — рассказывал Дмитрий, помогая мне раздеваться. — Нефть на самоизлив пошла. Фикрет глазам не поверил: нефть на нефть не похожа.

— Не растерялся наш ветеран, — вставил Карим, — нас с Димой по тревоге вызвал, Колю окриком из шока вывел, и они вдвоем эту струю перекрыли.

— Тут и мы подоспели, — продолжал Дмитрий. — А когда стали физиономии друг другу нефтью мазать, у Николая нервный срыв случился...

— Высотный костюм оставьте на мне, — сказал я. — Только тяжи ослабьте... Так, спасибо. Где Николай?

— В каюте Фикрета, — ответил Карим.

— Фикрет его там успокаивает, — пояснил Дмитрий.

— Главное — нефть дали! — Карим улыбнулся страшным лицом. — Автономию

Марсу, считай, обеспечили.

— Автономию, говоришь? — Я поднял колбу с остатками нефти, снова понюхал. — Струйку дали — и уже автономия?

— Фонтан! — многозначительно сказал Айдаров.

С колбой в руке я сбежал по лестнице на второй ярус. Голова немного кружилась. Нефть — она кому угодно голову вскружит. Спрыгнув с последней ступеньки, я увидел Светлану. Она стояла, опершись спиной о дверь своего жилища, и смотрела куда-то мимо меня. И непонятно было, чего — или кого? — она ждала. Бесшумно открылась и закрылась дверь каюты Султанова — наш ветеран вышел в холл. Тоже со следами ритуального обмазывания на лице. Мы обменялись рукопожатиями. Я спросил:

— Что с Николаем?

— Плохо ему, — сказал Фикрет и зачем-то потрогал себя за большой, испачканный нефтью, печально опущенный нос. — Разговаривать со мной не желает. Разве я виноват, что на Марсе красная нефть?!

Слово «нефть» он произнес без гласного звука и без смягчения на конце. Получилось что-то вроде «н-фт».

Я глубоко вдохнул струящийся из горлышка колбы специфический аромат и поинтересовался:

— Интуиция тебе что подсказывает? Нефти много?

— Думаю, да. Только нюхать ее... не советую.

Я и сам уже ощутил, что марсианская нефть оказывает на меня какое-то странное наркотическое действие.

— У меня до сих пор голова не на месте, — пожаловался Фикрет.

— Слышишь топот внизу?

— Кто это?..

— Бригада реаниматоров. Встречай, разбирайся.

Светлана быстро прошла в каюту Султанова — бесшумно открылась и закрылась дверь. В нашу сторону Светлана и не взглянула — как будто нас с ветераном здесь не было. Мы с ветераном выпали из сферы ее интересов.

— Теперь все станет на свои места, — добавил я, уходя.

— Вадим... куда? — растерянno спросил Фикрет.

— В диспетчерскую. Из-за фонтана мы совсем забыли про Гейзера и Адама. Фонтан, конечно, не гейзер, но, в функциональном смысле они адекватны.

Я рассмеялся, вылил содержимое колбы себе на голову и побежал вверх по ступенькам.

Наверху я почувствовал, как нефть течет у меня по щекам.

Игорь Пидоренко

ЧУЖИЕ ДЕТИ

1

— Не думай напрямую выпрашивать. И не узнаешь ничего, и Саше можешь навредить. Нужны осторожность и такт.

Ох уж эта мамина дипломатия! Сначала «ничего не узнаешь», а потом только: «Саше навредишь». Егор, слушая вполуха наставления матери, поднялся из кресла и подошел к окну. Весна никак не могла разогнаться, войти в силу, на улице было холодно, о стекло изредка с дребезжащим звуком бились крупные капли дождя. Небо плотно затянуло серо-белым, того и гляди снег сорвется. Сумрачно и противно. Но ехать все же придется. Егор подышал на стекло, пальцем написал на появившемся мутном пятне: «Март». Пятно быстро побледнело, но надпись прочесть было можно, и Егор стер ее ладонью.

Может быть, за неделю все неприятности забудутся, перегорят. По крайней мере, он постарается, чтобы перегорели. Будет читать, в лес с Денисом ходить, пользоваться остальными деревенскими благами. Какие там еще блага-то? Парное молоко, росные рассветы... Росные рассветы ранней весной? Скорее всего, та же мерзость и холод, да еще плюс грязь. А, там видно будет! Может, не брать Дениса, не портить ему каникулы?

Внизу, у подъезда, остановились ярко-синие «Жигули». Из них на мокрый тротуар неловко выбрался толстый мужчина с объемистым пакетом в руках. Даже отсюда, с третьего этажа, было видно, как от дождя лысина его тут же начала блестеть. Он захлопнул дверцу автомобиля, аккуратно запер и, переваливаясь, вошел в подъезд.

— Ма, — сказал Егор не оборачиваясь, — дядя Валя приехал.

Мама, все еще продолжавшая пространно излагать свои взгляды на тактику и стратегию родственных взаимоотношений, замолчала на полуслове, сбита с толку неожиданным возвращением к реальности. Теперь она долго будет вспоминать, что же еще хотела сказать, но так и не вспомнит. И разговор потечет по другому руслу. Егор вздохнул и пошел открывать дверь.

В проходную боком протиснулся толстый мамин брат. Он походил на добродушного синего бегемота в очках.

— Черт знает что за погода, — бурчал он, стягивая необъятных размеров плащ и пристраивая его на вешалку. Потом достал платок, развернул, неторопливо потер очки, обтер лысину и только тогда протянул Егору руку:

— Ну, здравствуй, племянник. Маша, надеюсь дома?

— Дома, дома, проходите, — заверил его Егор. Дядя стал протискиваться в комнату. Надо дать им поговорить. А то они вдвоем станут давать инструкции по разведке. Кончать бы это скорее да ехать!

Он успел разлить чай в чашки, сложить в вазочку печенье и положить в розетку вишневого варенья до того, как из комнаты послышался мамин голос:

— Егор! Поди сюда, пожалуйста!

Он вошел в комнату и сразу определил, что не ошибся. Стороны уже достигли соглашения, и руководящую роль взял на себя дядя Валя.

— Садись, — указал он племяннику на кресло. Егор осторожно поставил на стол поднос с чашками и сел.

— Значит, так, — начал дядя, отхлебнув чаю. — Общее положение тебе известно, повторяться не буду. Задача твоя тоже ясна. Основное — наблюдать, выяснять и помогать Саше. Для помощи он тебя, собственно, и зовет. Но нам нужно знать — что с ним происходит и почему это затворничество? — Он отставил чашку, поднял толстый палец и со значением посмотрел на Егора. — Понятно? Ты Дениску с собой берешь? Это хорошо, пусть поедет. А теперь вот еще что. — Дядя с шумом поднялся и принес из прихожей тот большой сверток, что привез с собой.

— Тут витамины и сказки, все, что можно было достать. Я, правда, не очень представляю, зачем ему столько. Но там все узнаешь. А это тебе.

Дядя подался вперед, его громадный кулак разжался перед носом Егора, и на колени тому, звякнув, упали ключи от «Жигулей»!

Дядя Валя полюбовался произведенным эффектом, успокаивающе пробурчал запереживавшей сестре: «Ничего, он парень хороший, можно доверять» — и сказал Егору, протягивая через столик бумаги:

— Права у тебя ведь есть? Тут доверенность. Смотри, не разбейся. Сам я ехать не могу, дел невпроворот, а автобусом в Николенки добираться неудобно. Да и долго.

«Хорошие у меня родственники», — размягченно подумал Егор. — «Нудные иногда, чересчур любопытные, но все равно хорошие». Жизнь уже не казалась такой однообразной и серой.

Дядя допил чай и засобирався.

— Пора ехать. А то дотемна не доберешься. Подбрось меня на работу. Заодно

посмотрю, как ты водишь.

Егор затолкал сверток в свою сумку, натянул куртку, чмокнул мать в подставленную щеку и запрыгал вниз по лестнице.

2

Дорога была мокрой, скользкой — дождь не прекращался уже часа три, словно тучи двигались от города в ту же сторону, куда ехал Егор. Ветровое стекло покрывалось крупными бурыми пятнами, когда мимо проносились тяжелые грузовики с затянутыми брезентом прицепами, и «дворники», жужжа, стирали эти пятна, превращая в бледные серые полукружья. Вести машину в такую погоду было занятием утомительным, и Егор уже начал раскаиваться в том, что они не поехали автобусом. Денис, поначалу резвившийся на заднем сидении, теперь, устроившись поудобнее и натянув на себя плед, дремал.

Наконец впереди, на обочине, показалась синяя стрела с надписью «с. Левокрасное 10». Довольно большое село, от которого до Николенек было еще километров двадцать. Но, как предчувствовал Егор, эти километры должны были стоять всего предыдущего пути.

Так оно и оказалось. Грязный, разъезженный асфальт после Левокрасного как-то незаметно закончился, и пошла размытая до неузнаваемости грунтовка. Егор, вцепившись в руль, каждую секунду ожидал, что вот сейчас машина ухнет в какую-нибудь особенно подходящую для этого колдобину, да там и останется на веки вечные. Но «жигуленок» пока полз, и даже с не очень большим трудом. Во всяком случае, всерьез разоспавшийся Денис от толчков не просыпался.

«Угроблю машину — дядя Валя голову оторвет», — подумал Егор и в этот момент увидел, как впереди обозначилась темная человеческая фигура с поднятой рукой.

«Попутчик!» — обрадовался Егор. Попутчик представлял собой дополнительную толкательную силу, что в сложившихся обстоятельствах было совсем не лишним.

— В Николеньки? — спросил Егор, притормозив и открывая дверцу. Человек молча кивнул и как-то очень ловко и стремительно нырнул на сидение. Егор осторожно, мягко, чтобы не забуксовала, тронул машину и сказал:

— Ну, тут и дороги! Если засядем — вам помогать придется!

Попутчик буркнул в ответ невразумительно что-то среднее между «да» и «нет», и тут только Егор обратил внимание на его наряд. Незнакомец был затянут в длинный блестящий плащ из черного, на вид синтетического материала. Голову скрывал капюшон, и лица не было видно под большими темными, абсолютно непрозрачными очками.

«Глаза у него болят, что ли? — недоуменно подумал Егор. — В такую погоду и в темных очках». Но вслух ничего не сказал, сосредоточиваясь на дороге.

Некоторое время ехали молча. Внезапно послышался высокий хриплый голос попутчика:

— Зачем вы туда едете?

— Дядя здесь у меня. Вот, проведать решил. Попов Александр Иванович. Знаете такого? — Егор собрался уже было рассказать в юмористических тонах о заказе на витамины и сказки, но, взглянув на соседа, осекся. Черные очки смотрели в упор, и от этого тяжелого взгляда почему-то расхотелось откровенничать.

Попутчик повторил, словно запоминая: — Дядя... Попов... — и безо всякого перехода, не меняя интонации, продолжил: — Вам не нужно туда ехать.

— Как это не нужно? — опешил Егор, едва не выпустив руль от таких слов.

— Вы будете только мешать. К тому же события могут выйти из-под контроля, и тогда все закончится очень плохо.

«Ничего себе... — смятенно подумал Егор. — Эка меня — в такой глуши на психа напороться. Хоть бы только Денис не проснулся».

«Псих» продолжал:

— Впрочем, мне трудно будет вас убедить, а рассказать все я не вправе. Раз уж вы все

равно туда едете, то разумнее будет использовать вас для обоюдной пользы. Вам ведь знаком этот населенный пункт?

Егор утвердительно кивнул, не решившись на большее.

— Нужно только узнать, нет ли чего-нибудь необычного там, не держит ли кто-то у себя необычных животных.

— Это все? — поинтересовался Егор, опасаясь вступать в длительные расспросы. Кто их знает, этих психов. Станешь перечить, а этот тип буйствовать начнет.

— Да, это все. Остальное — наше дело. Результаты сообщите мне. Каждый вечер в двадцать один ноль-ноль я буду ждать вас у въезда в населенный пункт. И запомните: у вас и у нас очень мало времени. В случае же успеха вы поможете избежать большой беды. А теперь остановите машину.

Егор, тормозя, наконец понял, почему разговор с попутчиком производил, несмотря на всю его ненормальность, такое странное впечатление: тот слишком четко и правильно выговаривал каждое слово, непривычно правильно.

Щелкнула дверца. Незнакомец все так же удивительно ловко выскользнул из «Жигулей». Темный силуэт, сделав еще несколько шагов, словно растворился в дожде, не перестававшем сыпаться с серого неба.

— Пап! — сказал вдруг с заднего сидения Денис, до этого момента молчавший так, словно его и не было в машине. — Нас завербовали?

Егор даже подпрыгнул от неожиданности. Потом, прищурившись, посмотрел на сына.

— Ты все слышал?

— Да.

— Так вот запомни: с этой минуты от меня ни на шаг.

Денис кивнул понимающе, но все же не удержался, спросил:

— А почему?

— Как тебе сказать... Очень похоже, брат, что вляпались мы с тобой в нехорошую историю.

3

Егор захлопнул дверцу и огляделся. «Жигулёнок» застрял в самом начале неширокой и единственной улицы села. Селом Николеньки можно было назвать лишь с большой натяжкой. Когда-то тут был хутор, который начал было разрастаться, да что-то, видно, помешало, и заглох он, не дотянул до настоящего села. Тем не менее вдоль улицы стояло десятка два домов. Улица была невероятно грязной, с лужами и ямами, полными серой жижи. В одну из таких ям, расположенную точно посередине, и угодила задними колесами машина. Егор присел на корточки, пытаясь заглянуть под «Жигули» и надеясь, что с затруднением удастся справиться собственными силами. Но под днищем никакого просвета видно не было, автомобиль сел плотно.

Надо было искать помощи, какой-нибудь трактор или грузовик. Егор посмотрел по сторонам в поисках чего-либо подобного, но улица была пуста. Ни одного живого существа не было видно на всем ее протяжении.

— Однако, — сказал вслух Егор. — От дождя попрятались все, что ли? Где же мы теперь трактор искать будем? — Он потоптался в нерешительности, потом забрался в машину и спросил сына:

— Денис, открытка у тебя?

Новогодняя открытка, видимо, осталась с зимы и, когда дяде Саше понадобилось написать родственникам, попала под руку. На обороте было набросано несколько строк красивым почерком. Егор перечитал еще раз уже знакомый текст:

«Маша, здравствуй! У меня все в порядке. Одна просьба: не мог бы Егор приехать на недельку — помочь мне? Если сможет — пусть захватит с собой

побольше витаминов и детских сказок. Это для дела. Целую всех.

Александр.»

Обратный адрес: Курловский район, село Николеньки, фамилия и инициалы дяди. Номер дома не указан. Конечно, здесь все друг друга знают.

Эта же мысль, видимо, пришла в голову и Денису, заглядывавшему в открытку через плечо отца.

— Пап, надо у кого-нибудь спросить, в любом доме должны знать, где дедушка Саша живет.

Егор улыбнулся. Действительно! А дядя и с трактором поможет.

Александра Ивановича Попова здесь действительно должны были знать все. Небесталанный художник-портретист, он вдруг бросил все и, забрав жену, уехал в дальнее село, преподавать местным ребятишкам рисование в школе. Сколько родственники ни пытались вызнать причину такого решительного шага, ничего у них не вышло. Наезжали, будто бы для отдыха, да так и уезжали в недоумении. Был и Егор с матерью, но давно, и почти не помнил этого посещения.

Года три назад жена у дяди Саши умерла, он вышел на пенсию, но в город не вернулся. А вместо этого стал злоупотреблять горячительными напитками и попадать в различные неприятные истории. И ведь нельзя сказать, что супруга его держала в черном теле или с горя по ней загулял человек. Вспомнилась, наверное, жизнь неудавшаяся, сказалось одиночество (детей у них с женой не было), времени много свободного оказалось. И стал дядя Саша прибегать к помощи испытанного средства увеселения и забвения. С большим, можно сказать, вдохновением это делал. Сдерживающие центры у него слабоваты оказались, и соседи могли порассказать много историй, забавных и не очень, о похождениях дяди Саши. И откуда только энергия бралась?!

Однако месяца три назад на смену Бахусовым забавам пришло почти полное затворничество. Дядя сидел дома и крайне редко выходил на улицу. Добросердечные соседи написали об этом родственникам дяди в город, и в Николеньки срочно отправилась его сестра, но не мать Егора, Мария, а другая, Алена, под предлогом того, что ей предстоит командировка в Африку и надо покататься на лыжах, запастись зимними впечатлениями. Встречена она была крайне неприветливо, едва ли не враждебно, смогла вынести такое обращение всего один день и, разгневанная, уехала. Но перед отъездом узнала у соседей, что дядя Саша мало того, что редко выходит из дому, так и гостей к себе не пускает! Диагноз родственников был однозначен и единодушен: «Религия!»

Судьба дяди Саши волновала всех, и потому открытка с вызовом Егора обрадовала. Немедленно привели в действие родственную машину полезных связей, и с ее помощью исхлопотали недельный оплачиваемый отпуск Егору у его начальства. Племянника снабдили всевозможными инструкциями и благословили на поездку к дяде с целью выявления, а буде действительно — искоренения религиозной ереси. Ну, а Денис напросился сам, поскольку начались весенние каникулы и сидеть в городе ему не хотелось. Егор сильно подозревал, что основной целью поездки сына в действительности было желание посмотреть на настоящего, еще не старого верующего. Сам же Егор ни в какой дядин религиозный психоз не верил и согласился ехать только из родственных чувств и еще потому, что дела его на работе складывались не блестяще, и требовалась небольшая передышка.

Теперь до дяди оставались считанные метры, но преодолеть эти метры без машины представлялось почти невозможным. Дорога наводила на воспоминания об армейской полосе препятствий.

Где-то сзади послышался шум мотора. Егор, обрадованный, выскочил из машины, замахал руками. Оранжевый «Москвич-комби», основательно заляпанный грязью, проехал мимо, тормозя и остановился в нескольких метрах впереди. Один из двоих, сидевших в машине, высунул лохматую голову:

— Что, мужик, застрял?

Егор развел руками:

— Да вот, видите, не повезло как! Не поможете?

Тот весело осклабился:

— Хорошо смотришься! А трос-то есть?

Егор энергично закивал:

— Есть, есть, конечно! Сдавайте назад, я сейчас достану!

Он вытащил из багажника трос, обернулся и увидел, что «Москвич» не торопится подъезжать. Сидевшие в нем о чем-то спорили между собой, размахивая руками.

Лохматая голова высунулась снова.

— Слышь, мужик? Некогда нам, спешим. Ты подожди, может, какой трактор идти будет, они здесь часто бегают — деревня! Он и дернет. — И «Москвич», стрельнув синим колечком выхлопа, тронулся.

— А... — только и успел сказать Егор, да так и остался стоять, раскрыв рот, с бесполезным теперь тросом в руках. — Паразиты! — наконец ругнулся он, выходя из ступора растерянности. — Автомобилисту не помочь! Права у таких отбирать надо! — И потащился обратно к багажнику. Неожиданно мелькнула мысль: «Интересно, они тоже с тем психом встретились?»

Он вздохнул, посмотрел на свои уже порядком вымазанные сапожки, потом махнул рукой, сказал Денису: «Я сейчас», — и решительно ступил в лужу.

Егор уже подходил к ближайшему дому, до которого оказалось не так уж и близко, когда обнаружил, что следом за ним по лужам топает сын.

— Ты почему в машине не остался? — напустился он на Дениса, на что получил вполне резонный ответ:

— Ты же сам сказал, чтобы я от тебя ни на шаг не отходил!

Возразить Егору было нечего. Поэтому он взял чадо за руку, чтобы оно ненароком не шлепнулось на скользкой глинистой дороге, и с тихими проклятиями зашагал дальше.

4

Одноэтажный желтый дом был огорожен только спереди, со стороны улицы. Покосившийся забор казался театральной декорацией, да, в сущности, ею и был. Он ничего не закрывал. Среди старых, почерневших от времени и дождей досок зияли обширные проломы. Диссонировала с общим запущенным видом только калитка. Сколоченная из свежеструганых досок, яркая, бело-желтая, она была просто неуместна. Выглядело это, как будто хозяин взялся ремонтировать весь забор, да передумал, поставив лишь новую калитку.

Егор заглянул во двор — нет ли собаки? Собака была. От будки в дальнем конце двора почти до самого забора тянулась по-над землей проволока. К ней была прикреплена короткая цепь, на конце которой хмуро сидел здоровенный косматый пес.

Егор сильно потряс калитку, крикнул: — Эй, есть кто дома? — рассчитывая, что на лай собаки кто-нибудь выйдет.

Собака повела себя удивительно. Она, коротко взвизгнув, подпрыгнула, громыхая цепью по проволоке, метнулась к будке и с разгона нырнула в ее отверстие.

— Какие нервные тут собаки, — заметил Денис, с интересом наблюдавший за происходящим через щель калитки.

— А вот посмотрим, каковы у них хозяева, — сказал Егор и, отодвинув засов, открыл калитку и сделал несколько осторожных шагов к дому, все же опасливо поглядывая на будку: а вдруг пес опомнится после первого испуга и выскочит. Из конуры не доносилось ни звука. Егор теперь уже смело, поднялся по ступенькам.

Дверь была заперта. Он стукнул в нее несколько раз костяшками пальцев и прислушался. В доме что-то скрипнуло, прошуршало, и вновь воцарилась тишина. Егор постучал сильнее, кулаком. Никакого ответа.

Шлепать по лужам до следующего дома только за адресом дяди Саши никак не

входило в планы Егора. Надо было добиваться ответа здесь, тем более что в доме определенно кто-то был. И он снова замолотил кулаком в дверь. На этот раз слышались осторожные шаги, и мужской голос спросил:

— Чего надо?

Егор с облегчением вздохнул:

— Ну, слава богу, живые есть. Что у вас тут стряслось? — и подергал нетерпеливо за ручку двери.

Слышно было, как человек с той стороны отпрыгнул, сбил что-то, кажется, ведро, которое с грохотом покатилося, и закричал неожиданно высоким голосом:

— А ну, не трожь дверь! Стрелять буду! — В наступившей тишине действительно послышался металлический щелчок взводимого курка.

Егор, ухватив Дениса за шиворот, рухнул со ступенек и прижался к стене боком, стараясь прикрыть собой сына. Ни одного нормального человека! Сумасшедшее село!

В голосе человека за дверью слышались одновременно и испуг, и такая решимость, что можно было не сомневаться — стрелять он будет и, стреляя, постарается непременно, попасть в них. Может, это маньяк какой-нибудь?

Денис стоял тихо, уткнувшись головой отцу под мышку, поднимая, видимо, серьезность момента. Вот не повезло пацану — веселенькие каникулы!

Человек за дверью не ушел. Было слышно его шумное, взволнованное дыхание. Тоже, наверное, перепугался. Не часто ведь приходится угрожать человеку оружием.

Егор негромко позвал:

— Эй, послушайте!

— Ну, чего тебе? — откликнулись из-за двери. В голосе все еще был испуг.

— Может быть, поговорим все-таки? — В Егоре начала подниматься злость на этого трусливого человечка, укрывшегося за прочной дверью да еще взявшегося за ружье.

— Не о чем нам с тобой разговаривать! Катись отсюда, а то выстрелю!

— Ты бы хоть послушал меня сначала, придурок, прежде чем ружьем махать! — рывкнул Егор, уже не сдержавшись. Денис хихикнул из-под мышки.

Как ни странно, ругань успокоила собеседника. Уже более ровным голосом он отозвался:

— Не ори! Нечего было дверь дергать. Спросил, что хотел и пошел своей дорогой. А то — дергает! Так чего надо-то?

— Что у вас тут стряслось? Собака от живого человека прячется. К тебе сунулся — ружьем пугаешь. — Егор остывал, полез в карман за сигаретами. — Боишься, что ли, кого?

За дверью невесело хмыкнули.

— Не боюсь, а опасаясь. Разница есть. Ходят тут хмыри всякие, вроде тебя. Выспрашивают, выглядывают. То им иконы подавай, то скотину покажи. Под окнами шастают, светом, гулом по ночам пугают. Вчера деньги большие сулили.

Егору вдруг вспомнился попутчик. Странно все это. Что-то толкнуло в колено. Он глянул вниз и обмер. Пес все-таки выбрался из конуры и теперь стоял рядом, раскрыв огромную свою пасть. И Денис бестрепетно протягивал к нему руку, Егор не успел ничего сделать, только подумал: «Сейчас тяпнет!», — а сын уже гладил собаку по голове и чесал за ушами. Та виляла хвостом, подставляла шею. Егор вздохнул облегченно и спросил того, за дверью:

— А за что деньги сулили?

— Шут его знает. Говорили, услугу большую окажу. А какую — не сказали. Ну, ладно, ты-то чего выспрашиваешь? Чего надо?

«Спохватился, — подумал Егор. — Здорово напугали „гулом и светом по ночам“». Но вслух спросил:

— Где Попов живет, Александр Иванович?

— Александр Иванович? — явно обрадовались за дверью. — Учитель бывший, да?

— Вроде бы, — подтвердил Егор.

— А зачем он тебе?
— Племянник я его, в гости приехал.
— А не брешь?
Егор улыбнулся.
— Вот те крест!
— Ну, раз племянник, то слушай. Ступай направо, до почты. За ней следующий и будет его дом. Небольшой такой, зеленый. Понял?
— Понял, спасибо. Как зовут-то тебя, скажи. Или тоже нельзя?
За дверью рассмеялись.
— Почему нельзя? Можно. Петром зовут. Петр Серафимович Ключев. Зачем тебе?
— Да так, для памяти. Человек ты уж больно веселый. — Егор толкнулся плечом от стены, выпрямился. Вспомнил: — А что же собака у тебя такая нервная?
— Понимаешь, напугали ее, наверное, эти, что выспрашивают. Вот она и боится теперь всех. Собаки — они ведь плохого человека за версту чуют.
— Слышал? — сказал Егор сыну. — Мы, стало быть, люди хорошие, раз собака нас больше не боится. Давай, прощайся, пойдем.
Денис с явной неохотой оторвался от пса, потом все же еще раз погладил того по голове и пошел к калитке. Пес, звеня цепью, отправился следом.
— Ну, бывай, Петр Серафимович. Приятно было познакомиться. Смотри, не пали в кого попало. Береги патроны.
— Ладно тебе! — незлобливо отозвался Ключев. — Счастливо добаться!
За калиткой Егор оглянулся на дом. Вслед ему, раздвинув занавески и прижавшись лбом к стеклу, смотрел круглолицый парень лет двадцати. Рядом с ним торчал темный ствол ружья. Егор улыбнулся и помахал рукой. Петр Серафимович тоже заулыбался и махнул в ответ.

5

Дядя Саша выглядел совсем как на фотографии пятилетней давности, которой снабдила Егора мать: невысокого роста, плотно сбитый; с седой гривой волос и широкой улыбкой. Он совсем не казался несчастной жертвой религиозного дурмана. Клетчатая байковая рубашка едва не трещала на груди, и дядя с такой силой радостно лупил широкой ладонью по плечам и спине племянника, что у того перехватило дыхание. Денис получил свою долю поцелуев и возгласов: «Ой, какой ты большой вырос! А на папу как похож!», — что перенес стоически. От Егора не укрылась некая растерянность дяди, вполне понятная: ожидал-то он одного племянника.

Радоваться дядя радовался, но первым делом спросил у племянника паспорт, нацепив очки, внимательно изучал его и вот уже около получаса держал гостей в маленькой кухоньке, не проводя в комнаты. Дверь, ведущая из них в коридор, была плотно прикрыта.

Перекусили с дороги, переговорили о здоровье и делах всех городских родственников, выкурили по паре сигарет из пачки гостя, и разговор забуксовал. Денис, совсем не скучая, исподтишка рассматривал хозяина, ожидая, видимо, когда тот бухнется на колени и начнет молиться. А хозяин уже четвертый или пятый раз неопределенно произносил: «М-да, это все хорошо...», — вставая с табурета, пил воду, опять садился, а к главному — причине вызова Егора все не приступал. Егор не торопил его, сидел, отдыхая, выжидал.

Неожиданно послышался какой-то шорох, будто поскребли по дереву. Егор заинтересованно повернул голову. Дверь в комнату с тихим скрипом стала приоткрываться. Но рассмотреть, кто за ней, не удалось. Дядя Саша, подскочил, бросился к двери и резко захлопнул ее. Потом, с подозрением оглянувшись на гостей, вновь открыл дверь и просунул голову в комнату.

— Ну, чего беспокоитесь? — услышал Егор и Денис. — Не за вами это, не бойтесь. Родственники ко мне приехали. Хорошие люди, помогут нам.

Денис молча показал отцу на ноги дяди Саши, которые старались прикрыть щель внизу, как будто из опасения, что тот, с кем он разговаривает, может выскочить. Егор так же молча кивнул. Он уже ничему не удивлялся.

В ответ на дядины слова из комнаты послышалось многоголосое чириканье, словно стая воробьев, поселившихся там, о чем-то переговаривалась.

— Ну, ладно, ладно. Скоро уже. Вы кушайте пока, — закончил дядя Саша и, вытащив голову из щели, плотно прикрыл дверь. Улыбаясь, он повернулся к гостям: — Переживают, обормоты. Ну да ничего, они славные. Привыкнут к вам скоро.

К чести Егора и Дениса надо сказать, что они и бровью не повели, услышав подобное заявление. Если уж здесь везде странности, то почему им не быть в доме дяди Саши тоже?

Дядя вновь уселся на табурет, закурил, задумчиво, словно оценивая, глядя сквозь дым на племянника и внука. Потом решительно затушил сигарету и хлопнул себя ладонью по колену.

— Ну ладно. Не для того я вас вызвал, чтобы о здоровье родственников выспрашивать. Давайте к делу. Пошли в комнату. Посмотрите сначала на моих жильцов, а потом я все подробно обскажу.

Он первым шагнул через порог. Поначалу все закрывала его широкая спина, но вот она сдвинулась в сторону, и Егор увидел, что на полу и на стульях сидят... зайцы!

Вернее, зайчата, с коротким серым мехом, усатыми мордочками и черными пуговицами носов. Да, на первый взгляд серые зверьки, окружившие стол, были неотличимо похожи на зайцев, вставших вдруг на задние лапы. И только присмотревшись внимательнее, можно было понять, что это совсем не те зайцы, которых во множестве можно встретить в лесу и в поле, которых испокон веков травили собаками охотники и о которых сочинено столько сказок и анекдотов.

Не было длинных ушей, передние лапки заканчивались маленькими, удивительно похожими на детские, пальцами. Некоторые зверьки сжимали этими пальцами ложки, и мордочки их были перепачканы манной кашей. Большие черные глаза не по-животному, без страха смотрели на вошедших, и было во взглядах столько комичного детского любопытства, что Егор почувствовал, как лицо его расплывается в улыбке.

Дядя покашлял, прочищая горло, сказал, поведя рукой в сторону гостей:

— Вот, ребята, это мои родственники. Это племянник, Егор, а это сынок его, Денис. Прошу любить и жаловать.

«Заяц», сидевший ближе всех, смешно задвигал усами и вдруг с видимым усилием произнес:

— Зи-и-низ!

Рядом послышался глубокий вздох. У Дениса горели глаза, он прямо трясся от возбуждения. Ясно видно, что больше всего ему сейчас хочется взять на руки того зверька, который назвал его по имени.

Дядя Саша, словно извиняясь за своего подопечного, виновато улыбнулся.

— Плохо еще у них по-нашему получается. Но учатся.

Теперь зверьки уже не казались Егору похожими на зайцев.

Скорее на маленьких потешных бесхвостых обезьянок. В комнате их было с десяток. Большинство сидело на стульях и табуретках, вокруг стола, заставленного тарелками с кашей, и только двое, один покрупнее, другой поменьше, стояли на полу и, задрав голову, все с тем же любопытством смотрели на гостей.

«Наверное, я им кажусь великаном, — подумал Егор, — этакий здоровый дядька». Он присел на корточки, протянул ладонь вверх руку навстречу этим двум и сказал:

— Ну что, давайте знакомиться, раз уж мы приехали.

Зверьки переглянулись, потом младший, видимо, посмелее товарища, проковылял по полу к протянутой руке и осторожно положил на ладонь Егора свою маленькую ладошку. Егор, скосив на дядю глаза, спросил:

— А можно его на руки взять?

Дядя Саша хмыкнул.

— Отчего же? Попробуй.

Егор бережно поднял зажмурившегося, наверное от страха, зверька на грудь, удивившись легкости этого маленького пушистого тельца. Зверек тут же завозился на руках, устраиваясь поудобнее, и уютно засопел в ухо Егору.

Денис, не вынеся соблазна, шагнул вперед и подхватил второго.

Все это время компания за столом сохраняла выжидательное молчание. Но увидев, что с товарищами их ничего плохого не делают и делать не собираются, подняла гвалт.

Дядя Саша в притворной строгости свел брови.

— А ну-ка, орлы, хватит лясы точить, есть надо! А то не вырастите!

За столом увлеченно застучали ложками. Дядя, усмехаясь, продолжал:

— А вы, няньки, тоже садитесь. Разговор у нас долгий будет, а в ногах правды нет.

Зверек на руках у Дениса завозился и шепотом сказал:

— Зи-и-низ...

6

— Когда Аня померла, из меня словно какой-то стержень вытащили. Жизнь смысл потеряла. Все из рук валилось, дом, хозяйство запустил. Ну и покуролесил я тут! И дошел уже до такого момента, что еще немного — и можно меня было везти в сумасшедший дом, зеленых чертиков ловить. Как-то утром проснулся после очередных походов, лежу — почти кончаюсь. И надо бы встать, дотащиться до магазина, у Верки пузырек в долг выпросить — не могу, сил нет. Кое-как поднялся, сел на кровати и задумался: что же это я с собой делаю? Зачем гублю себя?

В тот день никуда не пошел, спал, чай с травами пил, здоровье поправлял. А на следующее утро отыскал старый свой мольберт, краски и убрел в лес, подальше от соблазнов и от дружков. Мольберт просто так, на всякий случай захватил. Не очень я на себя надеялся, если честно. Но решимости начать новую жизнь много было.

Целый день по лесу ходил, думал и свежим воздухом дышал. Промерз весь, зато на душе хорошо было. Довольно далеко от леса забрался и уже собирался назад поворачивать, потому что скоро стемнеть должно было. Как вдруг послышался в небе рев. Я почему-то решил, что самолет аварию потерпел. Все, думаю, конец мне, сейчас накроет. Вот и начал новую жизнь. Смотрю вверх, дышать даже забыл.

Рев стих, только свист пронзительный, почти вой. И тут какая-то штука низко над поляной мелькнула, ветки срубленные на снег посыпались. И как грохнет в лесу! Только гул пошел.

У меня от сердца отлегло — живой! Стою, жду взрыва. А его нет. Тут я спохватился: что же ты, дурак, стоишь, радуешься? Сам-то живой, а там, может быть, летчик выпрыгнуть не успел! Бросил все на поляне, запрыгал по сугробам.

Далеко бежать не пришлось, я даже запыхаться не успел. Эта штука сразу за поляной упала. Деревья вокруг поломанные, с корнем вывернутые. Я сгоряча ее действительно за самолет принял. Полез к ней, вокруг побежал, кабину ищу, где летчик сидит.обежал — нет ничего похожего на кабину.

Зверек на руках у Егора обеспокоенно зашевелился, приподнялся, глядя на дядю Сашу. За столом молчали, не стучали ложками. Дядя это заметил.

— Вот, неприятно им вспоминать. Ничего не поделаешь, надо же рассказать, как все было. Вы уж, ребята, потерпите.

Егоров зверек задышал спокойнее. Слышно было, как сердце его четко и часто стучало в глубине маленького тельца. Стук был какой-то необычный, словно, перебивая друг друга, работали два часовых механизма. «Два сердца у них, что ли?» — подумал Егор, но спрашивать не стал, чтобы не перебивать рассказ.

Чуть понизив голос, дядя Саша продолжал:

— Обежал я эту штуку кругом и тут только соображать стал, что не очень она на самолет похожа. Никогда круглых самолетов не видел, даже по телевизору. А этот словно из двух тарелок сложен, только одну вверх дном перевернули.

Стою я, раздумываю и слышу — стонет кто-то над моей головой. Кое-как по дереву забрался наверх. Вижу — там люк открыт, круглый. Внутри темно, ничего не видно. И опять стон, теперь уже ясно, что из люка.

— Товарищ! — кричу. — Товарищ! Вы ранены?

Как я голову успел убрать — до сих пор не знаю. Только в ответ мне из этого люка как даст какой-то луч! Голубого цвета и не толстый. Попал в березу, та сразу вспыхнула.

Вот тебе и на, думаю. Я его спасать прибежал, а он стреляет, сволочь! Не иначе, иностранец какой-то, шпион. Сбили его наши, когда он шпионские свои дела делал. Теперь раскрывают, наверное. Отпрянул от люка, к стене прижался. И соображаю, что нечего мне тут делать, а надо идти в село и сообщить.

Тут стоны прекратились. Я подождал немного. Снял шапку и краешек ее осторожно высунул. Не стреляет. Значит, сознание потерял. Тогда я посмелее высунулся. Ничего. Нашарил я спички в кармане и полез в люк. Он маленький, низкий, еле пролез. За ним коридорчик короткий. Спичка погасла, я новую зажег и смотрю — у самого порога человек лежит.

Тут свет неожиданно зажегся. Тусклый, еле различить можно, что человек этот в меховом комбинезоне. А рядом стоит кто-то маленький и в меня целится. Мне только подумалось, что неужели и детей в шпионы берут, как он и выпалил. Да видно, от страха и холода ручонки тряслись. Не попал он в меня. А ведь в упор стрелял.

Пока этот маленький шпион опять не бабахнул, я к нему шагнул, поймал за шкирку и пистолет отобрал. Сунул к себе в карман и тогда к взрослому наклонился. Тронул его за плечо, чувствую — под пальцами мокро. Попробовал на спину перевернуть. И обмер — не человеческое у него лицо было. Вот, на них похоже, — дядя Саша кивнул на своих подопечных. — Только больше. Тут я только понимать начал, на что натолкнулся. Это ведь «летающая тарелка» к нам в лес упала. — Дядя испытующе посмотрел на Егора с Денисом — не улыбаются ли недоверчиво? Но те сидели молча, внимательно слушали и машинально поглаживали зверьков на руках. Зверьки жмурились — видимо, нравилось.

— Вот черт, — думаю. — Вляпался! Час от часу не легче! Не шпионы, так инопланетяне. Но надо что-то делать. Приподнял я этого зверя, поволок наружу, на свет. Он нетяжелый был и ниже меня ростом. Вытащил, понес к нижнему краю «тарелки». Смотрю, а в борту дырища здоровенная пробита, провода из нее торчат, трубки, горелым пахнет, и в глубине шевелится какая-то зеленая масса, вспухает потихоньку. Очень мне это шевеление не понравилось.

Снес я его вниз, снял тулуп свой, кинул на снег и его уложил.

Тут только разглядел, что он весь мехом покрыт, и это совсем не комбинезон, как мне поначалу показалось. И грудь помята. Ударился, видимо, когда «тарелка» упала. Стал я у него пульс искать, не нашел. Сердце слушаю — тоже ничего. Оглянулся — батюшки! — а вокруг, кроме того, что в меня стрелял, еще десяток. Сами выбрались и вниз слезли. Я окончательно растерялся. Ведь все один меньше другого. Ясно ведь — дети.

Попробовал я еще сердце послушать у старшего. Не стучит. Тогда поманил одного пацана пальцем, тот подошел, я у него послушал. Нет, нормально все, есть стук. Видимо, умер их старший. Вспомнил я про зеленое шевеление и решил на всякий случай ребятишек подальше отвести, а потом уже за мертвым возвращаться. А то рванет эта «тарелка», и от всех нас одни воспоминания останутся.

Встал, двух самых маленьких на руки подхватил, остальным скомандовал: «За мной!» — и пошли мы.

Однако она не сама взорвалась. Метров двести мы отошли, я оглянулся — и вижу, как с неба быстро так опускается, да нет, падает какой-то шар огненный. Вот ты видел когда-нибудь шаровую молнию? Не в кино, а в жизни? Тот шар на нее похож был, только

побольше, наверное, с метр в диаметре. Исчез он за деревьями, и тут взрыв. Сильный, теплым воздухом дохнуло, и с деревьев снег посыпался.

Ребята в кучу сбились, дрожат. Зима ведь, да и катастрофа эта — сильное потрясение. Мне страшно было, взрослому, а детям каково? Постояли, посмотрели на воронку. А вдруг еще один такой шар свалится? Делать нечего, надо из лесу выбираться, замерзнуть можно. Мой тулуп тоже пропал. Опять на руки взял маленьких, остальным говорю: «Стоять будем — ничего не выстоим. Давайте двигаться отсюда!» И пошли мы: я впереди, остальные за мной кое-как ковыляют. Холодно пацанам, сам вижу. Хотел привал сделать, костер развести, да вспомнил, что нечем — спички в кармане тулупа остались. И пистолет инопланетный тоже. Все сгнуло. Так и дошли без остановок. Пробрались незаметно в дом, уже темнело. Я печку растопил. Сел. И дошло до меня, какое дело я на себя взвалил. Никогда детьми маленькими не занимался. У нас с Аней как-то не получилось. Да и детишки-то не земные — инопланетные! Неизвестно, чем кормить, чем поить, как обхаживать!

С час вот так горевал, потом за дело взялся: проголодались ребята мои, по дому шныряют, на стол заглядывают. Рискнул — решил, что от молока и хлеба никому плохо быть не может. Да знаю я, что неправ был! — остановил дядя Саша нетерпеливый жест Егора. — Но что делать прикажешь? Не захватил ведь из «тарелки» ничего! Пришлось рисковать. Занял у соседей хлеба и молока побольше, налил, накрошил в миски, показал, как с ложками обращаться. Как навалились тут мои ребята на еду! Вы бы только видели!

Вот так и пошло с тех пор. Привыкли они к нашей пище, вреда от нее нет. Кстати, ты витамины-то привез?

Егор кивнул.

— Привез, привез.

— Много?

— Да мне целый пакет передали. Он в сумке.

— Это хорошо. Надо будет после каши раздать понемножку. Ну, вот в общем-то и вся моя история. — Дядя удовлетворенно вздохнул, вытер лоб, вспотевший, словно от тяжелой работы.

Егор смотрел на него, ожидал продолжения. Потом сказал:

— Не все вы нам рассказали, дядя Саша.

— А что еще? Вы что — не верите мне?

— Верим, конечно. Трудно не поверить, когда их видишь. Много еще не рассказали. Мы ведь посмотреть успели кое-что здесь. Ну, например, зачем меня вызвали?

— А, верно, забыл об этом. Прихворнул я тут. Продуло, наверное. Температура под сорок. Лежать бы надо, лекарства глотать. И не могу, за ребятами уход нужен. Решил помощника позвать. Только кого? Из села — не удержится, кого ни позови, раззвонит потом. Ребят замучают подглядками, и мне покоя не будет. Кроме того, не хочу я это дело афишировать. Тут я о тебе и вспомнил. Ты парень с образованием, поймешь, что к чему, до молодых новое быстро доходит. И написал открытку. Только прошло уже все, так, кашляю немного.

Егор изумился.

— Так, выходит, мы зря приехали?

Дядя усмехнулся невесело, покачал головой.

— Да нет, кажется, не зря...

7

Егор сидел на кухне, курил, слушал, как дядя Саша с Денисом укладывают спать «зайчат». Егору этого ответственного дела не доверили, разрешили только прочесть сказку «детишкам» на ночь, а потом вежливо, но твердо выпроводили за дверь: «Иди, подумай, что дальше делать».

Из комнаты слышалось:

— И нечего переживать. Слышали ведь — все хорошо окончилось, наши победили. Завтра Егор еще вам почитает. А теперь спать, живо!

В ответ — восторженное чириканье.

«Понимают! — усмехнулся Егор. — Детский сад, да и только!

Дядя за воспитателя, а Денис за няню. Полная идиллия. Если бы не этот, в плаще, с его поисками. Кстати, а если он не один? Во множественном числе о себе он, кажется, говорил.

„Тарелку“ сбили, это ясно. И не наши ракеты из ПВО. Если бы наши, то давно бы весь район прочесали. Что-то в космосе происходит. А мы случайно впутались в эту историю.

Черт, сижу и обдумываю совершенно бредовую ситуацию с „летающими тарелками“ и „звездными войнами“. Как будто так и надо. Лукаса бы сюда в консультанты.

Заваривается история очень неприятная. Если „тарелку“ сбили, да потом еще и на земле уничтожили, то, скорее всего, корабль врагов „зайцев“ где-то поблизости. А враги — эти, в плащах... Действительно, ситуация нехорошая.

С теми, что в „Москвиче“, тоже что-то нечисто. Знаю я таких ребят. Своего, да и чужого не упустят. Всегда там оказываются, где выгода есть. Выходит, тут тоже для них выгода имеется. Только вот в чем?

Сколько это может продолжаться? Ведь не на обитаемом острове живем! Связь-то должна быть с городом! А там войска подойдут. Только бы не успели „плащи“ село до того времени разгромить. Очень похоже на то, что могут. Как дядя говорил, „обгорелая воронка“? Как оставят они от Николенек одни обгорелые воронки... Надо выход искать. Одной старенькой „тулкой“ против боевого космического корабля ничего не сделаешь».

Егору вдруг вспомнился негостеприимный Петр Серафимович Ключев. У него тоже ружье имеется. Обдумать надо бы этот вариант.

Осторожно прикрыв за собой дверь, на кухню вышел дядя Саша. Открутил в углу кран большого красного баллона с газом, зажег плиту.

— Дениска тоже улегся. Присмотрит за ними, если что. А мы с тобой чайку попьем, побеседуем. Зря ты его с собой взял. Не место сейчас тут детям. Наши-то все в Ленинград на экскурсию уехали — каникулы. Хоть с этим повезло.

— Кто же знал, что у вас такое творится?

— Ну, надумал чего?

— Есть одна мысль. Неправильно ты сделал, что сразу же людям не сообщил о своих воспитанниках.

— Это еще почему?

— А потому, что расскажи ты — и не сидели бы мы сейчас в таком положении. Ну подумай, что можно сделать одним ружьем против космического корабля?

— Ты думаешь, воевать придется? — встревожился дядя.

— Очень может быть. Это они сейчас, пока нет полной уверенности, осторожно действуют, выведывают. Но ведь не отдашь ты им питомцев?

Дядя молча покачал головой.

— Узнают они в конце концов, что ты прячешь тех, кто им нужен. Может быть, еще будут уговаривать. А если время подождет — кончатся уговоры. Ударят сверху по твоему домику, как по той «тарелке», нас перебьют и своего добьются.

— Э, нет, так дело не пойдет! — дядя был сильно взволнован. — Что дом разобьют — черт с ним, с домом! Что меня убьют — тоже ладно, невелика потеря. Но ребят отдавать никак нельзя! — И тоскливо добавил: — Холодно еще, а то бы в лес ушли. Там хоть сто лет ищи — не найдешь.

— Какой лес, опомнись! Сверху все очень хорошо видно, даже лучше, чем с земли! И не суетись, несолидно, послушай, что скажу! — остановил Егор подскочившего дядю Сашу. — Надо народ собрать, а ты все расскажешь, как было и что сейчас происходит. Вместе что-нибудь придумаем.

— Ты, наверное, прав, надо всех собрать, посоветоваться. Только сейчас ничего не выйдет — темно уже. А у нас народ такой, что вечером на улицу трактором не вытащишь. Да

и опасность какая-то в воздухе чувствуется.

Егор хмыкнул.

— Да мне и днем не открывали, ружьем пугали. Ключев есть такой. Еле-еле дорогу к тебе указал, и то из-за двери.

— Так то тебе! Кто тебя здесь знает? Чужой человек. Людей собирать мне надо будет. Но надо подстраховаться. Ты посидишь, ребят постережешь, а я к председателю сельсовета сбегая — у него телефон есть. Набрешу чего-нибудь. Заодно попробую его уговорить сейчас прийти. Или это нужно всех собирать?

— Не знаю, наверное, нужно всех. Мне сегодня в девять с этим «плащом» встречаться, помнишь? Надеюсь, что-то прояснится. Где трактор или грузовик взять? У меня ведь машина застряла прямо посередине улицы. Я ее так и бросил.

— Не ходил бы ты на эту встречу. У меня сердце не на месте. А с твоей машиной ничего не случится. Что-нибудь придумаем.

— Нет, дядя Саша, надо сходить. Мы же как котята слепые, нам любая информация пригодиться может.

— Ну, как знаешь. Ружье дать с собой?

Егор рассмеялся.

— Не-ет, сейчас ружья не надо. Сразу догадаются обо всем.

8

К ночи земля подсохла, и идти по улице, даже в темноте, было гораздо легче, чем днем. Егор, обувший дядины сапоги, грязи совсем не замечал, шагал напрямик, думая о предстоящей встрече.

Связи с городом не было, телефон не работал. Значит, на быстрый вызов войск рассчитывать не приходилось. Собственно, он и не надеялся на такое уж молниеносное реагирование городских властей. После звонка в лучшем случае сначала приехал бы разбираться представитель. А уж потом...

Можно было отрядить кого-то с доказательствами: фотографиями «зайцев», подробным докладом. Но автобусное сообщение, и всегда-то ненадежное, в последние три дня совсем прервалось, и автобус в Николеньки вовсе не приходил. Следовало бы в этом усмотреть коварные происки «плащей», но Егор по принципу Оккама не стал изобретать сущностей, а списал отсутствие автобуса на обычную человеческую халатность.

Оставалась возможность послать кого-то на тракторе или собственной машине. Нужно ли это, должно было выясниться сейчас.

Так что встреча была ему нужна едва ли не больше, чем «плащам». Кто они, зачем им «зайцы», что они намерены делать с дядиными подопечными, найдя их, и вообще, что за идиотская история тут происходит и каким боком Николеньки попали в эту историю? Вопросы совершенно фантастические, но для Егора теперь они были жизненно важными. И если выяснится, что дело приобретает самый худший поворот и «зайцам», а вместе с ними и Николенькам угрожает реальная опасность, то ему всеми силами нужно будет стараться усыпить бдительность давешнего попутчика, протянуть время хотя бы до завтра и организовать хоть какую-то оборону.

Впереди неясным пятном обозначились «Жигули». Под сапогом плюхнула глубокая колдобина. Егор чертыхнулся, отступил, вытаскивая ногу и в этот момент на фоне машины различил двинувшуюся тень. «Зеркала откручивают?» — подумал он, крикнул на всякий случай: — Эй, кто там с машиной балует? — и тут же понял, что машина ни при чем, дожидаются его.

Сапоги сразу увязли в тягучей глинистой жиже, холодно стало спине, сердце заколотилось гулко и часто. Егор невольно прижал ладонь к груди, словно надеясь остановить этот резкий стук.

Знакомый хрипловатый высокий голос произнес:

— Подойдите ближе!

Скользя по грязи, Егор сделал еще несколько шагов, остановился, всматриваясь. Потом, сглотнув пересохшим горлом, спросил:

— Достаточно?

— Вполне, — в голосе послышалась явная ирония. Пришелец был один. В черном плаще до земли, с капюшоном, закрывающим голову, он напоминал католического монаха, какими тех показывают в кино.

Егор стоял, внутренне сжавшись, собравшись, как для прыжка или для того, чтобы броситься бежать. И в то же время понимал, что не побежит, будет стоять вот так и с самым искренним видом врать. Сейчас нельзя было не врать, правда стала опасной, может быть, даже смертельно опасной для тех инопланетных мальчишек и девчонок, что скрывает у себя в доме дядя Саша.

— Вы не забыли моего поручения? — спросил «монах». — Что-нибудь узнали?

Егор глупо, как ему показалось, улыбнулся, кашлянул, потом только ответил:

— Конечно, помню, как можно забыть! Да где там узнаешь? Пока приехал, пока дом нашел, а тут еще машина застряла, сами видите, — он кивнул на «Жигули». — Куда же на ночь глядя разыскивать?

— Это плохо, — сказал «монах». — Времени мало. Наверное, вы просто не понимаете всю серьезность ситуации. Необходимо как можно скорее найти этих животных. Они очень опасны. Могут пострадать многие и многие, если мы не найдем их.

— А что за животные? — простодушно поинтересовался Егор. — Крокодилы какие-то? Или змеи?

— Они гораздо опаснее змей. Это страшные чудовища, хотя и выглядят вполне безобидно. Постарайтесь понять. Пока мы не нашли их, всем нам угрожают неисчислимые бедствия.

Егор, уже немного успокоившись, попытался вывести:

— Ну, найдем мы их, а дальше что?

— Уничтожение. Но это уже наше дело, вас оно не касается.

«Вот так, — подумал Егор, — значит, уничтожение. Плохо.

Нет, ребята, этот номер у вас не пройдет». Вслух же сказал:

— Раз не касается, значит, не касается. Не расстраивайтесь так. Завтра же все дома обойду и найду.

В голосе инопланетянина теперь явственно слышались горечь и разочарование:

— Вы странные существа. Не верите в опасность, когда вам о ней говорят. Плохо работаете даже за деньги, это ваше мерило ценностей. Может быть, и вам денег дать? — с надеждой спросил он.

Егор хотел было отказаться, заявить, что он и ради идеи готов помогать. Но решил, что такой отказ может показаться неестественным, и сказал:

— Ну, не знаю. Как сами думаете. Но было бы неплохо.

— Что ж, возьмите, — и «монах», достав откуда-то из плаща толстенную пачку, протянул ее Егору.

Тот, пораженный, на несколько секунд потерял дар речи. Потом все же взял себя в руки.

— Так, а кто они такие, эти животные? И почему вы их ищете?

— Вам не нужно этого знать, — голос «монаха» опять зазвенел начальственным металлом.

— Но, может, их вовсе нет в селе?

— Они здесь. И лучше будет, если вы поможете их найти. Жду вас завтра здесь в такое же время. Это крайний срок.

Собралось десять человек, остальных не дозволялся даже дядя Саша. Отказывались, ссылаясь на болезни, дела по дому и семейные неурядицы. Но главная причина была видна и невооруженным глазом — не страх, чего дядю Сашу бояться, а скорее опасение, боязнь неизвестного, вошедшего в жизнь села и ломавшего привычный ход жизни.

Но десять человек все же собрались, причем большинство безо всяких уговоров. В пришедших созрело уже неприятие нависшей смутной опасности и желание искать пути и средства, чтобы эту опасность выяснить, а выяснив — перебороть, победить.

В комнату дядя Саша никого не пускал, с тайной мыслью приберечь питомцев как последнее доказательство, да и наверняка по привычке скрывать найденышей.

Набились в кухонке, уговорились не курить — не продохнешь потом — и стали слушать, как бывший учитель рассказывает о своих похождениях. Слушали поначалу с интересом. Но сельский житель — не городской, его баснями о пришельцах с «летающих тарелок» не прошибешь, фантастика и заумные статьи в толстых журналах не очень ходовой товар на селе. Поэтому интерес скоро угас, те, кто постарше, заскучили, помоложе — улыбались, понимающе переглядывались: готов мужик, совсем сбрендил. Да и дядя Саша при повторении истории живость рассказа своего утратил, бубнил монотонно, уставясь в пол и перемежая речь «украшениями» типа: «м-да...», «это вот, как его...» и бесконечными «ну-у-у...». Егор сидел как на горячей сковородке, недоумевал, как это дядя в школе работал.

Наконец рассказ закончился. Дядя Саша поднял голову и вопросительно посмотрел на слушателей — проняло ли?

Те молчали, отводили глаза, щупали по карманам папиросы. Ну что сказать, действительно? Наконец решился высказать общее мнение председатель сельсовета — мужик серьезный, воевавший, уважаемый. Ключев, правда, порывался что-то ляпнуть, но председатель положил ему руку на плечо, осаживая. Покряхтел, подыскивая нужные слова, нашел:

— Ты вот что, Иваныч, не обессудь, но не верим мы тебе. Не сердимся, что от дел нас оторвал — но повеселил, и будет. Действительно, чертовщина какая-то происходит, с районом связи нет, автобус четвертый день не появляется, а мы и съездить туда не можем из-за дел. Надо разобраться. И спекулянтов этих на машине тоже пора турнуть отсюда. Пойдем мы. Если что понадобится, какая помощь — зови.

Не хотел председатель обижать пожилого заслуженного человека — к врачу его посылать. Но и для шуток не время.

Дядя Саша сник, расстроился до того, что забыл и про питомцев своих, про главное доказательство. И Егор как-то тоже растерялся в этот момент.

Скрипнула дверь, и на кухню протиснулся Денис с самым маленьким «зайчонком» на руках. Тот с трудом держал толстенную книгу сказок.

— Пап! — сказал Денис. — Почитай ты им. А то меня они не слушают, требуют, чтобы «с выражением» было.

Малыш нашел взглядом Егора, протянул ему книжку и тонким голосом прочирикал:

— Чи-дай!

Мужики таращили изумленно глаза, некоторые, кажется, даже дышать забыли, а уж про то, что курить хотелось, — это точно. Молчали минут пять. «Зайчонок» на руках у Дениса беспокойно шевелился — книга тяжелая была. Потом председатель будничным голосом, будто и не было только что недоверия к рассказам дяди Саши, сказал:

— Так, мужики, подумаем, у кого какие соображения будут насчет обороны! — и Егору: — Говоришь, встречался с ним? Ну-ка, ну-ка, расскажи, как там дело было?

Темнело быстро. Председатель, Егор и Ключев сидели в кустах на окраине. Здесь же был запрятан мотоцикл Ключева. На собрании решили попытаться послать сообщение в район. Мысль эта возникла сразу же, но председатель, выслушав рассказ Егора о последней

встрече с «монахом», предложил самое мрачное — блокаду села — и велел не суетиться, а дожидаться вечера и попытаться прорваться в то время, как Егор будет заговаривать зубы пришельцу.

Клюев долго и невнятно рассуждал о том, что в жизни всегда есть место подвигу, и наконец вызвался сообщить в город о происходящем в Николеньках. Довод привел неотразимый — тяжелый мотоцикл, имевшийся у него. Такой как раз и нужен был, чтобы преодолеть весеннюю распутицу и возможные кордоны противника.

Он же, Клюев, придумал, какие доказательства с собою взять, чтобы поверили. Брать «зайчонка», рисковать еще и его жизнью — незачем. Сфотографировали Дениса и дядю Сашу в окружении их питомцев, записали на кассету щебечущий хор. Успели даже снимки отпечатать, и сейчас они вместе с магнитофонной кассетой и подробным рапортом председателя лежали в кармане волнующегося, но старающегося это не показать Петра Серафимовича. Председатель и Егор тоже нервничали, поглядывали на часы — не пора?

Полдня прошло в спорах, совещание затягивалось, к общему мнению — как действовать — не приходили, хотя в том, что действовать надо, никто не сомневался. Как никто даже не заикнулся о том, чтобы выдать «зайчат» и отвести таким образом беду от Николенок.

Председатель слушал, шевелил усами, молчал. Потом разом оборвал все прения и стал командовать: кто, куда и с какими обязанностями. Чувствовалась военная выучка. Среди прочего предложил женам пока ничего не говорить во избежание паники. Так и порешили и разошлись по домам готовить оружие и готовиться самим. А к вечеру, когда только едва начало темнеть, засели у себя в огородах и садах. Егор, Клюев и председатель выдвинулись на исходную позицию. Егор с собой ружья опять не взял — предстояла встреча.

Сидели, молчали, только Клюев нервно барабанил по шлему пальцами. Наконец председатель, еще раз глянув на часы, поднялся:

— Пора.

Егор тоже встал. Клюев суетливо кинулся к мотоциклу.

— Да погоди ты! — одернул его председатель. — Через пятнадцать минут, не раньше! И кати его на руках как можно дальше, потом только заводи. Инструкции помнишь? Ну все, давай, — кивнул председатель Егору. — Ни пуха...

— К черту! — сказал Егор, подмигнув Клюеву, и пошел вперед. Председатель, обождав немного, двинулся за ним, пригнувшись и перебегая от куста к кусту. В сгустившейся темноте он был почти незаметен.

11

На этот раз пришельцев было двое. Сбывались предсказания председателя, который, поразмыслив, предложил на совещании, что, видимо, у «монахов» времени действительно нет и, скорее всего, они плюнут на деликатную разведку и решатся провести просто повальный обыск села. Может быть, даже применяя оружие. А потому Егору на встрече нужно быть готовым ко всему, в том числе и к неприятному разговору уже не с одним «плащом», а и с его начальством.

Пришельцы стояли неподвижно у «Жигулей». Егор мысленно ругнулся. За всеми приготовлениями он совершенно забыл о застрявшей машине. Что ж, теперь до конца этой истории времени заняться ею не будет.

Он не стал подходить к «монахам» слишком близко, остановился метрах в четырех-пяти.

— Доложите об успехах! — резко скомандовал знакомый голос.

Егор усмехнулся — ишь ты, уже «доложите». Страху не было, появилось даже некоторое чувство превосходства. Сейчас мы вас, обормотов!

— Нет ничего такого в селе, что бы вас интересовало! Никаких животных странных, никаких крокодилов и змей! Обошел я все дома, посмотрел, с людьми поговорил. Ничего

нет. Напуган только народ. Боятся из домов выходить, на ночь запираются. Как во время войны! — и остановился, ожидая ответной реакции. Одновременно он вслушивался в ночь, ожидая, что вот-вот вдалеке затрещит мотоцикл Ключева и можно будет под благовидным предлогом, как не справившемуся с заданием, ретироваться.

Короткое молчание, и голос, звучавший теперь ровно и глухо, произнес:

— Идет война. Давняя и жестокая. До сих пор она не касалась вас, потому что было кому прикрыть вашу планету, отвести от нее беду. И вот теперь, когда помощь потребовалась от вас, вы лжете, укрывая наших злейших врагов.

Егор натянуто улыбнулся. Нельзя сказать, чтобы патетика пришельца оставила его равнодушным. Но игра началась, и нужно было ее продолжать.

— С чего вы взяли, что я лгу?

«Монах», что стоял слева, махнул рукой, и из-за «Жигулей» выступила еще одна темная фигура. Егор смотрел на нее, с ужасом понимая, что это не пришелец, это свой, земной человек. Только кто же? Ничего различить нельзя было, лицо в темноте не угадывалось, видно только, что третий, землянин, плаща с капюшоном не носил, одет был в короткую куртку, без шапки на голове.

— Повторите то, что вы нам рассказали! — потребовал пришелец, и тот покорно забубнил:

— Ну, это, зайцы какие-то космические у Попова Александра Ивановича. А помогает ему племянник, что из города приехал.

Голос тоже был незнаком или изменен специально. Егор соображал это и чувствовал, как слабеют колени. Как бежать теперь?

Пришелец опять повернулся к нему.

— Ну, вот все и разъяснилось. У нас нет больше времени ждать. Но есть возможность самим найти тех, кого вы прячете. А поскольку вы стоите на нашем пути, то начать придется с вас. — И рука его стала медленно подниматься, блеснув чем-то удлинненным, угрожающим.

Секунды растянулись в часы, мир вокруг застыл, и только оружие поднималось неотвратно, плавно. Егору показалось, что нет сейчас такой силы, чтобы смогла остановить это движение. Ноги не слушались, он даже не пытался бежать, следил за рукой пришельца и ждал удара.

Голос председателя разорвал тишину, она лопнула реально, ощутимо, и секунды опять забились, полетели, заставили ожить, действовать.

— В сторону, Егор, в сторону! — кричал председатель где-то близко, рядом, может быть, из-за соседнего забора. И Егор послушно, сразу ощутив упругость своих мускулов, метнулся от машины, покатился по земле, вскочил, теперь уже оказавшись за дорогой, перемахнул невысокий заборчик. Одновременно с его рывком звонко бухнула председательская двустволка и, падая за забор, он успел увидеть, как у машины один пришелец, согнувшись, схватился за плечо, землянин лежит, то ли задетый выстрелом, то ли упав от страха, а второй пришелец, присев, палит куда-то, далеко вытянув руку. Все это Егор увидел при вспышках выстрелов. А потом опять темнота, бьющие по рукам, прикрывающим лицо, мокрые колючие ветки, грохот сердца и желание бежать как можно быстрее и дальше.

Только оступившись в какую-то яму и проехав на животе метра два по земле, он остановился. Полежал, задыхаясь, потом перевернулся на спину, сел, вытер грязь с лица. Вспомнил, что всего насчитал на бегу четыре выстрела ружья председателя. Стало стыдно — убежал, бросил того одного. Ощупал себя — цел. Даже руки не дрожат. Подумалось: «Привыкать начинаю, что ли, ко всем этим передерягам?»

Дыхание успокаивалось. Надо было возвращаться, искать председателя. Инопланетное оружие хоть и стреляло бесшумно, но вспышки были сильными, как небольшие молнии.

Егор поднялся, двинулся назад, к дороге, всматриваясь в темноту, разыскивая путь, по которому бежал.

Шел он довольно долго, начав даже удивляться тому расстоянию, которое успел преодолеть, убегая. Неожиданно впереди послышалось шуршание шагов, и Егор едва

сдержался, чтобы не окликнуть. Вместо этого он отступил в сторону, скрылся за деревом.

Шедший человек не был председателем. Тот шагал тяжело, грузно, немного задыхался. Этот же дышал ровно, ступал негромко, мягко. Только когда человек поравнялся с деревом, Егор по короткой курточке и яйцеобразной голове узнал того, кто был с инопланетянами, кто рассказал им о скрываемых дядей Сашей «зайчатах», предателя!

Не раздумывая, Егор бросился на него, и они покатались по земле, сопя, ругаясь и барахтаясь, стараясь придавить друг друга. Яйцеголового Егор явно недооценил. При всей своей кажущейся худобе тот был явно сильнее его и вскоре оказался наверху. Егор крутился, пытаясь вывернуться, сбросить противника, но это не удавалось.

Внезапно послышался глухой стук, пальцы, уже вцепившиеся в горло Егора, разжались, и он без труда смог свалить с себя врага. Тот упал на сторону, обмякший и тяжелый.

Егор поднялся, чувствуя боль во всем теле, и прямо перед собой обнаружил председателя. Тот стоял, опираясь на ружье, прикладом которого, очевидно, и оглушил яйцеголового, и даже в темноте можно было без труда различить на его лице довольную улыбку.

— Ну, как ты? — спросил он.

— Да живой, — улыбнулся в ответ Егор. — А вы как?

Председатель нахмурился:

— Задело, кажется. Нogu почти не чувствую. Но без крови, даже раны нет. Странно, я все осмотрел. Хоть бы синяк какой-нибудь!

— Может, краем зацепило, — предположил Егор. — Меня в упор расстреливать собирались. Спасибо вам, что вовремя вмешались. Я же не знал, что так получится.

— Да, все предусмотрели, только вот паршивую овцу не учли. — Он пнул валявшегося на земле предателя. Тот глухо замычал. — Ну-ка, давай посмотрим, что это за гад. — Он отложил ружье, кряхтя и отставив в сторону негибачущую ногу, нагнулся и перевернул лежавшего. Всмотрелся ему в лицо.

— О, да это же не наш! Точно — не наш, не из Николенек! Постой-постой, да ведь это тот, с «Москвичом», что об иконах расспрашивал.

Егор тоже наклонился. Вышедшая из-за туч луна позволяла разглядеть незнакомца. На земле лежал не тот, лохматый, которого он просил помочь вытащить застрявшую машину. Наверное, второй, что сидел рядом.

Председатель попросил:

— Помоги! — и стал расстегивать ремень на брюках.

— Это зачем? — удивился Егор.

— А мы его сейчас свяжем. Не дай бог очухается — опять драться полезет. Здоровый, дьявол. Думал, он тебя придушить успеет, пока я доковыляю. Я за ним шел, следил, где спрячется. Только сейчас с моею ногою, разве успеешь? А потом мы его в милицию сдадим. Пусть судят паразита. Это же надо удумать — своих каким-то залетным обезьянам продать! До чего подлые люди встречаются!

Вдвоем они стянули предателю руки за спиной, подтащили к дереву и посадили, прислонив к стволу. Потом Егор похлопал его по щекам — приводил в чувство. Тот действительно очнулся, открыл глаза. Взгляд, сначала мутный, прояснился, появилось осмысленное выражение.

Председатель присел перед ним, поудобнее устроил ногу.

— Ну, давай поговорим, голубь. Только начистоту, без вранья. Иначе пеняй на себя, плохо будет. Ты теперь вроде бы как вне закона. За тебя нас и под суд-то не отдадут. Усвоил?

Предатель медленно, с трудом кивнул. Шишку на затылке было видно и в темноте — величиной чуть ли не с кулак.

— Что вы с дружкой своим у нас в селе делали?

Предатель разлепил губы, сказал хрипло:

— Иконы искали старые, они сейчас стоят много. Западники бешеные бабки платят. И наши шизики гоняются. Вот и застряли в вашей дыре. Кто ж знал...

Егор перебил его:

— А откуда про «зайцев» узнали?

— Мужик, у которого мы остановились, бабе своей трепанулся.

Председатель восхитился:

— Вот зараза Митрофаныч! Договорились ведь — женам ни слова!

Егор продолжал допрос:

— Зачем им «зайцы» нужны?

— Не знаю я. У них война какая-то идет. Эти «зайцы» — враги. Они сначала нас на понт взять пытались. Рассказывали, как это будет плохо, если «зайцы» нас захватят и всех в рабство загонят. Мы с Вареником их, конечно, оборжали и сказали, что задаром пусть их милиция Земли от «зайцев» защищает. Ну, они побухтели и бабок кучу отвалили — авансом. Пообещали еще, если найдем, у кого эти их враги прячутся.

— Что они намеревались сделать с «зайцами», когда найдут?

— Говорили, вроде бы, что убьют, чтобы свои не выручили, а там кто их знает.

Председатель вмешался:

— Они сказали, что убьют, а вы все равно продали? Да не только их, целое село! Что теперь делать? Как врезал бы, гадюка! — И он замахнулся на яйцеголового ружьем. Тот втянул голову в плечи.

— Ладно, — Егор остановил ружье. — Давайте к дяде Саше двигаться. Надо решать что-то. Теперь прищельцы знают, где искать. Вы никого из них не подстрелили?

— Так ведь он там лежит! Тот, который в тебя целился. Я когда пальбу открыл, этот, — он указал на пленного, — сразу на землю упал, в первого я попал, а второй несколько раз по мне выстрелил и сбежал. Вояки, я тебе доложу, никудышные. Кто же своих бросает? Я не смотрел, что с тем.

— Надо пойти посмотреть, — решил Егор. — Давайте, на меня обопритесь. И ты вставай! — Это уже предателю.

Кое-как они добрались до дороги. Оставив яйцеголового под охраной председателя, Егор подкрался к «Жигулям». Пришелец действительно лежал около них, там, где упал. Товарищ бросил его. Егор осмотрел все вокруг, помня об оружии «монахов», и у колеса поднял отлетевший туда пистолет не пистолет, какой-то механизм, явно предназначенный для стрельбы. Разбираться с ним не стал, отложил на потом, сунул в карман и склонился над пришельцем. Тот был жив, но без сознания, дышал прерывисто и тяжело.

Теперь предстояло решить — как доставить и пленного и раненого одновременно. Егор понял, что своими силами им этого не сделать, сходил к ближайшей засаде и позвал сидевшего там человека.

Выдержка у членов отряда самообороны оказалась железной. Услышав выстрелы, но помня о приказе председателя: пост не покидать, — ни один из них приказа не нарушил.

12

Жена председателя еле сдержала крик, когда увидела его, бледного, волокущего ногу, опирающегося на Егора. Но быстро успокоилась — крови ведь не было. Председателя уложили на постель, пристроили поудобнее ногу. Он сопротивлялся и шумел, требовал, чтобы с ним не возились, а занялись бы пришельцем. «Монах» действительно оказался ранен в ногу, рука председателя с годами твердости не потеряла. Рана была пустяковой, пуля только вскользь задела, и без сознания пришелец был скорее от шока, а не от потери крови. Кстати, кровь была обыкновенной, красной. Жена председателя, перевязав «монаху» ногу, решила расстегнуть плащ у него на груди и... теперь уже пришлось приводить в чувство ее! Сдвинув капюшон, она взялась за застежку, начала вертеть ее, и от неосторожного движения с лица пришельца сползли черные очки, а вместе с ними и все лицо, которое оказалось умело

сделанной маской. Настоящее же лицо «монаха» и лицом-то назвать можно было с огромной натяжкой. Напоминало оно свиное рыло, поросшее редкими черными волосами, с круглыми, лишенными век глазами. Увидев это, жена председателя охнула и осела на пол в обмороке. Егор и мужик из засады в растерянности стояли над лежавшим на полу пришельцем и женой председателя и не знали, что делать.

Хладнокровия не потерял один председатель. С постели он скомандовал мужику:

— Петрович! Воды принеси и побрызгай ей в лицо!

Петрович метнулся в коридор. Егор, вглядываясь в «рыло» пришельца, думал: «Пусть теперь мне только скажут, что разумные существа во всей Вселенной должны походить на человека!»

Вода подействовала. Жена председателя открыла глаза, потом села. Вспомнив же, что произошло, она, не вставая, стала пятиться к стене, стараясь не смотреть на «монаха».

Егор отобрал у Петровича кружку с водой и повторил процедуру приведения в себя с пришельцем. Брызги воды подействовали на инопланетянина так же, как и на жену председателя. В круглых глазах появилось осмысленное выражение. Пришелец обвел комнату взглядом, попытался вскочить, но со стоном рухнул на пол. Сознание в этот раз он не потерял. Полежав какое-то время, «монах» попросил:

— Помогите сесть. Так мне будет легче разговаривать.

Егор кивнул Петровичу: «Давай!» На Петровича, мужчину, по всему видно, опытного и ко всему привычному, внешний вид пришельца никакого шокирующего воздействия не оказал. Совершенно спокойно он помог «монаху» приподняться и прислониться к ножке стола. Егор вспомнил об оружии, достал из кармана стреляющую машинку, надеясь, что в случае надобности как-нибудь сумеет из нее выпалить.

Пришелец, увидев оружие, сказал:

— Уберите. В нем нет нужды. К тому же это только парализатор с кратковременным периодом воздействия.

Странно было видеть, как он произносит русские слова. Лицо его, лишенное мимики, оставалось неподвижным. Голос был бесстрастным, но Егор мог поклясться, что в нем слышалась ирония.

С кровати подал голос председатель:

— Так что, нога у меня не навсегда покалеченная?

— Нет, — ответил пришелец. — Действие заряда рассчитано максимум на час.

— То-то я чувствую, что она ныть начинает.

Егор все же парализатор не убрал, решив, что хватит и часа, если что.

— Ну, поговорим начистоту? — спросил он «монаха».

— Мне больше ничего не остается, — просто сказал тот. — И хотя это строжайше запрещено, я думаю, обстоятельства складываются так, что придется рассказать вам всю правду.

— Вот-вот, — сказал председатель. — Давно пора.

— Но сначала, — продолжал пришелец, — я хотел бы, чтобы вы кое-что посмотрели. У вас есть видеоаппарат?

— Это телевизор, что ли? — спросил председатель.

— Да, — подтвердил пришелец. Он покопался в глубине плаща и достал маленькую коробочку черного цвета. Егор нервно повел стволом парализатора.

— Ну-ну, — сказал пришелец, — не делайте глупостей. Нажмете еще случайно. Тогда я ничего не смогу объяснить. Подключите этот аппарат к антенне вашего телевизора.

Егор взглядом показал Петровичу: «Присмотри за ним!», — взял кубик и направился к стоявшему на тумбочке «Рекорду», кокетливо прикрытому кружевной салфеткой. На боковой грани кубика имелся выступ, который в точности подошел к антенному гнезду телевизора.

— Подсоединил, — сказал Егор. — Что дальше?

— Включайте.

На экране сквозь туман проступили очертания огромного шара. «Земля», — подумал Егор, но тут же понял, что ошибается. Очертания материков были совершенно иными.

— Жаль, что изображение черно-белое. В цвете это впечатляет сильнее. У вас примитивная техника, — сказал пришелец.

— Есть и цветные телевизоры, — оскорбился на кровати председатель.

Некоторое время картинка не менялась. Планета спокойно плыла в космосе. По ее поверхности скользили облака, но в разрывах между ними ничего особенного видно не было: горы, реки, моря.

В левом углу экрана появилось несколько светлых точек. Они росли, количество их увеличивалось, и вот уже стало видно, что это огромная армада космических кораблей приближается к планете. Преобладали «летающие тарелки», но были и шары, и пирамиды, и вообще какие-то немыслимые конструкции.

Не задерживаясь, армада устремила поверхность планеты, плавно ныряя в ее атмосферу.

Картинка сменилась. Теперь снимали с земли. Прекрасный город раскинулся на берегу залива. Высокие белые здания среди густых парков. Город несколько напоминал Рио-де-Жанейро. Только растительности было побольше и над городом не стояла, раскинув руки, гигантская статуя Христа.

Улицы были полны народа. Существа, очень, напоминавшие людей, почти неотличимо на них похожие, толпами собирались на площадях. Все смотрели вверх, очевидно, предупрежденные о прибытии кораблей. И вот они появились. Тяжело и в то же время грациозно десятки их опускались на город.

— А почему нет звука? — спросил председатель.

— Несовпадение параметров аппаратуры. Я же говорил, что у вас примитивная техника.

— Это еще неизвестно, у кого она примитивнее, — опять обиделся председатель.

А на экране происходило странное и страшное. Из опустившихся космических кораблей хлынули колонны... «зайцев». Да, тех самых «зайцев», которых приютил дядя Саша. Только эти были, кажется, побольше ростом. И они были вооружены.

Через пятнадцать минут большая часть жителей города была уничтожена. Оружие «зайцев» разило без промаха. Тот, в кого попадал луч, исчезал в яркой вспышке, и на этом месте еще несколько секунд расплывалось блеклое облачко то ли пара, то ли дыма...

Оставшихся в живых загнали в несколько шаров-звездолетов, которые тут же взлетели и исчезли в небе. Город был захвачен. Можно было предположить, что по всей планете сейчас происходит то же самое.

— Выключи, — сдавленным голосом сказал председатель и выругался. Жена его тихо плакала в углу. Даже у невозмутимого Петровича на скулах играли желваки. Егор с трудом разжал стиснутые челюсти и шагнул к телевизору.

— Там мы не успели, — сказал пришелец. — Вас должна была ожидать такая же судьба. Только благодаря нашему заслону, они не прорвались. Этот космический корабль попал сюда случайно и был сбит. Идет большая война. Вы не участвуете в ней напрямую, но не можете не понимать, на чьей стороне вы находитесь. Поэтому отдайте нам их.

Все молчали.

— Нет, — сказал наконец председатель.

— Но почему? — пришелец попытался встать, застонал и снова опустился на пол. — Почему?

Председатель сел на кровати, несколько раз согнул и разогнул бывшую до этого неподвижной ногу.

— Что вы с ними сделаете? — спросил он.

— Уничтожим, разумеется, — в голосе пришельца не было сомнения.

— Вот поэтому — нет, — сказал председатель.

— Вы сумасшедшие! К ним нельзя проявлять ни малейшей жалости! Да они и секунды

бы не колебались!

— Они — да. Мы это видели. Но те, что у нас, — дети. Они за отцов не отвечают.

— Какая разница: взрослые, дети? Это заложено у них в генах! Они существуют для того, чтобы убивать, как вы этого не понимаете?

— Нет, — сказал председатель. — Мы можем долго разговаривать, но все это бесполезно. Вам трудно нас понять. Мы и сами не всегда понимаем себя. Но одно я знаю точно. Если я сейчас отдам вам их, зная, что вы с ними сделаете, то никогда в жизни себе этого не прощу. И поэтому буду защищать их от вас любыми средствами.

— Хорошо, — сказал пришелец. — Вы — это еще не все жители планеты. Зовите своих людей, и мы спросим у них. Я верю, что разум возобладает над эмоциями. Зовите-зовите, вам ничего не угрожает с нашей стороны, должны были бы уже понять. Ведь у нас даже оружия против вас нет, кроме этих маломощных парализаторов.

— Ну хорошо, — решил председатель. — Егор, дай мне его пистолет и сходите с Петровичем, народ соберите. Только пусть у дома Ивановича кто-нибудь останется. На всякий случай.

13

В окно постучали. Когда стук раздался снова, уже сильнее, его наконец услышали и умолкли.

— Совсем об охране забыли, — сказал председатель. — Егор, посмотри, кто это.

Егор взял двустволку и вышел. Под окном стоял лохматый — второй из искателей икон. Егор поднял ружье.

— Что надо?

— Я парламентар, — угрюмо сказал лохматый.

— Чего? — удивился Егор.

— Парламентар я. Для переговоров пришел.

— Для каких переговоров?

— Да эти меня послали. Веди к вашему главному.

Егор немного поколебался, не дать ли этому парламентару сразу в ухо, но потом махнул стволом:

— Пошли.

В комнате курили. «Парламентар» как-то сразу определил, что главный тут председатель, и сказал, обращаясь только к нему:

— Велели передать, что если вы ихнего отдадите, то они вашего отпустят.

— Какого нашего? — не понял председатель.

— Ну этого, с мотоциклом, здорового.

Егор увидел, что под глазом у лохматого расплывается большой синяк. «Молодец, Петр Серафимович!» — подумал он.

— Неужели Петька не прорвался? — поразился председатель.

— У него мотоцикл не завелся. Я к нему подошел, а он драться... — грустно сообщил лохматый.

— Мы предусмотрели этот ваш ход, — сказал пришелец. — Ни один двигатель сейчас здесь работать не может. И связи не должно быть.

— Техника, значит, передовая? — неприятным голосом осведомился председатель. Пришелец промолчал.

— Так что же вы с вашей техникой не придете и не заберете «зайцев»? — не отставал председатель.

— Неужели вы не понимаете, что мы не можем применять к вам силу? — устало сказал пришелец. Он, видимо, уже понял, что ничего из его затей не получится. Два часа дебатов ни к чему не привели. Фильм, показанный еще раз, теперь уже всем, впечатление произвел. Тихо матерились, расспрашивали пришельца о подробностях войны. Тот немногословно

отвечал. Но когда он повторил свою просьбу, а председатель добавил о судьбе «зайцев» в случае выдачи их «монахам», то тихо материть стали пришельца. Не в лицо, конечно, а в сторону, но так, что понятно было, кому адресовано.

Все «зайцев» видели, все знали, что это дети, которых судьба случайно занесла в гущу военных действий. А потому и двух мнений быть не могло: дети-то здесь при чем, если отцы воюют?

— Ладно, — сказал председатель, — хватит разговоры разговаривать. По-моему, все ясно. Что нас защитили — земной поклон вам и спасибо. Но детишек на погибель мы вам не отдадим. И это наше последнее слово. Так, товарищи?

Товарищи одобрительно загудели.

— Все, закругляемся! — подвел черту председатель. — Как обмен пленными будем производить?

— Помогите добраться до машины, где меня ранило, — сказал пришелец. — Я сообщу своим о вашем решении. Планету мы будем прикрывать по-прежнему, но ваш населенный пункт будет под особым контролем.

— Это пожалуйста, — сказал председатель. — Только не пытайтесь какую-нибудь каверзу устроить. Сразу вас предупреждаю, чтобы потом неприятностей не было.

Пришелец молча кивнул и стал засовывать в плащ телекубик и ненужные теперь маску и очки. Егор протянул ему парализатор.

14

Петрович и Егор, по-пионерски сплетя руки в сидение, несли раненого пришельца. Тот обнимал их за плечи. Светало, и единственная улица села была видна из конца в конец. В отдалении у «Жигулей» стояли несколько фигур в черных плащах и среди них злой и растерянный Клюев.

— Может быть, это и к лучшему, — сказал вдруг пришелец, ни к кому особенно не обращаясь. — Эти дети могут со временем стать связующим звеном. Хотя многим у нас эта мысль очень не понравится...

— Ничего, — сказал Егор. — Привыкнут!

Больше они не разговаривали. Молча передали его товарищам, молча забрали Клюева и, холодно раскланявшись, разошлись. Отряд самообороны стоял поодаль, наблюдал.

Клюев возбужденно заговорил:

— Я им ничего не сказал! Письмо съест успел, фотографии порвал. А кассету они не нашли.

— Нормально, Петр Серафимович, — улыбнулся Егор. — На память тебе останется.

Вернулись сначала все к дому председателя. Петрович вывел из кладовой сидевшего там яйцеголового.

— Вареник! — заорал тот, увидев своего компаньона. — Вареник! Бабки-то — фальшивые!

— Как? — опешил тот.

— Так! Номера одинаковые!

— Брешь! — взревел Вареник, таща из-за пазухи толстенную пачку сотенных купюр.

Да, номера на всех банкнотах были одинаковыми. Пришельцы, видимо, не очень разбирались в валютно-финансовых делах землян. Это Егор обнаружил сразу же, вернувшись со встречи с «монахом». И злорадно сообщил потом пленному яйцеголовому. Тот уже немного пришел в себя от пережитого потрясения. А вот на Вареника сейчас посмотреть было одно удовольствие. Лицо его пошло красно-синими пятнами, он задыхался, словно получил сильнейший удар под ложечку.

— Так, — обратился к ним председатель, — даю вам десять минут. Если после этого времени вы все еще будете в пределах села — прикажу стрелять, как в диких зверей. Ясно?

Марш!

Спекулянты бросились бежать по улице.

Егора дернули за рукав. Рядом стоял Денис с «зайчонок» на руках.

— Пап, — сказал он. — Все хорошо?

— Да, — ответил Егор. — Все оч-чень хорошо!

Денис заулыбался.

— Смотри, что Васька уже знает!

— В лезу родилась елодчка! — зачирикал «зайчонок» Васька.

— Ну, молодец! — сказал подошедший председатель. — Подрастешь — в школу ходить будешь!

— Заберут их у нас! — сказал Егор.

— Кто? — встревожился председатель. — Эти, что ли?

— Да нет. Ученые, медики...

— Ну да, — сказал председатель. — От космических отстояли, а уж от своих-то и подавно отстоим!

Виталий Пищенко

ИЗОБРЕТАТЕЛЬ

— Ну, что же ты, Прохорыч? — Глаза председателя смотрели строго, и Сидор Прохорович только тяжело вздохнул в ответ.

— Опять за старое взялся?

Председатель близоруко поднес к глазам листок бумаги, не торопясь прочитал:

«Поскольку ночью из трубы дома гр. Плужняка ударил столб огня до небес, моя свинья с перепугу передала всех поросят. Требую возместить ущерб.

Дарья Засухина».

Прохорыч облизал пересохшие губы.

— Виктор Фомич, ей-богу, не нарочно получилось. Плазма через край выплеснулась чуток...

— Плазма?! — Председатель утомленно покачал головой. — Когда ты, Прохорыч, остепенишься? Старый ведь уже человек, колхозное стадо тебе доверено... А ты? Кур, икру мечущих, вывел? Вывел. Что тебе ученые ответили? «Использование представленных образцов „птичьей икры“ затруднено, в связи с необычайной прочностью скорлупы». А шелкопряд, лебеду поедающий, — чья работа? Твоя! Лебеды теперь по всей округе днем с огнем не найти, а коконы твоих шелкопрядов по сей день никто размотать не может. А воробьи шерстистые зачем тебе понадобились? — Виктор Фомич с негодованием посмотрел на пыльный комок, нахально скачущий по подоконнику. — Над биологией надругался, теперь на физику перешел? Последний раз предупреждаю — прекращай. Займись делом. Электропастуха когда установишь? Ждешь, чтобы стадо посевы потравило?

— Так ведь, Виктор Фомич, — робко подал голос Прохорыч, — устарел он, электропастух-то. Я так думаю, что нам лучше голографическую установку применить.

— Чего, чего, голо... — насторожился председатель.

— Голографию, объемное изображение, то есть, — совсем сник Прохорыч. — Я посчитал, получается, что одна телевизионная установка может проецировать объемное изображение забора вокруг всех полей...

— Все, — выдохнул председатель, — замолчи. Иди, ставь электропастуха. И брось свои штучки, — повысил он голос, — прежде всего голо эту!

Жаркий летний полдень навис над селом. Виктор Фомич, с утра мотавшийся по полям, устало опустился в кресло и включил телевизор. На голубом экране засуетились маленькие фигурки футболистов, но мысли председателя были далеко от событий, происходивших на футбольном поле. «После обеда нужно будет на третье отделение проскочить», — подумал было он, но тут резко хлопнула калитка и в окне появилось растерянное лицо бухгалтера Глотикова.

— Прохорыч... посева... — еле выдохнул он.

Не дослушав бухгалтера, председатель бросился на улицу.

— Потравил, семенную пшеницу потравил, и-зо-брета-тель! — билось в голове Виктора Фомича, рванувшего с места машину.

Коровы спокойно паслись в березовом колке на косогоре. Но по хлебному полю (Виктор Фомич глазам своим не поверил) гоняли футбольный мяч здоровенные потные парни. А рядом, на пыльной кочке, укрывшись от палящих лучей солнца рваным треухом, сидел, с интересом рассматривая это безобразие, Сидор Прохорович.

— Да что они, с ума посходили? — резко затормозил машину председатель.

Бородатый верзила в желтой футболке легко принял мяч на грудь и, едва касаясь тяжело пригнувшихся к земле колосьев, погнал его в сторону растерявшегося Виктора Фомича.

— Сократес, — с испугом узнал знаменитого футболиста председатель, — бразильцы...

Растерянно глотнув ртом воздух, он опустился на подножку машины, глядя остановившимся взором, как маленький юркий Росси в отчаянном рывке послал мяч мимо защитника, мимо бросившегося ему навстречу вратаря в ворота бразильцев.

Взревели невидимые трибуны, под укрытие берез метнулись, испуганно задрав хвосты, коровы, а босоногий Прохорыч помчался, высоко подбрасывая свой треух, за убегающей тенью великого форварда.

РАВНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ

И чего этим пришельцам надо? Какую книгу ни открой — все про них, все про них... То они ученому мировое открытие сделать мешают, то на спортивной арене каверзу какую учинят, то библиотеку фантастики разорят... Так и суют всюду свой нос, так и суют!

Думаете, фантастика, мол, это все, небылицы? Я тоже так думал, пока сам в переплет не попал.

В день открытия осенней охоты все случилось. Мы на озера Кудряшовские втроем поехали. Добрались хорошо, затемно еще, утром постреливать начали. Чуть где шлепнет по воде, мы туда: «Бах! Бах!» Авось она, родная — крякуша или, на худой конец, чирок. Потом небо посветлело, ветерок потянул. Самое время уткам лететь, а их нет и нет. То ли канонада наша их распугала, то ли из яиц они в этом году так и не вылупились. Не летят, хоть умри! Часов после двенадцати мы с Серегой тренировку устроили. Он пару бутылок пустых из багажника достал, постреляли малость... Николай — тот в березовый лесок подался, — у него бутылку бить рука не поднимается. Верите, всего-то минут двадцать ходил, а принес двух сорок и дятла!

Вечером тушенку на костре разогрели, Сергей еще разок в багажник слазил, освободили пару «мишеней» от содержимого... Приятели мои быстро уснули. В это время пришелец и появился. Не знаю, телепатический он со мной контакт установил, еще как... Только, что это пришелец, я сразу догадался, потому как зеленоватый он какой-то был, светился изнутри, и ушей у него имелось почему-то штук шесть, не меньше. Посмотрел он на меня и вежливо так спрашивает:

— Простите, — говорит, — если вас не затруднит, будьте так любезны, объясните мне, пожалуйста, цель вашего пребывания в этом месте?

— Пожалуйста — отвечаю, а сам слова стараюсь подбирать, чтобы контакт первый не омрачить ничем. — Мы с друзьями, — говорю, — выехали поохотиться на уток и прочую водоплавающую дичь.

— Поохотиться? — Вижу, пришелец понять меня хочет, а разума ему не хватает. — Это значит — убить? Вероятно, с целью образования запасов пищевых продуктов?

— Ну что вы, — улыбаюсь, — какой с чирка продукт! Мяса с кулачок, да и то так дробью начинено, что им только крыс травить. А вот этих птиц, — на сорок и дятла показываю, — и вовсе не едят. Охота, — объясняю ему, — это чисто спортивное мероприятие, благородное, можно сказать, развлечение.

— Спортивное? — переспрашивает пришелец. — Но ведь спорт, насколько я понимаю, подразумевает наличие равных условий для обеих сторон?

— Конечно! — говорю. — Утка имеет возможность улететь, я — возможность в нее попасть. Мы оба в абсолютно равных условиях!

Силится пришелец до конца во всем разобраться и не может. Губы покусывает, на «тулку» мою косится. Потом осторожно так спрашивает:

— Извините, но, если я не ошибаюсь, скорость полета утки не превышает семидесяти километров в час, в то время, как скорость, с которой вылетает заряд из дула вашего оружия...

— Ах, вот что вас так смущает, — говорю. — Вы просто забыли, что реакция у утки значительно быстрее, чем у меня! Кроме того, все ее чувства обострены характерной атмосферой спортивного соревнования. Так что, возможности у нас самые что ни на есть равные!

И тут меня понесло!

— Корни спортивной охоты, — говорю, — берут начало в глубокой древности. И всегда охотник представлял добыче свой шанс. Это главный и неизменный закон всех настоящих охотников Земли! Такой шанс имеет любой заяц, любой лось, как в свое время имел его каждый саблезубый тигр, каждый мамонт!

— Мамонт? Это такое хоботное? — говорит пришелец. — Но ведь они, кажется, вымерли?

— Да, — говорю с грустью, — они очень плохо использовали свой шанс... И вы даже не представляете, какая это потеря для всех охотников планеты! Что может быть чище и возвышеннее охоты на мамонта?! Вы посмотрите, что сейчас творится! Медведи в «Красную книгу» записались, волки из разряда хищников переведены в число «санитаров природы». Эх! — Рассказываю я все это, а сам расчувствовался, чуть не плачу.

Смотрю, и пришельца проняло.

— Я, — говорит, — очень рад, что могу утешить вас в вашем горе. Пускай мне будет объявлено взыскание за нарушение правил поведения на чужой планете, но я сделаю все, чтобы вы приняли участие в охоте на мамонта!

И сделал...

Стою я, одетый в плохо выделанную шкуру, в руке у меня вместо верной «тулки» сучковатая дубина, а прямо передо мною — Он. Мамонт. Огромный, размером с автобус, из рта слоновая кость торчит, а глаза!.. Я такой взгляд только раз в жизни видел — когда меня в трамвае контролер без билета поймал.

В общем, как я на вершине скалы очутился, сам не знаю. А Он не уходит, внизу топчется. Урчит что-то, хрюкает, на хоботе подтянуться пытается. И что ему от меня нужно? Помню, в школе рассказывали, что они травоядными были...

Потом отошел он немного, растительность поедать стал, но в мою сторону то и дело поглядывает. А я сижу... Холодно, дождь моросит. Шкура моя набедренная намочка, липкой стала, противной... Недалеко еще одна скала, под ней пещерка узкая, уютная, на нору похожая. Оттуда-то ему меня не достать! Добежать бы, спрятаться... А боязно, вдруг не добежу! Возможности-то у нас с ним равные...

БАЛЛАДА О ВСТРЕЧНОМ ВЕТРЕ

1

Над космодромом имени Ивана Ефремова всегда дует ветер. Воздушные массы перебираются через высокую стену синеющей вдалеке горной гряды и с силой обрушиваются на равнину. Столетия назад ветер вздымал в воздух тучи песка, закручивал черные смерчи, перекатывал с места на место желтые волны барханов... Потом в долину пришли люди. Пустыня отступила на многие сотни километров, и теперь ветер, долетая до космодрома, приносит с собой ароматы садов да терпкий запах горной полыни. Он первым встречает людей, вернувшихся из космического полета, врывается в открывающиеся люки кораблей, и прикосновение ветра кажется истосковавшимся по Земле космонавтам нетерпеливой лаской родной планеты.

До очередного рейса оставалось чуть больше двух недель. Обычный разведывательный полет, стандартная программа... Таких рейсов сотни, в них участвуют многие экипажи, работа, давно ставшая будничной. Поэтому вызов в Центр космических исследований удивил Андрея. Других ощущений не было: работа остается работой, даже если ты находишься в отпуске, который, честно говоря, стал уже поднадоедать.

Бесшумный лифт вознес Андрея на девятый этаж. Слабо фосфоресцирующий номер на двери подтверждал — все правильно, тебе нужно именно сюда. Войдя в комнату, Андрей коротко представился — отрапортовал о прибытии.

— Садитесь, Андрей Васильевич, — хозяин комнаты, незнакомый, сравнительно молодой человек, приветливо повел рукой в сторону кресла и еще раз повторил:

— Садитесь. Очень рад вас видеть.

Сам устроился в кресле напротив и только потом представился:

— Мыслин, Олег Петрович Мыслин.

Эта фамилия ничего не говорила Андрею, и он промолчал, ожидая разъяснений.

— Вас рекомендовало командование Космодесантной службы, — продолжил Мыслин, — а я хочу предложить вам принять участие в одном несколько необычном эксперименте...

Он замолчал, словно подбирал слова, потом снова заговорил:

— Вы знаете, Андрей Васильевич, как много делается на планете для укрепления здоровья человека, продления его жизни и сокращения числа различных несчастных случаев. Но, увы, все предусмотреть, к сожалению, пока не удастся, и люди продолжают гибнуть и в космосе, и здесь, на Земле. Смерть любого человека — трагедия, особенно смерть внезапная, а порою и попросту нелепая. И особенно остро переживают эту трагедию родные и близкие погибшего. Сегодня самое трудное для медиков планеты связано именно с устранением последствий шока. Главным врагом врачей в таких случаях выступает, как бы это нелепо ни звучало, память. Да! Да, та самая память, которой законно гордится и человечество в целом, и каждый конкретный человек. Именно память снова и снова берedit, казалось бы, уже затянувшиеся раны... Впрочем, что об этом говорить, ведь и вам приходилось переживать и наблюдать нечто подобное.

Андрей молча кивнул, «Разведчик—18», в экипаже которого он уходил в свой первый рейс к поясу астероидов, потерпел аварию на Дионе. Там погиб Удо Эдберг. На всю жизнь сохранил Андрей чувство боли и жгучего стыда, которые он испытал уже здесь, на Земле, встретившись глазами с женой Удо. Казалось, они кричали: «Почему, почему он?! И где были вы, такие сильные и здоровые, в ту страшную минуту?!» Что он мог ответить этой мгновенно постаревшей женщине? То, что Удо спас их всех? Или то, что каждый из них готов сделать все, чтобы поменяться с ним местами, только бы не видеть этого скорбного, безмолвно обвиняющего взгляда, вот только изменить уже ничего нельзя... А мать Эдберга

врачи тогда так и не сумели спасти...

С неожиданной неприязнью Андрей взглянул на Мыслина, из-за которого он вновь пережил эти тяжелые минуты. Тот вздохнул, устало провел рукой по воспаленным глазам, и Андрей вдруг явственно понял, как нелегко дается этот разговор его собеседнику.

— Я слушаю вас, Олег Петрович, — прервал неловкое молчание космодесантник.

— Да, — встрепенулся Мыслин, — так вот. Нашим институтом разработан, м-м, прибор, который, как считают некоторые исследователи, способен снизить негативные последствия до минимума.

— То есть? — недоуменно поднял брови Андрей.

— Это сложно объяснить, Андрей Васильевич. Механизм процесса до конца не выяснен. Ну, представьте себе, что перед вами лежит чертеж, сделанный по старинке — карандашом. Вы берете резинку и проводите ею по начертанным линиям. Совсем стереть их вам не удастся, но ослабить, сделать едва заметными — нетрудно. Примерно так же действует наш прибор, снимающий остроту негативных переживаний.

Андрей ошеломленно посмотрел на собеседника:

— Но ведь это попросту жестоко! Лишать людей самого дорогого, что у них есть — памяти...

Резкая формулировка словно ударила Мыслина. Тем не менее, он ответил:

— Не вы один так считаете, Андрей Васильевич. Честно говоря, я и сам не знаю, какое из зол считать в данном случае наименьшим. Страшно забвение, но и безучастно смотреть на мучения людей мы не можем... Кроме того, разве имеющиеся лекарственные вещества, по сути своей, не делают то же самое, что и наш прибор? Только гораздо медленнее и менее эффективно. Да и память об ушедших под воздействием прибора сохраняется у людей полностью. Снижается острота воспоминаний, как будто прошло много лет. Время ведь тоже лечит...

— Так вот о каком эксперименте шла речь... — произнес Андрей.

— Да, — утвердительно кивнул головой Мыслин. — Уже около года мы испытываем прибор. Пока здесь, на планете. Поймите, Андрей Васильевич, по-иному поступить мы не можем. Что представляет из себя наше изобретение — зло или благо — покажет только время. Здоровью экспериментатора это никак не вредит.

Он отогнул рукав куртки и показал Андрею неширокий браслет, очень похожий на браслет средства индивидуальной связи. Только огонек на нем светился не рубиновым, а бирюзовым светом.

— Если со мной что-нибудь случится, огонек погаснет, — просто пояснил Мыслин. — Ну, и тогда... тогда мои товарищи займутся обработкой полученных материалов.

— Но я, знаете ли, как-то не планирую, чтобы со мной «что-нибудь случилось», — несколько резче, чем следовало бы, ответил Андрей.

— Я тоже, — вымученно улыбнулся Мыслин. — Вы меня не совсем поняли, Андрей Васильевич. Никто из участников эксперимента не лезет очертя голову навстречу опасности и, тем более, не ищет смерти. Перед нами стоит еще одна проблема. Очень важно знать, как влияет знание о наличии прибора и последствиях этого наличия на психику самих экспериментаторов, на их поведение в сложных ситуациях...

Андрей встал и подошел к огромному, во всю стену окну. До самого горизонта уходили серебристые ковыльные степи. Далеко-далеко темнела полоска кустарника, за ним проблескивала поверхность реки. Андрей почти физически ощутил тяжесть, которую нес на своих плечах Мыслин и которую предлагалось принять на себя ему. Почему возникла именно его кандидатура, в общем-то было ясно. Семьи у Андрея не было, родители ушли в составе Первой Звездной экспедиции в далекий космос. Их корабль и сейчас разрезал темноту пространства за миллионы километров от Земли.

— Вы можете отказаться, Андрей Васильевич, — раздался, за его спиной голос Мыслина, — вы можете отказаться. Мы все пойдем правильно.

— Я принимаю ваше предложение, Олег Петрович, — неожиданно для себя произнес

Жаркие лучи Солнца пробивались сквозь плотно прикрытые веки, создавая багровую завесу перед глазами. Попавший под бок сучок неприятно покалывал. Андрей на ощупь разыскал его и лениво отбросил в кусты. До отлета еще восемь дней. Делать нечего и спешить некуда. Он никогда не умел отдыхать. Особенно вот так — бездумно. Растительная жизнь. Андрей вздохнул, рывком встал на ноги и решительно направился к реке. Глинистый берег был скользким, и он, осторожно балансируя руками, спустился к урезу воды. Мелкие рыбешки, крутившиеся вокруг пучка жестких водорослей, испуганно метнулись в сторону.

Андрей давно хотел выбраться в небольшой древний городок-музей с певучим русским именем Звенигород. Можно было сделать это и раньше, да все как-то не случалось. Сегодня, расставаясь с Мыслиным, решил твердо — поеду. Зачем — и сам не знал, да и не пытался разобраться в своих ощущениях. Побродил по территории окруженного деревьями монастыря, осторожно пристроился к экскурсии африканских школьников, внимательно слушавших учителя, а потом пошел, сам не зная куда, по заросшей травой полосе асфальта, до которой почему-то еще не добрались вездесущие ассенизаторы из ведомства по реставрации природы. Дорога то пряталась в прохладе лесных зарослей, уже заславших на растрескавшуюся полосу десант из молодой поросли березок и сосен, то вырывалась на простор одуряюще пахнущих лугов. Потом слева, под горой, показалось непонятное сооружение, и Андрей по обожженному солнцем косоугру спустился к Москва-реке. Слегка покачивая широкие листья кувшинок, она неспешно текла к своей вековой цели. Сооружение, на которое обратил внимание Андрей, оказалось мостом, древним подвесным мостом, перекинувшимся с берега на берег. Висел он тут, похоже, лет двести, но выглядел неплохо — видно, за мостом следили. Выше по косоугру виднелся обомшелый сруб колодца, но ведро, аккуратно поставленное на край сруба, было совсем новым — тонкие деревянные плашки, любовно связанные затейливой вязкой, янтарно светились. Андрей осторожно опустил ведро в колодец, вращая за ручку деревянный ворот, вытащил его обратно. Напился. Немного подумав, умылся ледяной водой. Тонкие ручейки пролитой влаги сбегали по пыльной, быстро впитывающей их тропинке, собрались в маленькую, исчезающую на глазах лужицу. Невесть откуда прилетел толстый бархатный шмель, загудел басовито, кружась над влажной землей.

Андрей рассмеялся, быстро пробежал по закачавшемуся под его тяжестью мосту и, свернув направо, пошел вверх по течению реки.

Вскоре среди подступившего к самой воде ельника засветились какие-то строения. По звонким голосам Андрей догадался, что это, скорее всего, школьный городок, и прибавил шаг. Если неугомонные ребята узнают, что перед ними космодезантик, так просто от них не отделаешься. В том, что мальчишки быстро разберутся, с кем имеют дело, Андрей не сомневался. Но метров через четыреста едва заметная тропинка, по которой шел космодезантик, неожиданно отшатнулась от берега, карабкаясь на увенчанный могучими соснами обрыв. Уходить от реки не хотелось, берег был пустынен... И вот уже третий час Андрей загорал на облюбованном месте, слушал звонкую переключку неугомонных кузнечиков да следил за черным коршуном, деловито описывающим широкие круги в выгоревшей синеве.

Река здесь была неширокой — камень перекинешь — и мелкой. Андрей дошел уже до середины, а вода едва поднялась до колен. Но у левого берега под зарослями кувшинок угадывались омутки. В три гребка Андрей пересек глубокое место и выбрался на заросший травой берег. Отцепил длинный стебель, зацепившийся за браслет с горящим бирюзовым огоньком. Где-то недалеко отсюда в реку впадал прозрачный ручеек — Андрей заметил его, проходя по ставшему теперь противоположным берегу, и тогда еще решил разыскать.

Звонкая струйка воды перепрыгивала по ложу, устланному плоскими ржавыми

камнями. Холод обжег ноги — где-то в верховьях ручья били родники. Вода пахла травами и лесной прохладой и Андрей, наклонившись над ручьем, сделал несколько жадных глотков, от которых заломило зубы. Неожиданно на воду упала чья-то тень. Андрей поднял голову и увидел легкую веселую лодку, уткнувшуюся носом в песчаную отмель, намытую ручейком при впадении в реку. Рядом с лодкой стояла девушка.

Позднее Андрей не раз спрашивал себя, как могло случиться, что дни, проведенные им с Цветаной, растянулись до бесконечности, почему он без труда может вспомнить до слова их разговоры, а каждый жест, улыбка намертво отложились в памяти? И почему те же дни сжались в бесконечно малые, промелькнувшие мгновения и сама Земля показалась необычно маленькой? Предки говорили в таких случаях: «Судьба!»

3

Планета, обращавшаяся вокруг ярко-оранжевого светила, оказалась безжизненной и малопривлекательной на вид. Темно-багровые каменные пустыни, раздирающие серое небо острые позвонки скал... Ночами недобро светились жерла вулканов, огненные языки лавы нащупывали проходы среди хаоса циклоскопических глыб. Отличное место для размещения легендарного ада. Правда, от Земли далековато — душам грешников, если они не овладели секретом нуль-перехода, долго пришлось бы добираться до узилища. Впрочем, богу — богово, а человеку...

Человеку прежде всего необходимо выполнять то, что от него ждут другие очень далекие и стоящие рядом на чуть подрагивающей от подземного гула каменной плите.

Андрей еще раз осмотрелся вокруг и шагнул вниз по склону. Двое молча последовали за десантником. Шестой разведывочный. Пять предыдущих принесли удовлетворение разве что геологу Карпову. На этой планете для него рай. Недаром электронный мозг занят, в основном, обработкой геологических трофеев. Десантникам, впрочем, пока тоже грех жаловаться. Происшествий нет, имеются в виду неприятные происшествия. А это для десантников главное. А вот Варга недоволен. Скучно здесь биологу. Нет жизни. Ни в каком проявлении. Правда, многочисленные гейзеры выбрасывают вместе с какой-то сложной неорганической дрянью небольшое количество водяных паров. Но до той поры, пока в них заведется какая-никакая живность, нужно ждать и ждать долго — несколько миллионов лет. Варгу такая перспектива не устраивает. Но и без биолога выходить нельзя — космос уже подбрасывал загадки. В том числе — и на таких неблагоустроенных планетах...

Андрей внимательно осмотрел ровную площадку, на которую падала тень от острого камня, торчащего, словно обломанный клык, метрах в десяти от него. Пора отдохнуть, а потом и возвращаться к кораблю. Маршрут мы, конечно, изменим — два раза проходить одним и тем же путем непозволительная роскошь. Сначала доберемся до тех неприветливых каменных грибов, потом на юг — где-то там, километрах в трех, какое-то непонятное озеро, наполненное невесть чем — его вчера обнаружила группа Лемье, — а там — посмотрим...

Десантник еще раз осмотрел облюбованное место, тяжело опустился на жесткий камень.

— Отдых. Сорок минут. Я подежурю, — коротко пояснил он подошедшим спутникам. Карпов и Варга устроились рядом.

— Экая все-таки неласковая планета, — услышал Андрей голос биолога, — даже скафандры усиленной защиты не до конца помогают. Кровь пульсирует в висках. Словно невидимые часы тикают.

Так же звучали их с Цветаной шаги в тот, последний вечер. Андрей отвез ее в Прагу — хотя до начала занятий оставалось около месяца, Цветана решила вернуться в Университет. Они шли темными переходами Старого Города, и шаги гулко отдавались в сплетении улочек. Утром перед расставанием Андрей защелкнул на ее запястье браслет с ярко мерцающим бирюзовым огоньком. Объяснять ничего не стал — отшутился: «Пока хочешь помнить —

носи...»

Он помнил все. В день знакомства они поднялись далеко вверх по течению Москва-реки. Лодка легко преодолевала слабое сопротивление реки, и Андрей развернул ее, лишь когда они добрались до границ природоохранной зоны и над левым берегом повисла искусственная радуга поливального агрегата. Оттягивая время возвращения, он чуть пошевеливал веслом, предоставив реке возможность самой нести яркую посудинку. Когда успела испортиться погода, ни Андрей, ни Цветана не заметили. Свежий ветер напористо подул навстречу, погнал с низовьев зыбкую волну. Пришлось приналечь на весла. Упругая стена ветра упорно сопротивлялась, лодка еле двигалась. Андрей с тревогой поглядывал на темную тучу, закрывавшую уже полнеба, и ругал себя за то, что не удосужился уточнить прогноз погоды. А Цветана смеялась. Ветер отбрасывал на спину светлые пряди ее волос, относил в сторону слова, но Андрей угадывал их по движению губ:

— Как хорошо! Люблю ветер! И чтобы не в спину, не попутный, а вот такой, как сейчас — в лицо. Он настоящий, честный, уносит все ненужное, злое! Да здоровствует встречный ветер! Ты понимаешь меня, Андрей?!

Андрей скрипнул зубами. Неужели воспоминания об этом мгновении, да и о самой Цветане могут быть легко и просто стерты из его памяти? Стереть одно, другое, что же тогда у него останется?! Проклятый прибор! Но вдруг перед глазами снова встали скорбные глаза Ольги Эдберг — жены, нет — вдовы погибшего на Дионе Удо. Если пережить такое доведется и Цветане?! Это еще страшнее, пусть уж лучше забудет...

Запищал будильник. Прошло сорок минут. Подъем, ребята, впереди еще долгий путь. И хватит лирики. Смотри в оба, десантник, ведь именно тебе доверили жизнь товарищей.

Оранжевое светило наткнулось на горную гряду и, помедлив мгновение, стало заваливаться на острые вершины. Люди так и не придумали для него имени. Конечно, в Звездном Атласе светило как-то называлось. Но запомнить эту невообразимую мешанину букв и цифр способны только астрономы, да и то...

Додумать Андрей не успел, потому что камни провалились под ногами идущего впереди Карпова. Глухо вскрикнул Варга. Андрей рванулся вперед и каким-то чудом успел дотянуться до геолога. Из воронки пахло жаром, обжигающим даже через термостойкую ткань скафандра. Десантник сумел задержать падение, и изо всех сил подтолкнул оказавшегося почему-то сверху Карпова к краю воронки — откуда тянул руку Варга. Рубчатые подошвы ботинок геолога мелькнули над головой, и через мгновение Карпов лежал рядом с Варгой, и оба пытались дотянуться до неуклонно съезжавшего в какую-то бездну Андрея.

«Худо дело» — успел подумать десантник, и в этот момент опора ушла у него из-под ног...

Андрей открыл глаза. Над ним склонилось знакомое безбровое лицо. Глаза часто-часто помаргивали.

«Флорес, — узнал десантник. — Похоже, что-то со мной стряслось. И достаточно серьезное. Уж очень наш Айболит встревожен...»

— Очнулся? — не скрывая облегчения, заговорил врач. — Ну, брат!.. И перепугал же ты меня...

Андрей вспомнил расширившиеся глаза Карпова, гримасу боли на лице Варги...

— Все в порядке, — словно угадал его мысли Флорес. — Ребята в порядке, корабль в порядке. Одного тебя помяло. Задал ты мне задачку! Семьдесят восемь часов клинической смерти, почти четыре месяца беспометства в анабиозе! Я уж думал, до самой Земли не очнешься.

Привстав на локтях, Андрей испуганно посмотрел на врача, потом медленно поднес к глазам левое запястье. Бирюзовый огонек браслета не светился.

Над космодромом имени Ивана Ефремова всегда дует ветер. Он первым встречает людей, вернувшихся из космического полета, и прикосновение его сухой ладони кажется истосковавшимся по Земле космонавтам нетерпеливой лаской родной планеты...

Андрей последним спустился по трапу. Разведчиков давно не встречают официальные комиссии. Командир отряда, бригада механиков и, конечно, родные и близкие люди. Его не будет встречать никто. Андрей шел чуть в стороне от оживленных товарищей, сбивая ногами засыхающие шарики соцветий полыни. Что ж, Мыслин может быть доволен. Эксперимент удался на славу... И винить в этом некого...

Андрей поднял голову. Неподалеку, напряженно глядя ему в лицо, стояла Цветана. Ее волосы пахли полынью и ветром, а он все прижимался к ним губами, боясь оторваться, и в голове неотступно билась одна и та же мысль: «Как же так? Как?»

...Олег Петрович стоял у окна, постукивая длинными пальцами по прозрачному стеклу.

Андрей закончил свой рассказ-отчет и, помолчав немного, спросил:

— Выходит, подвел ваш прибор? Не удался эксперимент? И, простите, если мои слова прозвучат жестоко, но меня эта неудача только радует.

Мыслин оторвался от окна и повернулся к десантнику. С удивлением Андрей увидел улыбку на его лице.

— Меня тоже радует, Андрей Васильевич. Тем более, что вы не правы. Эксперимент удался. Удался на все сто процентов и даже больше. Вот вы сегодня упомянули встречный ветер. А мне подумалось, что время, река времени — ведь это тоже встречный ветер для человечества. Оно очищает от скверны, уносит все лишнее, наносное, оставляет лишь те качества, что и позволяют называться нам Человеком. Человеком с большой буквы. Прибор прекрасно сработал. Но, оказывается, чтобы что-либо стерлось из памяти, нужно, чтобы сам человек хотел или был готов об этом забыть. Понимаете — сам хотел! Все, что нам дорого, — навсегда останется с нами. И любой ветер здесь бессилён.

Михаил Пухов

ОПЕРАЦИЯ «ПРОГРЕССОР»

Риц стоял в бытовом отсеке корабля между двумя большими параллельными зеркалами и придирчиво изучал свое новое тело, покрытое густыми рыжими волосами. Тело было точь-в-точь как на фотографиях: здоровое, сильное, увитое узловатыми мышцами. Никаких чувств, кроме восхищения, оно не вызывало, да и не могло вызвать.

Зато теперешнее лицо нравилось Рицу гораздо меньше. Короткая жесткая шерсть, толстые губы, лба практически нет, туповатый взгляд узких глазок... Не лицо, а отвратная обезьянья морда без малейшего проблеска интеллекта. Клетка плачет по такой внешности.

Утешало одно — до прибытия в пункт назначения никто этой мерзкой физиономии не узрит. Кроме Рица, на борту звездолета не было ни души. Рейс был секретным по настоящему.

— Тебе только что вручили диплом, — сказал Главный Разведчик на аудиенции неделю назад. — Уйми дрожь и внимательно слушай. Или послушно внимай — на выбор. Буду откровенен: мои болваны ни к чему не пригодны. Руководство Школы рекомендовало тебя.

Здесь Риц согласно уставу опустил глаза к голубому стеклу стола и изобразил приличествующее смущение. Главный Разведчик продолжал:

— Не стану скрывать, ситуация препаршивая. Атмосфера Галактики отравлена конкуренцией. Развелось жуткое количество сверхцивилизаций и этих, как их там...

— Надкультур, — подсказал Риц.

— Вот-вот, — кивнул Главный Разведчик. — Они вылезают неизвестно откуда, как грибы после дождя, но не в этом суть. С Великой Тайной их происхождения мы еще поработаем, но попозже. Чем они занимаются, эти вконец обнаглевшие галактические сообщества? Они, видите ли, осваивают Вселенную! Они, не испрашивая ни у кого позволения, понаделали себе звездолетов и теперь вставляют нам палки в колеса. Окружают планеты кислородными оборочками, сажают леса, разводят животных, закладывают города, роют метро, строят зоопарки и детские ясли! Словом, безобразничают вовсю. Особенно усердствуют в этом так называемые земляне.

— Мы проходили землян, — вспомнил Рид. — Они на редкость вредные и хитроумные типы.

— Терпеть больше нет сил! — взорвался Главный Разведчик. — Это катастрофа! — Он обрушил кулак на голубое стекло и, успокаиваясь, добавил: — Мы обязаны протянуть кому-нибудь руку помощи, иначе нас обгонят!.. — И вопросительно посмотрел на Рида.

— А если нас обгонят, мы окажемся сзади, — сделал логическое заключение Риц.

— Верно, — кивнул Главный Разведчик. — То есть наоборот: мы этого не позволим. Открою один секрет. Во все концы бесконечной Вселенной уходят наши славные корабли. Задача у них возвышенная: найти планету, которую можно взять на буксир. Энергии на это дело идет уйма. По идее в обмен мы должны получать информацию. Но ты никогда не догадаешься, что привозят мне эти болваны из-за рубежей нашей системы.

— Отчего же, — возразил Риц. — Они привозят известия о сверхцивилизациях и надкультурах, которые окружают планеты кислородными оболочками, сажают леса, строят зоопарки и детские ясли...

— Откуда ты знаешь? — насторожился Главный Разведчик. — Вот до чего, значит, дошло! Вместо того, чтобы добывать информацию, они ее разбазаривают... Мерзавцы! Ты помнишь, чем человек отличается от портрета?

— Нет, — признался Риц.

— Портрет сначала вешают, потом снимают. Человека — наоборот, — пояснил Главный Разведчик. — Но мне некогда этим сейчас заниматься. К счастью, мы получаем информацию не только из глубокого космоса, но и из не менее глубокого прошлого. Ведь там тоже сидят наши люди. Настоящие работники, а не нынешние бездельники. И они аккуратно посылают нам донесения.

— А как же их забрасывают туда, в прошлое? — не сдержал недоумения Риц. — На хрономобилях?

— Никто их туда не забрасывает! — рассвирепел Главный Разведчик. — Кто же будет внедрять агентуру, когда есть местные кадры? Наша цивилизация существовала в неизменном виде уже сотни тысяч лет назад. И наша организация — тоже.

— Но как они ухитряются передавать нам свои сообщения?

— И это лучший выпускник Школы! Точно так же, как мы посылаем донесения в будущее. Вся объективная информация, до последнего бита, ложится в сейфы секретных архивов и шпарит в будущее своим ходом, без всяких дурацких хрономобилей. Ведь ее можно прочитать и завтра, и через тысячу лет, и когда угодно. Самая надежная машина времени — это бронированный сейф. Понял?

— Кажется, да, — промямлил Риц. — Но разве она не стареет?

— Объективная информация? — Главный Разведчик расхохотался. — Стареют люди и механизмы, могут устареть взгляды, но информация — никогда! Истина или ложь, высказанные когда-то, останутся таковыми всегда, иначе вся формальная логика летит к чертям! В ее формулах есть высказывания истинные и ложные, но они не зависят от времени! Единственный закон, которому подчиняется информация, это закон ее сохранения. Она не зависит даже от системы отсчета! Ценнейшие разведданные ложились в наши хранилища, еще когда эти нынешние сверхцивилизации ходили в коротких штанишках! Когда они понятия не имели не то что о звездолетах, но даже о пистолетах! Галактические

надкультуры! Знаешь, что я обнаружил в одном из отчетов?

Риц отрицательно мотнул головой.

— Правильно, — усмехнулся Главный Разведчик. — Тебе и не полагалось знать. А теперь полагается. Все, кроме координат — как пространственных, так и временных. На самом краю Галактики наши люди наткнулись на планету, которая устраивает нас по всем статьям. Там нет сверхцивилизаций и надкультур, зато есть жизнь. Правда, туземные гуманоиды дикие, живут стадо-племенами в пещерах. Их всего-навсего тысяч двести. Тот, кто был тогда Главным, не обратил на отчет внимания, идиот. То есть молодец, — тут же поправился Главный Разведчик. — Он преследовал иные цели, тоже возвышенные. Но теперь другая эпоха, и мы начинаем операцию «Прогрессор». Сейчас ты со своим дублером отправишься в биолaborаторию, там вам дадут по морде. В смысле, подработают внешность под диких гуманоидов. Потом тебя посадят, — Главный Разведчик хихикнул, — на звездолет, отвезут в те края и посадят, — он еще раз хихикнул, — в какой-нибудь безлюдной местности. Для конспирации. Твоя задача: внедриться в ближайшее стадо-племя, в кратчайшие сроки пробиться в вожди и повести соплеменников к ведомой тебе цели. А точнее — к сияющим вершинам прогресса.

— Зачем же к вершинам? — не понял Риц.

— Это просто какой-то ужас! — воскликнул Главный Разведчик. — Да затем, чтобы твоё стадо-племя воздвигнулось над соседними, в перспективе — над всей планетой... А когда вся она станет цивилизованной, появляемся мы и берем ее на буксир. Теперь понял?

— Да, — кивнул Риц. — Только... Наши люди побывали там довольно давно. С тех пор прошло значительное время...

— Ну? — нетерпеливо сказал Главный Разведчик. — Чего ты тянешь? Насчет координат не проболтаюсь, и не надейся.

— Вдруг за этот период туда просочилась какая-нибудь сверхцивилизация? — выпалил Риц.

Главный Разведчик расхохотался:

— Чему вас только учат! Каждый обязан знать, что у этих цивилизаций есть идиотский принцип: не вмешиваться в дела менее развитых планет. Очень правильный принцип, по моему. — Он снова расхохотался. — И я навел справки: несколько тысяч веков туда не прилетал ни один посторонний корабль. Понял?

— Да, — кивнул Риц.

— Тогда приступай, — приказал Главный Разведчик. — Желаю удачи.

Это было неделю назад. Сейчас Риц, довольный своим телом дикого гуманоида, но недовольный лицом, покинул межзеркальное пространство и принял к ближайшему иллюминатору. Он летел пассажиром, все делали автоматы. Его это вполне устраивало. Планета росла на глазах, девственная, бело-голубая, очень красивая. Внизу проплывали разнообразные безлюдные местности: синели моря, сверкали полярные шапки, желтели пустыни, зеленели леса... Если здесь действительно обитает двести тысяч диких гуманоидов, то на каждого из них приходится примерно тысяча квадратных километров суши.

Звездолет, подчиняясь программе, скорректированной по секретным данным дистанционной разведки, стремительно шел на посадку.

Снизу надвигались сияющие вершины гор. Их покрывали льды и снега, кое-где торчали голые скалы. Звездолет мягко опустился в сугроб. Потом люк распахнулся, и Риц спрыгнул наружу.

Грубую кожу ступней обожгло холодом. Дул пронизывающий ветер. Риц стоял на заснеженном склоне, круто идущем вниз. Справа громоздились утесы, слева лежала пропасть. Солнце совсем не грело. Синее небо дышало морозом. Температура была отрицательной.

Риц обернулся к спасительному люку. Но люка позади него не оказалось, корабля тоже не было — только неглубокая круглая яма большого диаметра. Риц поднял взгляд. Размытое цветное пятно медленно уходило ввысь. Звездолет, одетый маскировочным полем, поднялся

уже метров на сорок.

Правая рука Рица автоматически нащупала узкий железный браслет на мохнатом левом запястье. Если нажать кнопку, звездолет тут же вернется. Но устройство одноразовое: сделать вызов сейчас — значит провалить программу, не начиная.

Корабль растаял в синеве неба. Риц опустил глаза. Безлюдная местность ему не нравилась. «Что я буду пить?» — думал Риц.

«За что?» — спрашивал он себя мысленно, но ответа не находил. Один дикий гуманоид на тысячу километров — чего? Лесов, степей, наконец, пустынь... Но горы? Или информация все-таки устарела и дикие гуманоиды размножились?

«Что я буду пить? — думал Риц. — Где я буду спать? Что я буду есть?»

Риц нагнулся и зачерпнул волосатой ладонью пригоршню хрусткого снега. Белая масса таяла во рту, была вполне съедобной, но мало питательной.

— Ткур ба, — произнес он на местном наречии, в совершенстве усвоенном за неделю полета. — Ткур ткур.

В переводе на нормальный язык это означало: «Мне холодно. Очень холодно». Диковинные слова странно звучали в разреженной атмосфере. Риц задышался, воздуха не хватало.

«Чем я буду дышать?» — раздраженно подумал он.

Риц обхватил себя длинными волосатыми руками. Ладони утонули в густой рыжей шерсти. Спасибо специалистам, создавшим такую шкуру. И местным гуманоидам — за то, что они такие дикие и косматые. Окажись они поразумнее...

Могучим усилием воли Риц заставил свой интеллект переключиться на другую тему. Тепло ли, холодно ли, но первая часть задания выполнена, пора выходить на ближайшее племя-стадо, чтобы в него внедриться. Но где они, потенциальные соплеменники? Один дикий гуманоид на тысячу квадратных километров... Где их искать?

Только вниз — понял внезапно Риц. Там нет снега, а воздуха больше. Среди сияющих вершин соплеменников не найдешь. А главное: корабль, согласно прогнозу, должен был высадить Рица лицом к стойбищу ближайшего стада-племени диких гуманоидов. Значит, стойбище где-то там, впереди.

Риц побрел вниз, внимательно глядя под ноги, но все равно проваливаясь в снег по колени, иногда по пояс, порой даже падая. Правда, это его не смущало. Он ощущал себя вождем примитивного общества, ведущим его к цели. Специалисты изменили лишь тело: интеллект остался прежним, дисциплинированным и четким, в голове роились возвышенные мысли. «С Великой Тайной их происхождения мы поработаем позже», — сказал Главный Разведчик. — А раз мы над ней поработаем, мы ее раскроем. Разгадаем секрет сверхцивилизаций и надкультур, которых когда-то не было, но которые вылезают откуда-то как грибы...

Неожиданно в голову вновь полезли дикие гуманоиды. На миг Рицу показалось, что есть какая-то важная связь между ними и надкультурами, но он не успел осознать, какая, потому что...

Навстречу ему из долины поднимались двое. Бесспорно, разумные существа. Но отнюдь не дикие гуманоиды, чьи объемные фото во всех проекциях Риц разглядывал недавно в архивах Главной Разведки. Они явно представляли одну из галактических сверхцивилизаций, над происхождением которых он только что ломал голову.

Это были высокие, двуногие и одноголовые разумные существа, облаченные в яркие облегающие комбинезоны. Верхнюю половину их чистых загорелых лиц прикрывали темные очки. Еще один гуманоид, детеныш, смотрел на Рица большими круглыми глазами из мешка на спине большого гуманоида. Они держали в руках короткие металлические устройства для рубки льда.

Они стояли неподвижно в сотне шагов от него и смотрели. Мозг Рица работал в режиме компьютера. «Прокачивай их, прокачивай! — лихорадочно думал он, шевеля толстыми обезьяньими губами и перебирая мысленно десятки словесных портретов. —

Сверхцивилизации и надкультуры... Классификация... Млекопитающие гуманоиды... Арктур-14? Две пары рук, отпадает... Бетельгейзе-2? Нет, четыре ноги... Сириус-6, Антарес-8, Прочион-11... Прочион-11? Они хоботные... Капелла-7, Вега-5... Быстрее!.. Денеб-8? Третий глаз посреди лба. Мицар-3, Алголь-1... Алголь-1? Сухопутные осьминоги... Канопус-2? Двухголовые... Быстрее! Зем...»

Риц почувствовал, как по его волосатой спине, несмотря на мороз, бегут холодные струйки пота и тут же, несмотря на мороз, высыхают. Он лихорадочно шевелил толстыми обезьяньими губами.

«Словесный портрет... Число голов — одна... Количество ног — две... Количество рук... Ушей... Глаз... Ртов... Средний рост... Предполагаемая масса... Любимые занятия — лыжи, фехтование, альпинизм... Альпинизм!»

Он тяжело опустился на снег. Сомнений нет. Это они, земляне, те самые вредные и хитроумные типы. Мало, что они понастроили детских садов по всей Галактике. Информация все-таки устарела: они внедрились и сюда, в этот девственный мир. На планету, куда он прибыл с чрезвычайной миссией; которую он должен был вести к неведомой ему цели... «Несколько сот веков, — вспомнил Риц, — туда не прилетал ни один посторонний корабль...» Как бы не так!

В его мозгу будто бы что-то щелкнуло. Когда-то, очень давно, здесь жили дикие гуманоиды, а сейчас обитают они, сверхцивилизированные земляне. И посторонние корабли сюда ни разу не прилетали. Значит, одни произошли от других — это бесспорный логический вывод. Вот и вся Великая Тайна, загадка сверхцивилизаций, которых когда-то не было, но которые сейчас окружают планеты кислородными оболочками, роют метро, строят детские ясли и зоопарки...

И зоопарки.

Риц попятился. Попытался попятиться, не вставая. Он снова был в бытовом отсеке между двумя большими параллельными зеркалами и видел свое косматое тело, бугры узловатых мышц, свою плоскую волосатую физиономию с щелками крошечных глаз...

Свою обезьянью морду.

Он нащупал узкий браслет на левом запястье, надавил кнопку и не отпускал ее несколько минут, пока прямо перед ним не опустилось на снег размытое цветное пятно корабля, одетого маскировочным полем. И чуть прорубь люка гостеприимно открылась, нырнул в блаженное тепло корабельного нутра.

«Великая Тайна, — думал он, пока корабль плавно возносился в быстро темнеющее небо. — Вот тебе и вся Великая Тайна...»

И он повторял эти слова всю дорогу назад, повторял как молитву, даже когда снова и снова прослушивал разговор на незнакомом языке, перехваченный забортными микрофонами в первые миги старта, — единственную объективную информацию, которую вместе с разгадкой Великой Тайны вез он домой.

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС. Удивительно, Саша, вырвешься в кои-то веки раз в отпуск, а столько всего увидишь. И горы, и снежный человек, и НЛО...

МУЖСКОЙ ГОЛОС. Да, Катенька. И у нас есть еще две недели! Как ты думаешь, не махнуть ли нам на Лох-Несс?..

Но Риц не понимал — он не знал этого языка. Его учили другому.

Таисия Пьянкова

ОНЕГИНА ЗВЕЗДА
Фантастический сказ

Илька Резвун каким еще был подскокышем? У батьки у своего на ладошке помещался, да? А уже и тогда нырял и плавал по омутам-заводям речки Полуденки, что твой щуренок-

непоседа. А все потому, что, опять же, батьку своего, Матвея Резвуна, повторил.

Был Илька в Матвеевой семье, после сплошного девчатника, пятым, каб не шестым приплодом. Да и последним. Потому, знать, и прирос к отцову сердцу больше всякого сравнения. Селяне говорили все кряду: раздели большого да малого Резвунов, хотя бы все той же речкой Полуденкой — вода меж ними чистой кровью возьмется!

Эта самая речка Полуденка больше всего и соединила их непоседливые души. Сам Матвей был на реке таким рыбаком да ныряльщиком, что, сказывали, меньков² под водою зубами хватал. А когда надо было, то брался он из проруби в прорубь пронырнуть!

Шибко тому вся округа дивилась. А надивившись, похваливала. А похваливши, поругивала. Особенно изводились тревогою всезнающие старухи. Они-то и пугали Матвея:

— Гляди, черт везучий! Кабы твоего задору-смелости да водяной не пресек! И чего ты все шныряешь по его наделам? Каку-таку заботушку потерял ты в речке Полуденке? А и правда ли нами слыхана, что сулился ты Живое бучало³ скрозь пронырнуть! Что ж, нырять-то ты нырни, да обратно себя хотя бы мертвым верни! Не было еще такого удальца, чтобы провал тот измерить! Когда-никогда, а доныряешься! Расщелкнет тебя водяной, как сухое семечко!

— А может, я сам и есть тот водяной, что в Живом бучале обосновался? — как-то позубоскалил над чужими страхами Матвей Резвун. — Только скроен я не по привычным меркам. Разве не помнится, что пращурка моя, древняя бабка Онега, два века жила?

— Помнится. Как же.

— Так вот, ежели б она да свое бессмертие мне не передала, топтать бы ей землю нашу и по сей день! Понятно?! Потому я никаких страхов, никаких глубин не боюсь.

— Изгаляется над нами Резвун, — засуетилась меж говорух самая неумная стращалка Марьяна Лупашиха. — Вровень с недоумками ставит нас. Вроде играет с нами! Ничего! Доиграется бычок до веревочки. Ежели его из-под воды никто не дернет, так на бережок выбросит. Ведь мною чего слыхано: будто Матвей, ныряючи, рыбу под водою из чужих снастей выбирает! Он и сына своего Ильку тому научает.

— Брось-ка ты, Марьяна, золу поджигать! — тут же пресекли ее болкатню редкозубые товарки. — Чо ты греха не боишься? Не такой уж кот вор, чтобы кобылу со двора свел. Ежели не тобою самой придумана эка дурь, то какого-то лоботряса тянут завидки за язык. Наловивши, поди-ка, одних головастика, он от безделья и разбрасывает о Резвуне брехалки. А ты подбираешь.

— Так ведь мое дело дударево, — поторопилась оправдаться Лупашиха. — Я лишь дуду про беду, я к ней ноги не пришиваю. Но скажу и от себя: резвый конь подковы теряет.

Вот ведь штука! Будто на черных картах выгадала та Лупашиха подтверждение своему пророчеству.

Да и сам Матвей Резвун как бы почуял правоту Марьяниных слов. В ночь, как тому быть, пошел он с Ильей на сеновал отдыхать. Там и поведал он сыну тайну, что завещала ему пращурка Онега в последний час своей непонятно долгой жизни.

По словам Матвеевым получалось, будто бы древняя Онега, будучи еще в одних годах с нынешним Илькою, собственными глазами видела, как средь бела дня упала в речку Полуденку с высокого неба яркая звезда. Упала она туда, где верстах в трех от деревни, ниже по течению, в кольце Колотого утеса ныне таится то самое Живое бучало!

В свое времечко Онега не смогла всполошить народ своим испугом — свалилась замертво! И пролежала она без памяти аж трое суток. После ж того долгое время владела ею полная немота.

Будучи безъязыкой, она и додумалась до того, что вообще лучше о звезде молчать.

² Мень — самая скользкая рыба.

³ Бучало — бездонный омут.

Одно дело — никто не поверит, другое — могут приписать безумие, а и того хуже — святость! Кто ее тогда замуж возьмет? Никто!

Вот так и прожила древняя Онега свой чрезмерно долгий век с великой в себе тайною.

Может быть, с годами, накопив сомнений, она и сама бы поколебалась в правде виденного. Однако ту правду время от времени просветляло то, что вода в Живом бучале, прежде стоялая, теперь принималась иногда дышать! А порою омут разверзался широкой воронкою, и те, кому выпадало быть очевидцем, в страхе бежали в деревню с криком — ожило бучало, опять хлебает!

И опять начинал гудеть народ! Гадали-перегадывали: не ворочается ли кто в провале настолько большой да неуклюжий, что и всплыть-то ему нет никакой возможности?..

Когда Онегин век перевалил далеко за сто, сохраняя хозяйку в полной силе да нехворости, докумекала она, что столь крепкую и долгую жизнь подарила ей полуденная та звезда за ее молчание. Поняла и веры той из головы не выбросила до самой смерти.

А умерла Онега очень завидно.

Притомившись топтать землю, она признала в себе и ту особенность, что не избыть ей века своего до той поры, покуда носит она в себе замкнутой великую эту тайну. Вот тогда-то древняя и натопила жарко баню, выпарилась в ней, как душа того просила, обрядилась во все смертное, легла на лавку и попросила остаться возле себя одного лишь Матвея. Ему-то она и поведала сокровенное. А поведавши, померла.

— С той поры и взялся я речку нашу обживать, по омутам-заводям упражняться, — признался Матвей сыну, лежа на сеновале. — Хотелось мне привыкнуть к воде настолько, чтобы пронырнуть Живое бучало до самого дна... Мне и теперь хочется верить, что не погасла навовсе Онегина Звезда! Вот и прикидываю я, не она ли ворочается в провале, пытаюсь воротиться обратно в небо?! Сколь разов, не упомяну, опускался я в омут, только достичь его предела мне так и не довелось. Не получился, выходит, из меня тот самый ныряльщик, который способен дать звезде подмогу. На одно теперь надеюсь — может, из тебя получится...

Высказав надежду, обнял Матвей Резвун своего любимца, и скоро они засопели в два носа на весь вольготный сеновал.

Утром Илья распахнул глаза оттого, что мать тормозила его да спрашивала:

— Куда отец подевался?

И лишь заполдень, когда вся деревня занялась тревогою, бабку Лупашиху вдруг прояснило.

— Так это ж он нонче перед светом, — догадалась она, — Шурку моего булыгой угостил!

И закрутилась она среди людей, каждому поднося по худому слову:

— Ночью подхватила я от визга Шуркова. Не скотинка ли, думаю, какая шалавая в огород заперлась да кобелька моего рогом поддела? Глянуть выбегла. Присмотрелась, мужик чей-то берегом Полуденки шагает. Идет и на звезды широко крестится. Ровно перед смертью. Так напрямки до Живого бучала и подался. Теперь-ка помню я, что левой рукою он точно так помахивал, как Матвей. Тогда — ни к чему, а теперь помню...

От ее памяти Резвуниху пришлось водой отливать. Сестры ж Илькины до того завыли, что парнишка в коноплях бросился, да там и пролежал чуть ли не до новой ночи.

На закате Илья понял, что не притуши он слезою душевного огня, тогда уж век ему будет не загасить того пожара.

Только парнишке показалось стыдным ощутить мокрень на своих глазах, он и припустил к реке, и бросился в ее глубину, где дал волю невидимым в воде слезам.

Нанырявшись до одури, Илька доверил свою усталость волнам — дозволил реке нести себя неторопким течением куда той вздумается.

И надо ж было парнишке очнуться от забытья аккурат против Живого бучала.

С трех сторон охваченный высокой подковою Колотого утеса, омут при закате отливал

кровавым глянецом своего покоя. Окрест было тихо, безлюдно.

Не долго раздумывая, Илька доплыл до пологого за скалой берега, вышел на песок, глянул на вершину утеса. Не раз, не два поднимался парнишка на ее высоту, не раз, не два сиживал на обрывистой ее кромке — глядел на стальной покой омутовой воды. Все прочие разы провел он там в ожидании — не покажется ль из глубины косматая голова чудища?

Но теперь, со слов отца, Илька понимал, что никакого чудища в провале нет. А если и имеется что, так только Онегина тайна. И что, познав тайну, держи ее при себе, иначе помрешь!

Вишь вот, затянуло Живое бучало Илькиного отца, и ни единой морщинкою скорби не покорило его тяжелого покоя. Сиди теперь, не сиди над омутом — перемен не дожидаться.

Однако Ильку, успевшего за время невеселых дум подняться на утес, как приморозило до каменного среза. Так и досиделся он над провалом до той поры, когда отразились в омутовой глубине далекие звезды.

С каждой минутой отраженное в глубине небо, густело этими неведомыми огнями, которые не испускали света. Наоборот. Мрак меж ними густел и углублялся.

Вот уж и заподмигивали парнишке из черной бездны те бессветные огни — попробуй, дескать, поясни себе нашу необычайность; не сумеешь пояснить — ныряй к нам. Может, среди нас и отыщешь своего загибшего отца. Ныряй! Ну же!

Илька, понятно, за отцом-то нырнул бы до того самого, до поддонного неба! Только ведь не пропустит земля! Не пропустит.

А тут будто ветерок легкий пробудился внизу. Взлетел ветерок до парнишки теплым дыханием, и явственно распознал в нем Илька отцовский шепот:

— Пропустит!

Малец отпрянул от провала, неловко подвернулся, опрокинулся на спину и покатился безудержно с каменной крутизны к подножью.

Весь в ушибах да царапинах опомнился он только внизу. Немного посидел, посоображал и настырным неуседою полез обратно. Ему непременно хотелось удостовериться — в самом ли деле была тому причина, чтобы так себя непростительно терять. Ведь со страху человеку и такое на ум придет, будто синица медведем ревет!

Добрался Илька опять до края утеса. Но повис над омутом лишь только одной головою и стал ждать повторения.

Сколь он там ни проглядел вниз, а вот и видит — вода в провале задышала! Будто живая грудь заходила туда-сюда, потом пошла обильными пузырями да вдруг и раздалась воронкою, закрутилась, образовала посередке просторное жерло!

Была бы в провале сквозная дыра, вода бы в нее уходила постоянным самотоком, а тут и вправду выходило — вроде кто сидит в глубине и разверзает там время от времени непомерную пустоту.

Пока Илья думал так, вода сомкнулась, ровно сидящий на дне опомнился и захлопнул крышку.

Тут Ильке и пришло в голову: а что, как и в самом деле закатилась в провал Онегина звезда? Что, как ею да заткнуло в омуте подземную протоку. Звезда ворочается в глубине, рвется в небо, но не может одолеть водяную тягу? Эвон, какое жерло отворяется! Что, если потоком этим да захватило отца, да унесло в подземелье? Сидит он теперь там да кличет на подмогу сына, а голос его из расщелины какой-нибудь наружу выходит? Эх, кинуться бы теперь в ту воронку!

Вот какие отчаянные думы наложило горе на Илькино сознание! Отворись перед ним Живое бучало заново, он бы и дум своих не успел отбросить — ринулся, бы со скалы вниз головою!

И Живое бучало растворилось.

Уже на великой глубине почуял ныряльщик, как сомкнулась над ним вода и завертела

его малой соринкою. Крутым обвоём⁴ потянул его поток за собой — вниз, вглубь, в неведомое...

Скоро Илькина голова от бешеной карусели замутилась, дурнота подступила к горлу, а там и вовсе — заволокло память безразличием.

Снова ощутил себя парнишка живым, когда почуял под собой глубину совершенно спокойной воды; Ильке было достаточно дернуть ногами да руками гребануть, чтобы привычно подняться на поверхность.

Он машинально сотворил необходимое, чуя в душе досаду, что никуда ему пронырнуть не удалось — Живое бучало выталкивало его обратно к непоправимому горю.

Вот и вынырнул Илька. Вынырнул, да только не увидел над собой ни огней небесных, ни каменных стен Колотого утеса. Не почуял он и земной полуночной прохлады. Да и слух его настороженный не уловил ни шуршания речной воды, ни дальнего бреха деревенских собак, ни близкого стрекота луговой кобылки...⁵

По духоте, по тишине, его обступившей, Ильке показалось, что он вовсе и не выныривал из воды!

«Должно быть, туча успела когда-то заполнить небо; земля от страха перед ней задохнулась», — подумал Илька и пустился размахкою до невидимого в темноте предела, чтобы потом ощупью отыскать выход на реку. Только никакого предела он перед собой не обнаружил; его вынесло потоком в какой-то простор, и оставалось теперь парнишке надеяться на везение.

Илька уж было забеспокоился всерьез, когда ощупал рукою плоский впереди камень. На том камне посидел он, погадал, в какой такой глуши мог он оказаться за столь недолгое время, и решился подать голос: не вскинется ли на его крик чуткая собачонка; а повезет, так может откликнуться и запоздалый рыбак...

Никакая собачонка, никакой рыбак на зов его не отозвались. Да и сам-то Илька путем не расслышал своего крика — так глухо прозвучал он в немоте. Зато немного спустя на парнишку обрушилась такая лавина отголосья, будто дразнить его из темноты надумала ярая ватага злых озорников.

Но темнота не обманула малого. Илька сообразил, что раскололо и усилило его тревогу подземное эхо. Стало понятным, что затянуло-таки его потоком в какую-то пустоту, наполовину залитую водой.

Илька прислушался, не последует ли за гаснущим многоголосьем призывный голос отца. Но ожидание никакой пользы не принесло. Выходило, один Илька в подземелье! И тогда парнишка представил бедующую наверху мать. Представил и сам забедовал окончательно.

Такая ли безысходность навалилась на него, такая ли память разыгралась, что и получасу не минуло, а уж ему стало казаться, что он тут больше году сидит. И еще стало казаться ему, будто кличет-зовет сына голос матери. Да и не голос вовсе, а отчаянье! Как будто душа ее тело оставила и спустилась до Ильки, и заполнила собой все подземелье, и теперь заодно с сыном тоскует и жалуется в страхе перед бесконечной разлукою.

Скоро материнская боль стала Ильке понятной настолько, что мог бы он словами пересказать ее. Только из того рассказа выходило что-то не совсем понятное. Получалось так, будто причастен Илька не только к страданиям родной матери, а изнывает в нем еще и неведомая душа, неземная! Вроде сочтится она в подземелье из межзвездной бездны, теснится в парнишке его же отчаяньем, и его же болью поясняет ему. И слышит он в себе жалобу на то,

⁴ Обвой — спираль, винт.

⁵ Кобылка — кузнечик.

до чего же страшна доля матери,
у которой сын, точно как Илья,
в западню попал по случайности.
Уж не день, не два и не год земной —
третий век пошел ожидания...
И терзаться ей мукой страшною,
безотвязною нескончаемо!
А и жить она не живет теперь,
и закрыть глаза нет возможности...
Лишь одно в удел остается ей —
день и ночь просить мироздание,
чтоб оно мольбу материнскую,
не рассеявши, приняло в себя,
унесло бы в даль бесконечную,
заронило бы в душу добрую,
что помочь в беде не откажется,
согласясь пройти через смертный страх
непонятности, несуразности...

Сидит Илья на камне, вслушивается в то, что помимо собственной воли изливает он из своего сердца, и замечает — скорбь его уже звучит заклинанием, от которого начинает оживать глубина подземного озера.

Поначалу смутными, затем все более решительными световыми штрихами начинают образовываться в толще воды какие-то знаки. Получается так, будто сидит в озере некий способный изобразитель и прочерчивает воду тлеющим концом лучины.

Вот уж быстрые линии осмелели, бросили гаснуть и принялись смыкаться, заполняя охваченное собою пространство мерцанием разного цвета...

Илькою ж озерное представление понималось так, что неведомая, далекая мать надеется этим способом ознакомить его с чем-то крайне ей необходимым, приблизить его к чему-то необычному, но одновременно не напугать внезапностью.

Понимал Илья еще и то, что, пожелай он, и в подземелье наступит прежняя тишина и темь. А может, даже и такое произойдет, что он вовсе очнется ото всей этой наволоки, да очутится дома на сеновале, под мышкою своего отца.

Но, наряду с этим пониманием, Илья того острее осознавал боль вечной разлуки, потому и поводил упрямой головою, как бы отнекиваясь от соблазна быть отпущенным на волю. При этом парнишка даже не отрывал глаз от озерного оживания.

А в глубине мастерством прямо-таки обуюнного своей расчудесной работой художника уже распускались цветы прелести несказанной! Они живым ковром выстлались по огромной чаще озерного дна, всползли по крутым уклонам боковин до самой поверхности, струя цветением своим покой и надежду...

Постепенно боль и своей, и чужой беды отпустила Илькино сердце. А в подземелье зазвучал голос не безысходной тоски, а напев уверения и согласия.

В глубине озерной Илья мог уже различить даже самые малые лепестки чудесного сплетения. Ему становилось все догадней, что перед ним открывалась вовсе не случайная красота какой-то неземной природы, а видел он творение ума! Узоры по живому ковру были наведены с великой выдумкой и явным повторением. Перед Илькою красовалось не то разубранное чье-то гнездо, не то богатый покой. Покой тот имел на глубине сводчатый выход куда-то под скалу...

Представление о возможном водяном или о большеротом чудище со всем видимым никак не вязалось. Поэтому Илья без особой тревоги уставился на ту дыру. Он ждал непременно появления на мерцающий свет покоя какой-нибудь сказочной морской владычицы, прекрасной и печальной, как сам голос подземелья...

Но из темноты сводчатого проема вдруг осторожно высунулась гибкая, узкопалая, только до запястья голая лапа. Дальше она была покрыта не то поседолой ухоженной шерстью, не то порослью жемчужной стриженной травы. В переливе дрожащего света она повела распушенной перепончатой ладонью туда-сюда, вроде позволяя Ильке полностью разглядеть себя. Затем лапа дополнилась точно такую же второй, обе они сцепились в пожатии да потянулись в сторону Ильки, откровенно его приветствуя.

Сознавая, что ему дозволено всякую минуту очнуться от наваждения, парнишка от воды не отступил, а еще с большим интересом взялся наблюдать: что же будет дальше?

А дальше, следом за лапами, образовалась в проеме голова. Сплошь покрытая пластинчатым перламутром, она была увенчана красным продольным гребнем. Гребень брал свое начало от самого переносья и уходил через темя на затылок и дальше, на захребетье. По обе стороны его основания блестела пара ярких зеленых вздутий, сильно смахивающих на глаза лягушки. Эту зелень подчеркивали вывернутые желтые губы. Если бы на голове имелись уши, можно было бы сказать, что рот растянут до них — так он улыбался Ильке. Чуть приотворяясь, он-то и испускал те самые звуки, что наполняли подземелье и настолько живо проникали в Илькину душу. Пение было теперь посулой долгого возможного счастья, если у Ильки хватит терпения довести дело до конца...

Скоро желтогубое существо образовалось в глубине полным видом своим. Сплошь покрытое седой шерстью, оно было поставлено своей природой на перепончатые красные плюсни.⁶ Небольшенькое, чуть выше Илькиного роста, оно владело великим хвостом! Хвост не веревкой, а легким шлейфом колыбался за его спиной. Он окаймлен был цветными блестками и сам искрился будто свежий снег под луной.

Красотища невероятная!

Если бы это существо да имело какую-нибудь серенькую окраску, Ильке, может, было бы и не очень приятно видеть его необычность. Может, тревога бы зародилась в душе при виде этой из всех видов собранной живности. Но естественный ли наряд ее, придуманный ли разумом столь ладный костюм до такого согласия сливался с красотой голоса, что парнишка напрочь забыл о себе. К тому же, хвостатая красавица на подводном ковре взялась извиваться в немыслимом танце. Она то выстилалась по дну, и там ходило волнами ее гибкое тело, то кружилась на всплыве, почти полностью укрытая кисеей сверкающего хвоста.

Порой она оказывалась так близко, что Илья мог ухватить красавицу за шлейф. Но лишь пытался он пошевелиться, как сразу же осознавал ненадежность, лишь видимость происходящего. Не желая, однако, никаких перемен, он вновь затаивался и ждал, что же будет дальше?

А дальше зеленоглазая красавица вдруг прилипла телом к крутому озерному уклону, маленько передохнула, тряхнула гребнем и побежала по боковине, как по полу. На небольшой глубине под Илькою она остановилась, затем осторожно принялась вползать к поверхности воды. Зелень глаз ее уставлена была прямо на Ильку! И хотя человеческих зрачков парнишка среди зелени той не обнаружил, однако неудобство передалось ему точно такое, какое зарождается в любом из нас при чужом настырном внимании. Но ни сморгнуть, ни отвернуться от пристального глядения Илька уже не сумел — его так вот и приковало ожиданием к тем к зеленым лягушачьим наростам, хотя ни злонамерения, ни алчности какой в красавице по-прежнему не чувствовалось. Во всем ее виде была лишь мольба! Как у нее такое получалось, понять Илька не мог. Он только ясно сознавал, что бояться ему нечего, что видимое им всего-навсего лишь призрак, какое-то отражение подлинного. Что этот мираж сотворен силою материнского горя где-то в межзвездной пропасти и невероятной силой перенесен сюда, в подземелье! Ему не дано сделаться плотью, но и раствориться теперь немыслимо, потому как не выдюжить повторения! Слаб мираж этот перед далью, как слаб Илья перед своей безвыходностью.

⁶ Плюсна — широкая стопа.

И еще зеленоглазая взором своим заверяла малого, что лишь обоюдное их согласие и подмога способны вызволить и того и другого из непонятности, избавить от беды. Но для этого надобно Ильке волею ее оборотиться существом, способным одолеть любые пролазы и уклоны, наделенным неимоверной силою и ловкостью...

И не только осознал Илька такую необходимость, но и успел почуять себя подобием исполинского краба!

Им-то парнишка и нырнул в озеро, махнул щупальцами раз, другой и вот уже оказался в окне какого-то колодца, уходящего стволом в неведомую высоту. Илька легко оставил воду и проворно побежал по отвесным стенам колодца. Скоро высота завела его в какой-то пролаз и заставила дивиться тому, как это удастся ему каждым отростком на теле чують самый малый впереди выступ, загодя зная любой впереди поворот. А сколь верно, сколь ухватисто действовали его щупальца! Сколь надежна была в нем жилистая сила, сколь неуклонно желание пройти до предела взятый путь.

Наслаждаясь полнотою своих способностей, человеческое в крабе завидовало ловкой твари, хотя больно-то увлекаться этим было некогда. Ильку несла и несла вперед тупая воля направленного к цели краба.

Скоро Илька почуял впереди глухую преграду, а вот клешни-лапы его нащупали помеху. Человеческий рассудок подсказал малому, что расщелина в скале пресечена не камнем, а, скорее всего, каким-то щитом, крышкой ли? В нее-то и не замедлил Илька тут же постучать; перегородка отозвалась долгим, тихим гулом. Так отзывается на хлопок ладонью огромный, но чуткий колокол. Для верности Илька хлопнул посильнее и вдруг почуял, что под его клешнею преграда шевельнулась, ровно пожелала отойти в сторону, да и не смогла и потому осталась на прежнем месте. Видать, ее заклинило в расщелине. Надо было порушить преграду! И Илька с тупой, остервенелой силою уперся растопыренными клешнями в каменные стены лаза, выпружинил ими и крабьим своим панцирем, как тараном, ударил в перекрытие!

Он еще успел понять, что над ним что-то хрястнуло, опрокинулось, дало ему тупым краем по спине, Затем как тугим узлом скрутило все его щупальца и поволокло обратно — вниз, в подземную западню...

Понял себя Илька живым оттого, что послышалось ему далекое петушиное пение. Сразу привиделась мать. Она шла мимо, не касаясь ногами земли, вся черная и слепая. Встречный ветер пытался развеять ее черноту, да не мог. Только зря рвал на ней платок и подол. Илька вдруг понял, что теперь идти ей да идти такою черной до самой оконечности земной, а там и до смерти, а там и того дальше...

Сердце захолонуло в парнишке от жалости, он потянулся к видению, крикнул:

— Мама!

И сразу же свет ожег глаза, грянул во все горло на заплоте гребенистый петух, заговорили радостные голоса:

— Э! Гляньте-ка! Очухался...

— Они, Резвуны, живучие!

— Это им от древней Онеги передалось...

Тут до Ильки дошло, что лежит он, как маленький, на отцовых руках. Отец так глядит в сыновние глаза, будто ему все известно и ничего не надо ни спрашивать, ни рассказывать.

А некоторое время спустя, не отходивший от постели все еще слабого Ильки, Матвей однажды разбудил парнишку среди ночи. Поднял его на ноги, вывел за околицу, сказал:

— Смотри!

И вот над рекою Полуденкой, над тем самым местом, где покоилось Живое бучало, медленно засветилась чистая зарница. Разгоралась она чутко подрагивая, словно зябко ей было спросонья подниматься над землей. Скоро она оторвалась от вершины Колотого утеса и световым сгустком смело пошла ввысь. В небе она быстро обернулась звездой и вот уже затерялась среди своих сестер.

Александр Силецкий

ГЛИНЯНЫЕ ГОДЫ

Врач вздохнул и резко выпрямился.

— Будем говорить откровенно. Я не берусь утверждать, что ваш муж безнадежен...

— Понимаю, доктор, — глухо, но вполне спокойно сказала женщина.

И только глаза предательски заблестели, да пальцы судорожно стиснули носовой платок.

«Убери ты его, к черту, убери!» — вдруг подумал врач. Он неожиданно поймал себя на том, что платок его безумно раздражает.

Неуместен был сейчас этот белый комочек, казалось, вселявший силы и какое-то ненормальное спокойствие в сидящую напротив женщину, маленькую, хрупкую, почти девочку...

Лучше бы расплакалась, забилась в истерику, вызывая жалость и искреннее желание помочь, чем сидела вот так: неподвижно, молча.

Этим она сбивала плавный ход докторских мыслей, мешала войти в ту роль, которую, по его мнению, необходимо было ему сейчас сыграть.

И от этого все, что он собирался сказать ей, вдруг становилось каким-то плоским, банальным и не нужным никому.

«Ну-ну, — подумал он, — возьми себя в руки. В конце концов не ты, а она пришла к тебе за советом. Ты должен ее утешить. Это твой долг, черт побери».

Но вместо утешения сказал:

— Мы еще так мало знаем о психике. Едва-едва постигаем азы, — он снова откинулся на спинку стула. В таком положении платок не был виден, его загораживал край стола.

— Я люблю его, — сухо произнесла женщина.

Врач чуть заметно развел руками и понимающе тактично улыбнулся.

— Как долго вы собираетесь его лечить? — взглянула она.

— Вы задаете невозможные вопросы. Если все окажется хорошо, лучше, чем мы думаем...

— Дома он рассуждал вполне здраво.

— Это еще ни о чем не говорит.

— Когда он был со мной рядом, никто бы, в общем, и не заподозрил...

— К сожалению, вы не всегда могли его сопровождать. Знаете, людям дана великая способность заблуждаться. Вы не находите, что мы все живем немножечко в идеальном, идеализированном мире? Нам в нем спокойней, что ли... И когда кто-то или что-то диссонансом входит в этот мир...

— Нет, — сказала женщина и холодно, почти враждебно взглянула на врача. — Я никогда, особенно в последние годы, не обольщалась. Я пыталась скрывать — от него, от других... Ведь люди злы на язык.

— Как раз это его и погубило. Если бы вы обратились к нам раньше...

— Я думала, само пройдет, — женщина качнула головой.

— Господи, когда вы отучитесь бояться врачей?!

Врач врачу рознь, — неопределенно пожала она плечами. — Я имею в виду...

— Специализацию?

— Да.

— Ну, конечно! — Похоже, это его задело. — Ранение, простуда — тут пожалуйста!.. Но как только речь заходит о психике...

— Он не хотел, чтобы я обращалась к врачу. Уверял, что все в порядке...

— Еще бы! А сам при этом трезвонил кому попало, что он-де — Шекспир, гений, и

может завалить театры драмами, какие вам еще не снились. Это, по-вашему, нормально?

— Но он действительно талантливый человек! Если не больше...

— Вот как? Почему же тогда везде отвергали его рукописи? Почему многие, вполне серьезные и, надо думать, непредвзято мыслящие, литераторы называли его неумным графоманом? Почему? Может ошибиться один человек, два, ну, пять! Но когда такое, с позволения сказать, «заблуждение» превращается в общую точку зрения...

— Вы прекрасно знаете, как она изменчива...

— Сейчас мы не об этом. Факт налицо.

Она вздохнула и грустно посмотрела на него.

«Ты все еще пытаешься себя убедить, — с легкой неприязнью подумал врач. — Конечно, блажен тот, кто... М-да!»

— Его обвиняли в несовременности, — тихо проговорила женщина. — Да-да, в несовременности, в тяжеловесности письма, в излишней театральности, надуманности ситуаций, в отсутствии положительного героя. Хотя сам он говорил, что все его персонажи положительны — других в жизни просто не бывает. А то, что у каждого есть свои слабости и недостатки, что все великие дела рождаются из столкновения добра и зла, — это закон жизни. И, чтобы сказать правду о ней, не становясь ничьим врагом, нужно быть бесстрашным, добрым человеком.

— Таковым он себя, бесспорно, и считал?

— Не знаю. Скорее, наоборот. Он как-то сказал, что доброта к веселости не располагает и ярый оптимизм рождается по скудости ума. Да, фанатичный оптимист опасен. Он не может трезво рассуждать, а претендует на немалые заслуги...

— Довольно спорная идея, — врач перевернул несколько страниц лежавшей перед ним истории болезни. — Вот тут, — он постучал пальцем по бумаге, — ваш муж сообщил, что его просто не понимают. Или делают вид. Оттого и гонят...

— Он мне тоже говорил.

— Но не кажется ли вам, что здесь-то собака и зарыта?! А? Непризнанный гений, мания величия, комплекс эдакой ущемленности — во всем... И имя-то какое себе выбрал — Уильям Шекспир! Тоже, знаете, небезынтересно. Ведь настоящее его имя — Глеб Сысоев?

— Да. Самое заурядное.

— Ну, это уже дело вкуса, — врач отодвинул папку. — Вы поженились...

— Двенадцать лет назад. Теперь — уже почти тринадцать.

— Детей у вас нет...

— Он не хотел. Почему-то боялся. Твердил без конца о какой-то опасности, о несовместимости...

— Чего с чем?

— Не знаю. Он не объяснял. Только месяц назад обронил что-то насчет межвременной любви и неожиданных, непредвиденных последствиях ее...

— Так-так, — встрепенулся врач и, вновь придвинув к себе историю болезни, принялся поспешно в ней писать. — Это уже — что-то!..

— Вот, собственно, и все. Помню, тогда он внезапно умолк и... все. С тех пор ни разу...

— М-да, странности прелюбопытные, — пробормотал врач. — Ну, а работал он...

— На мебельной фабрике. Краснодеревщиком.

— Понятно... И по вечерам писал?

— Да.

— Родственников у него нет?

— Абсолютно. Так он говорит. Когда мы поженились, он был совсем одинок...

— О своей жизни, как я понял, он не любит распространяться.

— Нет. Я несколько раз пыталась завести с ним об этом разговор, но он только отшучивался. Или просто молчал. Друзей у него очень мало.

— Я знаю, — кивнул врач, и лицо его приняло озабоченное выражение. — А сочинения

вашего мужа непосредственно с шекспировскими текстами никто не пытался сопоставить? Ради любопытства...

— Так из-за этого все и смеялись над ним!

— Вот как?

— Да, утверждали, что такого плагиата — по стилю, по мыслям — еще сроду не бывало.

— Я тоже кое-что прочел... По-моему, он не бездарен, что бы там ни говорили. Но, увы... — сокрушенно вздохнул врач. — Вы ведь, кажется, в прошлый раз упомянули, что ни одного буквального списывания у него нет?

— В том-то и дело! — Женщина слегка оживилась, и врач подумал вдруг, что она вовсе недурна собой, только измотана основательно, но это поправимо, зато куда труднее будет убедить ее в справедливости общей оценки... Она слишком предана мужу, даже чересчур, и слишком верит в него. А эта вера, особенно сейчас, лишь помешает. Если Глеб Сысоев не оправится, для нее это будет страшный удар. Новая трагедия... Совершенно ни к чему!

— Вы очень долго тянули, — заметил врач. — Приди вы, ну, хоть на несколько лет раньше...

— Что тогда?

— Мания величия у него развилась только в последние годы...

Да, но он и прежде писал.

— Но никому не показывал! И не кричал налево и направо: я — Шекспир. В самом начале, едва появились первые симптомы, вы обязаны были обратиться к нам. Впрочем, что об этом говорить...

— Доктор, вы поможете ему? — Она смотрела на него со страхом и мольбой.

«Неужели все-таки дошло?» — с внезапным удовлетворением подумал врач и ответил: — Постараемся. Все, что в наших силах, мы сделаем. Испробуем разные варианты. И, в частности, такой...

— Какой, доктор?

— Вы слышали когда-нибудь об иглотерапии?

— Нет.

— Подари на прощанье мне билет
на поезд куда-нибудь.
Мне все равно, куда он пойдет,
лишь бы отправиться в путь... —

неожиданно вполголоса продекламировал врач. — Это стихи Лэнгстона Хьюза... Жил на свете такой поэт... И не смотрите на меня так! Я не смеюсь. Просто в этих строчках, если угодно, вся суть... Подоплека, что ли...

— Не понимаю.

— Объяснять долго...

— Все же постарайтесь.

— Ну, хорошо, — смирился врач. — Запомните: иглотерапия — это прием. Больным дают выговориться, выразить себя до конца. Это своего рода пропуск, билет на поезд реализуемого подсознания. Вы утверждаете, что вы — Наполеон? Прекрасно! Вот вам армия, вот вам мундир, вот вам декорации. Будьте Наполеоном! Вживайтесь в образ, как хотите. Это долгий, трудный спектакль. Нужны статисты, актеры впрочем, нам помогают сами же больные. И вот, пока спектакль идет, мы смотрим, пытаемся выяснить, почему этот человек решил стать именно Наполеоном. А когда причина известна, можно и лечить. Так вот, вашему мужу мы предложим на время стать действительно Шекспиром. Создадим обстановку. Своеобразное перенесение в другую эпоху. Но, учтите, все это время — с вашей стороны — никаких контактов с ним. Ни встреч, ни писем. Ничего. Это очень важно — не нарушить иллюзию.

— Как?! Вообще ничего? — испугалась женщина. — Да, но... сколько это будет продолжаться?

— Если бы я знал! — развел руками врач. — Все зависит от него самого.

— Он не вынесет этого, — произнесла она решительно. — Не сможет.

Врач с сомнением покачал головой:

— Боюсь, наоборот. Ему будет очень хорошо. Куда лучше, чем теперь. Он ведь станет как бы самим собой. Пусть на время, но все же...

— Это необходимо?

— Я затрудняюсь ответить однозначно. Это желательно, потому что дает какой-то шанс...

Некоторое время женщина сидела молча, неподвижно глядя перед собой.

— Хорошо, — проговорила она, наконец. — Будь по-вашему. Я постараюсь его не тревожить. Но боже мой!..

О, эти будни сумасшедшего дома! Какой праздник, каких дел суeta сравнятся с ними!..

Тут — все: и карнавал, и трагедия, и явь, обращенная в призрак, и странные легенды, обретшие неистовую жизнь в подлунном мире. Тут сплелись воедино реальность с мифом, высокое с низменным, тут всякий — бог, и он же — червь.

Жестокая планета, заселенная полулюдьми. Счастливая планета, где иллюзии, желания, мечты, лаская, будто наяву, не требуют на деле ни малейшей компенсации, за исключением послушания... Цена недорогая. Поскольку зла здесь не таят. Зло изгнано из этой обители радости и страдания. Здесь тщатся помогать и — помогают.

В окно с небьющимся стеклом лениво вползали сумерки пасмурного дня.

Заросли спиреи, усыпанные белыми цветами, клумба, на которой распускались вялые грязно-желтые бутоны, а дальше — вдоль чернеющей дорожки — шел забор, дощатый, высокий, не крашенный давным-давно...

Влево и вправо — только забор.

Он скрывал горизонт, вздымаясь на полнеба — того квадратного неба, что открывалось из окна, и лишь в щелях между неплотно пригнанными досками мелькали, трепетали какие-то далекие огни — там, словно за тридевять земель в волшебном царстве, текла иная жизнь, подвластная иным законам, иному ходу времени, там рождались, умирали и любили совсем другие люди, не знающие, что это такое — забор в полнеба и кусты спиреи за окном, которое нельзя открыть...

Наверное, ночью будет дождь, подумал Глеб. Я буду его только слышать... И вспоминать, как прежде бродил под дождем по мокрым улицам, а мимо пробежали, спеша укрыться, люди, и машины пронеслись, будто призраки, расплескивая зеркало на мостовых. Лужи, в которых отражалось небо. И я по ним ступал. Шагал по лужам, небо топча... Смешно!

Он не раскаивался.

В конце концов его молчанье длилось восемь лет. Писал, выдумывал, искал достойные сюжеты и... делал вид, что это все забава, и не больше...

Восемь лет... Он многое успел. Пожалуй, это были лучшие годы в его жизни. Он очень рассчитывал на них — опора, трамплин, с которого можно взмыть в поднебесье, на недостижимую высоту и — продолжать свой путь. Куда? К славе? Вряд ли. Просто новая дорога к постижению людей и сути всех явлений...

Он думал, что осилит, одолеет эти бастиины, выйдет победителем... Конечно, он сорвался. Не сразу, нет. Пять лет падал, все последние пять лет. И, наконец, — остановился... Здесь.

Ему не верили, над ним смеялись, да и сам он знал, на что обрекает себя — на роль полоумного шута, одержимого манией величия. Ну, как же, он — провидец, он готов сказать такое, чего еще никто не слышал! Поразить своим талантом мир... Не эпатировать, отнюдь, не испугать, не вызвать ненависть, презрение к себе!

А вышло все наоборот...

Я думал, они поверят, поймут... Почему они так жестоки? То, что писалось четыреста лет назад, повергает их в священный трепет. Они твердят, что те трагедии не знают временных границ. То, давнее, останется жить вечно. Я попытался воскресить его, бессмертный дух наделить плотью, дать ему скелет. И что же? Мне говорят: твои писания мертвы. Ты — жалкий плагиатор, графоман.

Вот если бы Шекспир действительно явился к нам... Мы б сразу поняли, что это — он. Я возражал, я объяснял, что все они слепцы: Шекспир и я — одно лицо. Шекспир бессмертен? Ну так вот он я! Тринадцать лет прошло... Теперь я стар. Советуют: смените роль, еще не поздно. Господи, при чем тут роль?! Не собирался я других играть. Я лишь пытался быть самим собой. Да. Испугался, что все написанное уйдет со мной в могилу, и полез в рукопашную, с поднятым забралом. Лучше бы молчал! Тринадцать лет впустую... Долго, кропотливо лепил я эту вазу, отделявая каждый штрих, каждый завиток, и радовался про себя: какой подарок я готовлю людям!.. И вдруг, одним ударом, ваза опрокинута, рассыпалась на сотни черепков, и все увидели, что это — просто глина, бесформенная груда, из которой ничего уж не слепить. Она тверда и хрупка. Я перестарался, пережег ее — безумец, право же, безумец!.. И трус. Постыдный трус. М-да... Поделом!

Кто-то осторожно тронул его за плечо, проговорил:

— Вы знаете, у меня возникла идея. Думаю, Билли, она придется вам по вкусу.

Он резко обернулся.

Перед ним стоял его лечащий врач, уверенный, спокойный, весь — сочувствие и понимание.

Глеб недоверчиво разглядывал врача, который хочет исцелить его. Неважно, от чего. У него свои методы, своя терапия. И если он затевает игру, что ж, отказываться глупо.

А может, он и впрямь почувствовал, дошел до истины своим врачебным чутьем? Такое в принципе не исключено. Здесь у всех внимание обострено необыкновенно. Иначе — как лечить, как обращаться с больными? Все возможно...

— Я вам верю, доктор, — произнес Глеб. — Как вы решили, так и будет.

— Вот и чудесно, — просиял врач. — Надеюсь, мы быстро сговоримся. Я тут подумал: а не организовать ли нам свой театр?

— Театр?

— Именно! Нечто вроде «Глобуса». И репертуар его составят ваши пьесы!

— Постойте-постойте, — медленно проговорил Глеб. — Вы предлагаете... Здесь? Но — актеры!..

— Об этом не беспокойтесь. У нас есть несколько выздоравливающих артистов — люди вполне профессиональные. Да и любители, надеюсь, сыграют с немалым удовольствием. Если захотите, можете и сами сыграть какую-нибудь... даже не какую-нибудь, а — главную роль! Это уж решать вам, Билли, вам... Ну так что же?

— Спектакли... Господи! — прошептал Глеб и на мгновение закрыл глаза, чтоб врач не заметил их предательского блеска.

Тринадцать лет мечтал он о театре, видел в снах, как разыгрываются его пьесы, грезил этим наяву...

Сцена, восхитительное лицедейство, когда ты, ничтожный человек, в одну минуту делаешься королем, когда границы мира сдвигаются и раздвигаются, едва ты пожелаешь, когда события, давно прошедшие, и те, которым еще суждено увидеть свет, являются, по прихоти твоей, становятся реальностью и настоящим фактом, а ты их волен тасовать, менять, крутить, как в калейдоскопе разноцветные куски стекла, и надо всем довлеет высший смысл, твоя ликующая власть таланта, и все законы красоты — в твоих руках.

О, боже! Как он ждал!..

— Хотя бы здесь, — пробормотал он. — Пусть — здесь! Все равно. Но сам поставлю. Сам! Что захочу!

— Конечно, — улыбнулся врач. — Я думаю, Билли, это будет не так уж и плохо?

— Я докажу вам, — Глеб посмотрел на врача в упор. — Я докажу, что они, — он махнул рукой в сторону окна, — ничего не понимали. Не хотели понимать.

— Я очень надеюсь на вас, Билли.

— Да, докажу, — угрюмо повторил Глеб. — Жалкие глупцы! Стремятся поклоняться лишь тому, чего уж нет. А стоит только это прошедшее сунуть им под нос как дело нынешнего дня — они не узнают, отказываются принимать. Вот парадокс, достойный всех времен!

— Ну, Билли, не судите их так строго. Чтобы понять гения, нужно время. Понять и по достоинству оценить. Тогда, четыреста лет назад, вас тоже, кажется, не больно чттили? А? Простой актер, и только... Сочинял пьесы на потребу дня...

— Вы правы, доктор. Я начинаю забывать... Но, знаете, когда живешь, окруженный собственной посмертной славой... Мнишь, что и живого тебя должны боготворить, перестаешь ощущать всю пропасть времени... Это нервы, доктор. Я устал...

— Оттого-то я и предложил организовать здесь театр. Конечно, вам нужна разрядка. В успехе я не сомневаюсь... Да и больным вы немало поможете. Это ведь так важно — отвлечь несчастных от их недугов.

— Когда начнем?

— Да хоть сейчас! Только подождите еще минутку, я наведаюсь в соседнюю палату. А потом мы пойдем с вами отбирать актеров. Гамлета, Ромео, Лира...

— Нет, — покачал головой Глеб. — Никаких старых пьес.

— А как же?

— Теперь все будет по-другому...

— Простите, но я что-то не улавливаю... Ведь у театра должен быть репертуар...

— Зачем же повторяться, доктор? Если позволяет ситуация... Нет-нет, я буду ставить новую пьесу, последнюю... Это — итог. Всей моей жизни. Черта...

— Ну, вам, разумеется, виднее. Теперь, когда все в ваших руках... Действуйте! Впрочем, простите, я сейчас...

— Вот чудеса! — пробормотал Глеб, когда врач скрылся в соседней палате. — Неужто он в меня поверил? Он... да еще — моя жена...

— Отчего же, мистер Шекспир? Я в вас тоже верю. И вовсе не по долгу службы.

Перед ним стоял высокий худой брюнет с холеной эспаньолкой.

Левого глаза у него не было, и лицо, рассекая на две неравные части, украшала черная шелковая повязка. Именно украшала, потому что, Глеб моментально отметил это про себя, повязка необыкновенно шла брюнету, как бы дополняя, завершая его облик.

«Тебе бы камзол, голубчик, да шпагу в руку», — вдруг подумал Глеб.

— Что, не узнаете, а, мистер Шекспир?

В самом деле, голос вроде бы знакомый. И эта несколько развязная манера держаться...

— Признаться, не припомню.

— Ай-ай-ай, — укоризненно покачал головой брюнет. — Кристофер Марло к вашим услугам. Слышали, надеюсь?

— Кристофер? — Глеб невольно отступил на шаг. — Хм... Но как же...

— А очень просто! Как я попал сюда, ведь верно? Тем же путем, что и вы, милейший друг. Через парадный вход. Ну, а точнее... Люди не верили, что вы — Шекспир, а я имел неосторожность заявить, что я — Кристофер Марло. Как-то уж само собой случилось... Треснул, правда, для пущей убедительности, кулаком по столу — и вот я здесь. Банальная история. Для дешевых сплетен.

— Не знаю, не знаю — пожал плечами Глеб. Этот нагловатый тип начинал действовать ему на нервы, хотя, конечно же, и вправду несколько напоминал... Да, очень давняя, почти забытая встреча... — Но, как я посмотрю, вы тем не менее спокойны!.. Разве нет?

— А что же делать? Больше того, признаюсь, такое положение вполне устраивает меня. Теперь-то я смогу писать, что захочу! И никто уже не прыснет в кулак, когда я назовусь. Тут

и не это — в порядке вещей.

— Здесь — да. К сожалению. Простите, ваш глаз...

— Так, стычка.

— Тоже здесь?

— О, нет! Гораздо раньше. В *жизни* ! Когда имя Кристофера Марло еще что-то значило.

— А теперь? По-моему, лишь теперь — *теперь* — и начинается... — Ах, как ему хотелось поддеть, уязвить этого развязного «творца»!

«Все вы тут гении, — подумал он раздраженно, — но по ком, по ком из вас загудят колокола посмертной славы? Или прозвучат — хотя бы день, хотя бы час, минуту в этом потоке вечности?.. Несчастные двуногие, сошедшие с ума из-за того, что те, кого потом назвали гениальными, великими, родились раньше вас и отобрали у вас славу... Что за вздор! Великие не отбирали ничего. Они пришли и взяли то, что причиталось им по праву, вернув лишь то, что дать могли. Не более того. Кто виноват, что потомки не сумели дать и половины этого? Духовный крах... В противном случае их бы тоже признали великими. Парадокс прогресса: каждый новый век снижает ценз для живущих. И повышает для тех, кто умер. Оттого и сходят с ума, что за умершими не угнаться, а понимают ведь: сегодняшняя слава залога на успех в грядущем может и не дать. Проверенное временем ценнее, прочнее, что ли. Мертвые молчат. А со своих, как говорится, взятки гладки — конечно, блещут мастерством, но не Шекспиры, нет! А коли ты Шекспир, вдруг объявившийся в двадцатом веке, то писать обязан лучше, чем лет четыреста назад. Иначе — не поверят, не признают. Мыслимо ли это? Бедные двуногие...»

Брюнет с сожалением посмотрел на Глеба:

— *Здесь* все кончается. Дальше отступать некуда. Или у вас припасены другие варианты?

— Когда наконец чувствуешь, что можно быть самим собой, действительно — это предел. Какие еще варианты? Если бы только не здесь...

— Еще бы! Кристофер Марло знает, что говорит, — самодовольно ухмыльнулся брюнет, но, оглянувшись, тотчас приложил палец к губам. — Тс-с-с... Доктор идет!.. А вот тогда — да! — неожиданно громко и решительно заявил он. — Тройка, семерка, туз — шведская миловидность. В противном случае — инсулин! — Он весь как-то поник и медленно пошел прочь. Но напоследок, через плечо, все же успел бросить: — Возьмите меня в труппу, а, мистер Шекспир?

— Итак, я свободен, Билли, — весело проговорил врач. — Займемся вашим театром?

— Было бы неплохо... Я тут и сам без дела не сижу. Один уже просился в труппу.

— Кто?

— Да вот...

Глеб взглядом указал на удаляющуюся фигуру.

— А, это наш новый пациент... Безобидное создание. Вы только подумайте, Билли, он разыгрывает болезнь, которой у него вовсе нет. А лечить-то его надо, правда, совсем от другого. Возмнил, что он — Кристофер Марло!.. Пора, говорит, взять верх над Шекспиром — потому-то я и здесь. Каково?

— Придворный трагик, — улыбнулся Глеб. — Не это ли залог скорейшего забвенья?!

— Его, однако, не забыли...

— У Истории свои причуды. Но он попросился в мою труппу! Разве он тем самым не признал моего превосходства?

— А вы тщеславны, Билли. Знаете, он тут как-то — да-да, едва только поступил, вчера! — заметил: позвольте мне сыграть в любой шекспировской пьесе — и я наполню свою роль таким смыслом, какой Шекспиру и не снился. Хоть я и не актер. Но я зато — Кристофер Марло!

— Похоже на него. Что ж, я найду ему место в новой пьесе. Да я и сам сыграю в ней... Посмотрим, какой смысл он вдохнет в свою роль.

— А что за роль, если не секрет?
— Он сыграет самого себя. Каким он был всегда. И будет жалок, уж поверьте.
— По-моему, вы хватаете через край. Между нами, он даже обрадовался, когда узнал, что вы — здесь.

— Серьезно? Вот чудак! Нет, я обязательно дам ему роль. Пьеса почти готова...
— Как называется?
— Пока не знаю... Да и не название решает дело, нет! Оно рождается в последнее мгновение, чтоб как-то зрителя привлечь, а в сущности... Короче, это будет хроника. Последняя в моей жизни...

— Неужели?

— Да. Я, правда, не уверен — лучшая ли... Впрочем, автор судит обо всем предвзято...

— Шекспиру не дано писать плохо, — моментально отпарировал врач.

Глеб только грустно посмотрел на него и, нахмурясь, отвернулся.

«Что-то с ним творится, — озабоченно подумал врач. — Он изменился. Когда его привезли, он был вне себя от ярости, казалось, он способен разнести все в щепы... А теперь? Он здесь всего третьи сутки. И уже сегодня он совсем другой... Тихий, подавленный человек... Как это он сказал на утренней беседе? Да!.. „Что бы вы подумали о человеке, который бежал с целью стать победителем, заранее предполагая, что победителя ждет беда?“ Я ему ответил что-то вроде: „Не беспокойтесь, Билли, здесь мы вас в обиду не дадим...“ Пустые слова! Неужто он вдруг осознал всю нелепость своих прежних поступков? Что же получается: безумец, понимающий, что он безумен? Парадокс! Невозможный парадокс! Но почему он с такой радостью ухватился за эту идею учредить в больнице театр? Даже с истовой готовностью... Выходит, он все-таки верит в свое мифическое „Я“?! И одновременно отвергает... Нет-нет, конечно, все не так. Все во сто крат сложнее. Внешне он смирился, да, сломался, но — внутри... Как, от чего его лечить? Как понять этого безумца, который умеет держать себя в руках? Если не Шекспир, то кто? Если не Глеб Сысоев, то кто же, наконец?!»

И тут врач с ужасом обнаружил, что, задумавшись, произнес последние фразы вслух. Правда, тихо, очень тихо, но пациент услышал.

— Прекрасно, доктор! — воскликнул Глеб, дружески похлопав врача по плечу. — Вы начинаете сомневаться! Вы далеко пойдете.

— Не понимаю.

— О, это большой профан в своем деле. Увидите, и года не пройдет, как вся Европа будет трепетать от одного лишь имени его! — рассмеялся Глеб. — Это я о себе. Я был профаном и, как любой профан, не сомневался. И в результате — встретил вас... Вам моя участь не грозит.

— Билли! — укоризненно сказал врач.

— А что — Билли?... Пускаться во все тяжкие словесного жонглерства — это глупо. Не выяснишь ничего и не поймешь. Что — Билли?! Слова, слова, слова... Воистину!

— Билли, — сказал врач примирительно, — сколько человек вам нужно?

— Человек пятьдесят, не меньше, — ответил Глеб. И совсем тихо добавил: — Труппе хватило бы и одного актера. Но что делать, если в пьесе так много уродов?!

— Что вы сказали? — не расслышал врач.

— Нет, ничего. Я просто уточнял. Для себя.

Со времени своего последнего визита она, кажется, немного успокоилась, хотя все внешне, только внешне — неужто и тут игра? Смирилась ли на самом деле или только сумела взять себя в руки, надевши маску напускного равнодушия и непробиваемой чопорности?

Врач этого не знал и никак не мог уловить, что же кроется за бесстрастными интонациями ее голоса и скупыми, будто заранее отрепетированными жестами. Это раздражало и вместе с тем сковывало — родственники больных всегда становились отчасти

как бы тоже его пациентами, а тут он ничего не мог понять.

— Ваш муж вполне освоился. Больные ему доверяют, относятся весьма почтительно, как к настоящему Шекспиру. К гению, если хотите...

— Видимо, он просто утешился тем, что хоть безумные сумели распознать истину.

— Как вы сказали? — врач недоуменно вскинул брови. — Истину? Но ведь это — фарс, игра!

— Все игра, — сухо возразила женщина.

— Вы повторяете слова своего мужа! Вы меня ставите в тупик. Впрочем... Все скоро разрешится. Актеры набраны, роли распределены, премьера — завтра.

— А пьеса?

Что — пьеса? Ах, да... Он не дает читать. Мечтает доказать, что называется, на деле...

— Доктор... — она запнулась и губы ее предательски дрогнули. — Доктор, отмените спектакль.

— Но почему?

— Пожалуйста, — она умоляюще смотрела на него.

— Нет, я решительно ничего не понимаю! Ведь все уже готово! Оговорено, продумано... Теперь я не имею права вмешиваться, иначе весь эксперимент... К тому же, не забудьте, в спектакле заняты другие пациенты.

— Все готово, — едва слышно повторила она. — В последнем письме он говорил, что собирается бежать... Назад, к мученьям, к горю — навсегда... Это ужасно!

— Он болен! — сердито сказал врач. — Поймите ж, наконец! Запомните: чтобы ваш муж стал здоровым, *нормальным*, — премьера должна состояться! В этом смысл всей затеи.

— Как угодно, доктор... Но я боюсь!

— Чего? Куда он денется? Его больное воображение... Ах! — Врач безнадежно махнул рукой. — Письмо у вас? Как он переправил его? Хотя теперь это неважно.

— Я не взяла с собой. Завтра или послезавтра я принесу. И еще... Скажите, в беседах с вами он... вспоминал обо мне?

— В эти дни? Ни разу. Он был слишком увлечен спектаклем. Да разве вам мало этого письма?! Между прочим, мне он тоже... предложил сыграть...

— А вы жалуетесь, что ничего не читали!.. Все-таки — целая роль! — Казалось, она потешается над ним. — В кого же вам предстоит перевоплотиться?

— В ремарке к роли он написал... — врач слегка нахмурился, но тотчас скроил беззаботную гримасу, — в принципе, это пустяк. «А играющим дураков запретите говорить больше, чем для них написано...» Вот и все. Насколько я понял, изображать мне придется самого себя. Не могу пожаловаться на роль. Только... Ума не приложу, зачем нужна эта ремарка?

Пустая сцена, как больничная палата, откуда вынесли кровати, тумбочки, убрали с подоконников цветочные горшки, и лишь одна кровать осталась — в самом центре, под горячей лампой, так что видно все... А где же зал? Ах, да, он там, внизу, и, затаив дыхание, следит за действием весь партер. Галерки нет — в ней не было нужды. Для тех, кто движется по сцене, все одно — галерка ли, партер, не это важно, главное — есть зритель, который воплотит игру, ему предложенную, в явь. Заплачет, если драматург захочет, смеяться станет, коли выскочит на сцену шут... Пустынный зал, где лишь один актер, и сцена, полная народу... Все — игра. Костюмы, парики, носы... И — мнения. Пристрастия, умы, улыбки, жесты... Раздвинут занавес — глядите, сядьте ближе! Вот так... Теперь сам черт не разберет: где — зал, где — сцена. Круг замкнулся. Произносите монологи, вставляйте реплики, вступайте в общий хор. Для всех написан текст, любой себя сыграет — только не спешите... Куда ж спешить, когда все кончено? Он слишком стар уже и глуп, и чересчур устал в пути, чтоб впредь достойно продолжать свое существование — беглец, изгой, никчемный постоялец, он думал счастье обрести вдали от родины, от времени, где жил, надеясь в странствиях учить людей, как постигать законы высшей красоты, добра и справедливости.

Увы! Тринадцать лет умчались безвозвратно, рассыпались, как глиняная ваза, на сотни тысяч черепков — уже не подобрать, не склеить... Кончено. Он обманулся в ожиданиях, ничьих надежд не оправдав. Да и надежды эти — кто питал? Жена? Быть может, в ней теплилась вера, но слабый огонек не разгорелся — не угас, однако пламени не дал, лишь тлел, все больше отдаляясь. Кого винить? Других? Смешно!.. С невиданным упорством они играли роль живущих и, конечно, ему поверить не могли. Для них он — умер, растворился в потоке времени, не смея называться, даже в шутку, человеком, который вот сейчас, сию минуту, способен гением своим всех поразить; и только дух его остался, в трагедиях бессмертье обретя, а человеческое ныне — сказка... Прекрасная, далекая легенда, где все туманно, странно, лишено конкретных черт... И он бежал — не потому, что опасался: вдруг его забудут. Нет! Он понимал: забыть его не смогут, не посмеют. Но те ужасные тринадцать лет... От них бежал! Чтоб не пропали даром, чтобы писать, писать, писать!.. Да, он работал, точно одержимый, себя не вправе упрекнуть. Но что случилось? Мертвого младенца он к жизни возвратил в иные времена, когда он сам — как человек, творец и гений — был неуместен, выглядел шутком. Да, каждой глупости — своя обитель, и каждому поступку — свой отведенный час... Час миновал давно... И новым поколениям он дорог именно как сын ушедших дней. Он к ним прикован, впаян в них, а вне их лишь нелепо притязает на то, что *было*, — там, где нет... Его нет — и его эпохи. Бежать назад? Но те тринадцать лет... Едва они вернутся, — он вмиг утратит, что имел... Перечеркнуть все сделанное ныне... Нет-нет, он слишком стар, чтобы принять удар судьбы, смириться с ним и страсть свою умерить. Надежда в нем не умерла... Быть может, люди все поймут и примут, и оценят, как подобает, поздние плоды его трудов, ума и мастерства. Надежда... Кнут победителя и цепь рабов. Какими силами тебя заставить для счастья общего сломать судьбу? Он стар, назад дороги — нет... Там, позади, молчание и муки. А здесь? Тринадцать лет... Там — здесь... Какая разница, по сути? Нет, не решить ему вопрос. Сил не хватает, остроты ума... Ничто, увы, не бесконечно. Немеют ноги, звон в ушах, и сердце бьется чуть заметно... Как душно! Тьма в глазах... Где я? Мне снится все или на самом деле я слышу эти голоса?! Кто там? Не может быть! Я вас не звал! Уйдите, призраки немые! А голоса? Я сам за вас произношу слова? *Не может быть!* Химеры близкой смерти... Прочь, уходите! Нет, не слышат... Идут сюда. О, боже мой! Отелло, Ричард, Яго, Макбет, Лир, Полоний — сколько их!.. А вот Офелия, Ромео и Джульетта, Катарина... Что, смеются? Над кем? Неужто надо мной? Но почему? Ведь вас я создал и вам дал бессмертие — всем, всем... Себя лишь обделил. Лишь я в грядущее живым войти не смею. Останется молва да память: был такой, писал трагедии, комедий не чурался. Сам умер — в год такой-то, но мысль его по-прежнему жива... Нет, погодите! Ведь я умру сейчас... А как же прошлое? Год смерти — не известен? Жил человек — и вдруг пропал? Какая глупость! Быть того не может! Не пропадают люди — их теряют... Так, значит, сам себя я потерял? Вот это новость... Господи! Они опять в движении... И снова — ближе, ближе, ближе... Из тьмы веков... Все, как один... Безумцы, палачи, тираны, страдальцы, плуты и шуты... Где я? Спектакль или явь? Все это... Но тогда — где зрители? Не вижу зала! Не вижу лиц, которые следят, как движется трагедия к развязке. Или я сам смотрю, а мне дается представление? А может, так: и зал, и сцена соединились, не поймешь, где что?.. Тогда скорей — переодеться, чтоб стать иным, не быть причастным к этой драме, и снова — в путь. Как?.. Вновь бежать? Нет сил... Пускай кривляются тираны и пусть к шутам вся мудрость снизойдет. Уродов мир плодит — они же мир лелеют... Да будет так! Я не судья. Я лишь беглец, которому отказано в ночлеге. Тринадцать лет!.. И все впустую. Смешно сказать. И здесь, и там... А ведь История... в борцы произведет!

Пустая сцена, как больничная палата, откуда вынесли кровати, тумбочки, убрали с подоконников цветочные горшки, и лишь одна кровать осталась — в самом центре — под горячей лампой, так что видно все...

Пустынный зал, где лишь один актер, и сцена, полная народу...

Спектакль, игра...

И тут вошел Кристофер Марло.

Он огляделся, щурясь одним глазом от яркого света, и не спеша направился к кровати, на которой, как на смертном одре, возлежал Шекспир.

У изголовья он остановился.

— Ну, что, Уильям, ты доволен своей судьбой, делами, славой?

— Оставь меня. Не видишь разве — умираю.

— Вот как? А сам сочинил текст моей роли, вручил мне и велел зубрить... Чтоб не единой сбивки не случилось.

Шекспир закрыл глаза и горько усмехнулся:

— Наверное, я сделал глупость, введя тебя в спектакль.

— Вот уж не знаю, — покачал головой Марло. — Ты, видно, не мог поступить иначе. Если, конечно, решил быть честным до конца.

— Но дальше что?

— Конец сочинил ты сам, Уильям. Я ведь только исполнитель. А зрители...

— Они — тоже актеры.

— Так было угодно вашей милости, — с насмешкой поклонился Марло. — Безумцы, занятые в роли восторженного зрителя... Который станет неистово аплодировать, когда закончится ваша последняя трагедия, мистер Шекспир. Но это нечестно: вы их подкупили!

— Ничуть. Они безумны только оттого, что слишком чутки. Слишком чутки... Они будут аплодировать моему таланту. Да! Или ты в него не веришь?

— Это трудный вопрос, Уильям. Ты писал пьесу о себе и пытался сыграть в ней главную роль... Ты плохой актер. Сочинял ты несравненно, но себя сыграл — хуже некуда. А уж ты-то должен знать, какая участь ждет спектакль, если главный герой в нем, откуда ни взгляни — пустое место!.. Полный провал. Освищут и пьесу, и исполнителя...

Лицо Шекспира внезапно сморщилось, словно от сильнейшей боли.

— Ну, почему, почему это говоришь ты, а не я? Это же мои слова!

— Ты их заранее отдал мне. И был прав. Ибо часто, когда твои слова произносит кто-то другой, они выглядят убедительней. Особенно, если эти слова обращены к тебе самому. Тогда ты не сможешь обвинить себя в бесчестии.

— Пусть так, — устало пробормотал Шекспир. — Пусть так... Зачем ты здесь?

— О, Уильям! — засмеялся Марло. — Ты — как младенец. Лепечешь, сам не зная что. Я пришел за тобой! Я ведь знал, что ты — здесь, в двадцатом, жалкий беглец, и явился следом. По-моему, имя Кристофер Марло еще кое-что значит для тебя. Так кому, дружище, как не мне... Вставай же! Нам пора.

— Нет, не могу. Я болен. Сил почти что не осталось.

— Глупости! В *этой* пьесе ты встанешь и пойдешь за мной. Да мне ли объяснять?! Сам все прекрасно понимаешь. Сейчас ты — простой актер и не смеешь своевольничать в середине спектакля. Иначе пьеса оборвется, и зрители тебя освищут. Но ты ведь ждешь аплодисментов...

— Все мы ждем их, Кристофер. Только, по глупости своей, обычно раньше времени... И тогда считаем себя неудачниками, изгоями, не подозревая, что нужно было — лишь немного подождать.

— Вот-вот, Уильям. Но теперь — пора. Пусть там, на родине, тебе окажется несладко. Но это — твой дом, твоё время. И мое — тоже. Только там мы сможем писать — задыхаясь, страдая, порою не веря, однако — из последних сил, и соперничать, как подобает благородным художникам.

— Ты все еще надеешься взять надо мною верх?

— А как же! Слово — наше оружие. Одна у него слабость — оно пригодно лишь в честном бою. Ты же творец, Уильям! И не мне объяснять, как добывать победу.

Шекспир с тяжелым вздохом медленно сел на кровати.

— В честном бою... На равных... Ах, Кристофер! Ты-то свое уже прожил... Я признался врачу, что твоя роль выйдет жалкой. Формально так оно и есть. Ты тянешь меня в

болото, к новым несчастьям. Вернее, к старым, от которых я однажды убежал...

— Нет-нет, Уильям! Это вовсе не болото. Ты художник, черт возьми! Выходит, ты в ответе за свою эпоху. Это от тебя зависит, как потом люди станут думать о ней. Ты пишешь для себя, для своего времени? О нет! Ты творишь для тех, кто родится после. Чтобы в далеком двадцатом, читая твои пьесы, они могли установить связь времен. Удел художника — дать людям концы нитей Истории, которые можно связать в тугой узел. Дать в руки. Только тогда люди ощутят себя людьми. Удел художника — напоминать всем, что они человеки. Для них для всех ты остаешься Шекспиром, сыном и утвердителем своей эпохи. Ты не смеешь ее предать. Ибо не исполнишь тогда перед потомками свой долг. Да, долг!

— Это же мои слова, Кристофер!

— Разумеется, твои! Я лишь вызубрил их, как подобает прилежному актеру.

— Господи, я всех вас сочинил! И себя, и эту развязку... Все оживил... О господи! Теперь я обязан сыграть до конца... Финал, к которому я шел все эти годы... Я был трусом, я искал пути полегче. Но ведь понимал!.. Ну, что ж, Кристофер, помоги мне встать.

Он спустил ноги с кровати, тяжело поднялся и с трудом проковылял к окну.

— Спешить не надо. Береги себя, — заметил Марло, поддерживая старика под локоть. — Ты еще нужен. Очень нужен... Всем нам. Понимаешь?

— Да-да, — рассеянно кивнул Шекспир и обернулся, будто бы высматривая, не забыл ли что. — Жене я написал, — чуть слышно прошептал он. — Она все поймет... Не то что я... Хотя... О, боже, дай силы мне и тем, к кому я был привязан! Ты видишь: я обмана не хотел. Но я был слеп и истины не замечал. Теперь пришла расплата. Пусть! Зато меня в бесчестии не обвинят. Шекспир уходит жить!

— Гляди, Уильям, какая ночь глухая... Нам это на руку — ни одного огня. Весь Стрэтфорд спит. Никто нас не заметит.

— Хоть в этом повезло... Ну, ладно. Помоги-ка мне, Кристофер, перелезть... Вот так. Пошли!

И они оба исчезли в черном проеме окна.

Только гулко-равнодушно стучали по ветру распахнутые настежь ставни...

Сцена опустела.

Зал молчал, еще не понимая, что произошло.

И тут приглушенный вопль прорезал тишину.

Нелепо размахивая руками, врач сорвался со стула, растолкав сидящих впереди, бросился к импровизированной сцене, взлетел на нее одним прыжком и, полный самых немыслимых предчувствий, подбежал к окну.

Никого.

Лишь на короткое мгновение в лицо пахнуло сыростью и прохладой, да мелькнули в туманной дали островерхие крыши старинных домов.

Будто наваждение... И все.

Сверкнула молния, ударил гром, и хлынул ливень, поглотив совсем и эту призрачную картину.

Еще долго врач стоял, не шевелясь, и бессмысленно глядел в окно, где бушевала непогода — грубый красочный рисунок на растянутом холсте, простая декорация...

Она пришла на следующий день. Поздоровавшись, протянула обещанный листок. Ни о чем не спрашивала, не суежилась — глядела безучастно и сосредоточенно перед собой и лишь терпеливо ожидала, когда врач кончит читать.

«Прости, любимая, но, кажется пора все объяснить. Самое простое — окружить меня презрением, негодовать. Самое имя заклеить проклятьем. Я, наверное, достоин этого. Однако же попробуй и понять! Я был кругом в долгах. Меня судили и обрекли на долговую яму — на бесконечные тринадцать лет тюрьмы... И я повел себя, как жалкий трус. Лгал всем и, главным образом, — себе.

Я испугался, понял, что писать мне не придется, — а столько замыслов теснилось в голове!.. И я бежал... Лишь бы подальше, чтоб не достали, не нашли... Поверь, бежать несложно. Во сто крат трудней остаться, стараясь уберечь все человеческое в собственной душе. Ничтожество, я без борьбы надеялся создать достойное Шекспира! Теперь мне ясно все... Я потерял себя, а стало быть, и вашу веру. Я искуплю свою вину. Пора вернуться. К мукам, к горю, но это же — моя судьба! Шекспир не покидал своей эпохи! Он был честен. Так считают люди. Что ж, я не смог их обмануть. Не надо плакать, обижаться — видит бог, я был с тобою счастлив. Но — мне пора... Благослови на дальнюю дорогу... Прощай, хорошая.

Твой Билли.

Врач сложил письмо и долго вертел его в руках, прежде чем заговорить.

— Ваш муж исчез, — сказал он наконец. — Вчера, в конце спектакля. Мы, конечно, объявили розыск... Но — все равно... Это похоже на чудо!

— Ну, что вы, доктор, — женщина горько усмехнулась. — Ничего сверхъестественного нет. Просто надо было вовремя — поверить. В него поверить...

«...лишь бы отправиться в путь...»

Евгений Сыч

ЗНАКИ

1

На рассвете солнце встает из-за горы огромное и добродушное — не жжет, а согревает. Добродушие вообще свойственно огромным и непроснувшимся. Но по мере того, как поднимается оно в зенит, чтобы обозреть подвластную ему землю, солнечный круг уменьшается и, наконец, становится тем, что есть — маленьким раскаленным кружком, посылающим на землю жесткое излучение, которое помогает выжить одним и иссушает других.

Огромное солнце показалось из-за ближней горы и съежилось. Быстро и неотвратимо начиналось утро праздника и несчастья.

В это утро из недалеких деревень приходили в город крестьяне. Они приносили с собой на обмен что-нибудь — вязанку хвороста, мешок кукурузы, приводили с собой детей: здоровых двадцатилетних парней, и дочерей — девиц на выданье, и голоногих подростков, и малышей, совсем еще несурзных.

Трудно ли устроить праздник? Кто его делает, знаете? Праздник люди делают сами, они все делают для того, чтобы был праздник и было хорошо. Только и нужно им — знать, когда праздновать, а еще — чему радоваться. Об этом лучше всегда заранее сообщать, предупреждать. А еще лучше, если программа дня не вчера придумана, если она проверена поколениями, освящена традицией. Вот тогда праздник будет настоящим! За месяцы станут ждать его, вспоминать о нем, о будущем празднике, готовить его в себе. И когда соберутся — все в чистом, все в праздничном, нужно только не обмануть их ожиданий: сделать все так, как они вспоминали, как надеялись — «как в тот раз». А в тот раз сильно хорошо было... Известно — праздник! Отцы все серьезные, матери озабоченные. Дети просто радуются, юноши и девушки присматриваются.

Если сейчас им преподнести что-то новое, если сейчас их чем-то ошеломить, то только помешаешь им праздновать: отцам быть серьезными, матерям — озабоченными, юношам и девушкам — присматриваться друг к другу. Только детям будет хорошо, им все равно что, лишь бы что-то. Значит, важно добиться, чтоб никаких отклонений, чтобы все как всегда, чтобы был праздник. Лучше всего программа стандартная, проверенная. От добра добра не

ищут.

Сначала ярмарка. Постоять, поробеть немного. Сменять у кого что есть на кому что надо. Привыкнуть, подивиться — пестро живут, шустро, шумно — лихие люди в городе. Пива выпить чуток — не чтоб напиться, а от стресса только.

Ну, а там все на поле. Состязаться. Состязаться, конечно, будут не все, состязаться будут юноши: в беге, борьбе, метании снарядов, стрельбе. В военно-прикладных видах, в общем. Спорт, он чем хорош? Во-первых, здоровые все физически, а значит, работают лучше и в случае чего — резерв надежный. А во-вторых, чем больше бегаешь, тем меньше мыслей разных, ненужных в голову лезет. В здоровом теле — здоровый дух. Умели люди сказать! Такие высказывания называются аксиомами. Аксиома — это то, что не надо доказывать. Нет, в самом деле не стоит доказывать. Лучше запомнить и все, а то еще запутаться можно. Логика вообще вещь запутанная: тезис, аргумент, а то еще — тезис, антитезис, синтез. Чтобы истину доказать, чтобы всем все объяснить доступно, эти премудрости надо насквозь знать. Те, кто аксиомы измышляет, обучены чему следует, и, между прочим, хороший паек за свою работу получают. А остальным потому надо слушать и запоминать дорогостоящую мудрость: в здоровом теле — здоровый дух.

Так что, чем больше народу прыгает и чем дальше — тем полезнее для общества. Остальные пускай на прыгающих смотрят, это тоже полезно. Отцы вспоминать будут, как в свое время прыгали. Девушки пусть приглядываются — им замуж выходить, а муж, он всегда лучше, когда поздоровее. И подростки тем временем тоже пусть прыгают, поодаль, — придет и их черед соревноваться. Пример старшего брата — лучший пример. Ну, а матери, матери только и надо, чтобы дети здоровые. Так пускай смотрят — умиляются. Положительные эмоции — вещь полезная. Праздник! Все при своем интересе. Что и требовалось.

Третий пункт программы — казнь. Сожжение. Из всех видов казни этот особенно эффектен. Удушить или там укоротить на голову — это все быстро и недостаточно зрелищно. Видимость плохая, особенно, если много присутствующих. Между тем, желательно, чтобы каждый видел своими глазами хоть что-то, детали-то он домыслит. Ближние — ближе стоящие — чувствуют на своих лицах жар костра. Дальние во всяком случае видят пламя или хотя бы дым и чувствуют запах горелого. Хотя, если быть до конца откровенным, не так уж много запаха от одного преступника... Но, тем не менее, сожжение — наиболее богатое нюансами общественное мероприятие. Без него праздник — не праздник.

Кого сожгут сегодня на площади — очередного отравителя или поджигателя? Вот и хорошо, что сожгут. Значит, никуда он не спрячется, никуда не денется от бдительного ока Инки, отца народа, всевидящего, всепроникающего. Значит, спокойно могут жить законопослушные граждане, тверда и крепка власть над ними...

...Взяли Амауту ночью. Черт его знает, что он там наизобретал, лучше без рекламы, чтобы не привлекать лишнего внимания.

Ночь Амаута просидел в дежурке, потому что начальство на его счет не дало никаких указаний и дежурный не знал, в какую камеру его следует помещать. Утром охранник повел арестованного по длинным коридорам и переходам в кабинет следователя.

— Доброе утро! — сказал следователь. — Прошу садиться!

И показал на трехногую неустойчивую табуретку. Садиться Амаута не захотел. Он был сильно возмущен.

— По какому праву? — сказал он.

Следователь поморщился. Он не любил банальностей, хотя и притерпелся к ним на своей работе.

— Вы садитесь, садитесь, — посоветовал он. — Зачем же стоять? Разговор у нас будет серьезный, возможно, и долгий — это от вас зависит. И не кричите. Вы человек ученый, должны знать, что сила не в громкости.

Амаута сел. Надо сказать, что за бессонную ночь он порядком устал, к тому же сидеть для него было более естественно, чем стоять на ногах.

— Так что там у вас случилось? — спросил следователь. — В чем дело?

— Это я у вас должен спросить, в чем дело?

— Давайте договоримся, — сказал следователь, — здесь спрашиваю я.

— Но я не знаю, что говорить! — возмутился Амаута.

— А вы рассказывайте всю правду, — посоветовал следователь. — Так легче.

Амаута говорил долго и старательно. Следователь не очень разобрался в тонкостях, зато в ходе следствия выяснилось — и подследственный этого не отрицал, — что он изобрел знаки для записи звуков речи, что работу вел втайне от широкой общественности, посвящая в свои исследования лишь узкий круг лиц, что, возможно, сложилось тайное общество, один член которого — ученик Амауты, а других подследственный не назвал. Следователь сделал вывод, что изобретение велось с целью, выяснить которую конкретно не удалось, но по аналогии вещественных доказательств можно предположить: с целью вызвать эпидемию холеры, так как подобный прецедент имел место в период правления отца народа Явар Вакана.

Этого было достаточно для передачи дела в святейший трибунал.

Настал день суда, и был суд.

Амаута ждал его давно с нетерпением и надеждой. Надеялся он не на мягкость, не на доброту, не на забывчивость или слабость судей. Нет, наоборот, он хотел, чтобы суд был как можно более беспристрастен и строг. Строгость, научная строгость — непременное условие установления истины. Честно сказать, раньше, до всей этой глупой истории, он относился к судейским с некоторым предубеждением, попросту считал их людьми недостаточно умными, для того, чтобы заниматься каким-либо более серьезным делом. Сейчас, после длительного общения со следователями, он только и хотел, чтобы ему была предоставлена возможность объяснить все людям, находящимся на более высоком интеллектуальном уровне. Людям, способным понять его объяснения. Не на эмоции он рассчитывал — на логику.

Председательствующий на чиновника походил мало. Создавалось впечатление, что он вообще участвует в разбирательстве из собственного любопытства. Судейские относились к нему с большим почтением, это Амаута отметил сразу. Сначала, пока шла обязательная процедура возраст, родители, род занятий, — председательствующий молчал, только смотрел на подсудимого внимательно и с интересом. Задающего вопросы он не слушал вообще, и Амаута торопился скорее ответить на все это, второстепенное. Ждал разговора — умного, интересного. И дождался.

— Так в чем же заключается суть вашей работы? — спросил председательствующий.

— Я разложил речь на звуки и зафиксировал их. Что такое звуки? Единицы речи. Мельчайшие части, из которых состоит слово. Вот я говорю: «Инка», при этом — следите! — произношу: и-н-к-а. И, н, к, а — звуки, составляющие речь. Всего их не так много, как может показаться, всего я насчитал основных, часто употребляемых, сорок восемь звуков. И для каждого придумал знак-изображение, букву, иначе говоря. Теперь я могу с помощью этих знаков зафиксировать любое слово.

— Зачем?

— О, ваша милость, область применения этого изобретения в реальной жизни исключительно велика. Например, правитель произносит речь, а десяток специально обученных рабов записывают ее на пергаменте. Получаем десять экземпляров речи. Один отложить в архив, для потомства, остальные девять гонцы разнесут в провинции, доставят губернаторам. А там те, кто знает эту систему знаков, прочитают речь, и губернатор будет в курсе последних событий.

— Ты хочешь сказать, что слова Инки будет повторять язык простолюдина?

— Нет, это не обязательно. Можно научить разбираться в буквах и губернатора.

— Ну-ну, — засомневался председательствующий.

— Ваша милость, — убежденно сказал Амаута, — любой человек в состоянии овладеть знанием букв.

Высокий суд решил провести следственный эксперимент. Привели ученика. Председательствующий говорил на ухо Амауте слова, тот записывал их своими буквами-знаками на листках, раб относил листки ученику, сидящему в противоположном конце зала лицом к стене, и тот громко называл слова председательствующего, и ни разу не ошибся.

— Если ввести систему письменности, — оживился Амаута, видя, какой произведен эффект, — во всех провинциях страны судьи будут судить по одним законам, правители будут править, подчиняясь единым требованиям, а отчеты станут точнее, в соответствии с высочайше утвержденными инструкциями. Опыт великого военачальника может стать достоянием каждого капитана или лейтенанта. Знания, накопленные одним поколением, перейдут к другому без потерь, и через сто лет страна станет вдесятеро богаче знанием, чем теперь.

— Достаточно, — оборвал его председательствующий. — Мы поняли все. Ложь и правда будут одинаково изображаться буквами-знаками.

— Да, — признался Амаута.

— Слова правителя и слова плебея будут записываться одинаково, — продолжал председательствующий.

— Ну почему же, — замаялся ученый. — Можно изображать их разными по цвету, по величине.

— Не юли! — взорвался председательствующий. — Это вторичные черты, а по сути знаки будут одинаковые. Значит, ты хочешь приравнять правителя и плебея.

— Нет, ваша милость, — запротестовал Амаута. — Я не собирался делать этого.

— А что ты собирался делать? Бог дал нам глаза, чтобы видеть, уши, чтобы слышать, язык, чтобы говорить. А дал нам бог способность воспроизводить знаки?

— Но, ваша милость, — сказал Амаута, — бог дал нам руки, но не дал палку-копалку, которой крестьяне рыхлят землю, бог дал двадцать пальцев для счета, но не дал кипушнуры со счетными узлами, с помощью которых человек может считать до тысячи и больше.

— Демагогия — не согласился председательствующий. — Все это дал народу Великий реформатор Вира Коча, сын бога. А ты — тоже сын бога? В своей гордыне решил ты, что сын бога был глупее тебя, раз не дал этих знаков-букв, столь способных, по твоему разумению, облагодетельствовать человечество. Ты кощунствуешь, твои измышления кощунственны в самой основе. А мысль, в основе которой лежит кощунство, и деяние, прикрывающееся ею, не могут быть направлены на добро. Так для чего ты это придумал? Скажи нам, высокому суду, свои намерения. Открой правду перед лицом бога! Для чего?

— Я уже объяснял, ваша милость, — сказал Амаута, потерявшись. — Вы меня, наверное, не так поняли.

— Значит, ты считаешь нас неспособными понять тебя? Считаешь нас глупее? Ты впал в грех, это гнусно. Ну, что ж, — председательствующий оглянулся на прочих членов святейшего трибунала. Они сидели с застывшими лицами.

Амауту увели.

Во второй раз его повели на суд святейшего трибунала через неделю ровно. Он опять предстал перед ответственными лицами — лицами, ответственными за истину и правопорядок, и это были другие судьи, не те, что на первом заседании, и, вроде бы, рангом пониже. Когда он явился, ему сказали, что ввиду запутанности дела он должен сознаться и покаяться для облегчения совести. Амаута сказал, что согласен, и попросил поскорее закончить разбирательство. Утро было прохладное и пасмурное, и пасмурно было в стенах суда, где окна, задрапированные тяжелой тусклой тканью, и в солнечный день почти не пропускали свет.

Ему сказали, что его признание относительно греховных знаков, им изобретенных, чтобы записать человеческую речь, чтобы поймать звуки в клетку символов, чтобы уравнивать слова простолюдинов и властвующих, чтобы изменить мир и свергнуть отца народа и самого

господа, как подтвердили и свидетели, дают основание считать его, Амауту Ханко-вальу, колдуном, пытавшимся вызвать эпидемию холеры. И что из любви к богу и Великому Инке ему советуют сказать и объяснить всю правду относительно всего, что он сделал против веры и народа, и назвать лиц, внушивших ему это. Однако их увещания не смогли вытянуть из Амауты больше, чем он уже сказал на следствии и прошлом судебном заседании, причем теперь он говорил неохотно, словно понуждая себя повторять снова и снова слова, которые лишь скользили по их сознанию, повторять мысли, им непонятные и, конечно, неверно ими понятые.

Когда он замолчал, наступила тишина. Потом один из судейских сказал, что они, высокий суд, вынесли впечатление, что он, Амаута, говорит неправду, вследствие чего и пришли к убеждению, что необходимо пытать его.

Однако они считают своим долгом предупредить, что из любви к богу ему предлагают сначала, до пытки, сказать правду, ибо это необходимо для облегчения совести.

Амаута ответил, что он уже сказал правду.

Тогда выступил вперед второй судейский, неотличимо похожий на первого, без особых примет, и сказал скороговоркой заученную формулу:

— Ввиду сего по рассмотрении данных процесса мы, высокий суд, вынуждены присудить и присуждаем Амауту Ханко-вальу к пытке водой и веревками по установленному способу, чтобы подвергался пытке, пока будет на то воля наша, и утверждаем, что в случае, если он умрет во время пытки или у него сломается какой-нибудь член, это случится по его вине, а не по нашей. И судя таким образом, мы так провозглашаем, приказываем и повелеваем ныне, заседа в суде.

Приказали отвести обвиняемого в комнату пыток и отвели.

Находясь уже в комнате пыток, члены святейшего трибунала спросили Амауту, не хочет ли он сказать правду до раздевания. Он ничего не ответил и стал раздеваться.

Когда он был раздет, его стали увещевать сказать правду до начала пытки. Он ответил:

— Я не знаю, какую еще правду вы хотели бы от меня услышать.

Его посадили на скамью и стали вязать руки веревками и, прежде, чем прикрутить их, его увещевали сказать правду. Здесь, в комнате пыток, было куда светлее, чем в зале суда, потому что комната была маленькая. Факелы горели ровно. Пламя совсем не колебалось.

Он ответил, что ему нечего говорить. Тогда было приказано прикрутить и дать один оборот веревке. И так было сделано. «О господи!» — произнес он.

Тогда приказали дать второй оборот веревке, и дали, и предложили сказать правду. Он спросил:

— Скажите, неужели вы действительно ждете от меня чего-то?! И чего? Видит бог, я готов подчиниться вашей милости, но в чем?

Тогда приказали еще раз прикрутить веревку, и прикрутили, и сказали ему, чтобы он раскаялся из любви к богу. Он ничего не ответил.

Тогда приказали еще раз прикрутить веревку, и прикрутили, и он ничего не сказал.

Тогда приказали еще раз прикрутить веревку и сказали, чтобы он говорил правду из уважения к богу. Он ответил:

— Я сказал правду. Я говорю правду. — И застонал.

Тогда еще раз прикрутили веревку и просили, чтобы он сказал правду. Он простонал и ничего не сказал.

Тогда приказали потуже прикрутить веревку, и прикрутили. Он сказал, что не знает, чего от него хотят. Ему ответили, что желают услышать от него правду. Он ничего не сказал.

Приказали еще раз прикрутить веревку, и прикрутили и попросили его сказать правду. Он ничего не ответил. Затем сказал:

— Я был сумасшедшим. Я был пьяным. Я веровал.

Тогда приказали еще раз прикрутить веревку, и прикрутили, и просили его сказать правду ради бога. Он простонал.

Еще раз прикрутили веревку. Он ничего не сказал.

Еще раз прикрутили веревку — простонал.

Тогда его привязали к станку и сказали ему, чтобы из любви к богу сказал правду прежде, чем начнется пытка. Он ответил, что готов еще раз рассказать все, всю свою жизнь, все, о чем думал и к чему стремился.

— Ты хотел колдовством обрушить бедствия на людей? — спросили его.

— Я хотел дать великое знание, — ответил он.

— Скажи правду во имя бога! — сказали ему.

— Я не знаю вашей правды, — простонал Амаута.

Затем приказали привязать его к станку за каждую руку одной веревкой и за каждую ступню одной веревкой и за каждое бедро одной веревкой. В каждую веревку вставили палку и привязали ему голову, сказали, что просят из уважения к богу сказать правду до начала пытки. Он ответил:

— Я стар. Я готов служить богу, — и заплакал.

И за нежелание сказать правду приказали прикрутить ему веревку у правой руки и прикрутили. Он плакал и ничего не говорил.

Тогда ему прикрутили веревку у левой руки. Он закричал, плача:

— Нет правды на земле!

Затем сказал, что он от всего отрекается.

Его спросили, от чего он отрекается.

— Не знаю, — сказал он.

Тогда приказали прикрутить палку от правой ноги и сказали, чтобы он говорил правду. Он крикнул несколько раз:

— Все! Все!

Тогда приказали поднести к его лицу чашу с водой и сказали, чтобы он говорил правду, пока не начнется пытка. Он ничего не сказал. Тогда приказали облить его водой и облили.

— О господи! — сказал он. — Чего же от меня хотят?

И знаки, буквы, эти греховные его творения стали заполнять тесную комнату, и в каждой капле воды извивался какой-то знак, и было их уже не сорок восемь, а больше, и они росли, делились и множились, строились, маршировали на плацу, и было слишком светло, потому что комната была маленькой.

Его облили из второго сосуда и просили, чтобы он сказал правду прежде, чем его будут пытать еще. Он спросил:

— Что я должен сказать?

Ему ответили, что хотят услышать правду. Он закрыл глаза и сказал:

— Я изобрел эти знаки для того, чтобы вызвать холеру в народе.

Он покаялся во всем.

2

Покаюсь и я, только покаявшемуся может быть дано отпущение. Каюсь и я, каюсь перед небом и людьми в тяжком грехе плагиата. Сознаюсь, клянусь торжественно и под присягой — это не я придумал, это святая инквизиция и ей подобные учреждения, существовавшие задолго до и много после. Я же ни разу не видел, как пытаются человека водой и веревками. Сам я против этого, против насилия и никогда, ни за что, ни в коем случае не смог бы причинить человеку, пусть даже виновному в том, что с помощью знаков или символов он хотел повергнуть мир в чуму, так вот, даже такому не смог бы я причинить физическую боль. Ну, уж если бы вынудили обстоятельства, если бы ждало человечество от меня лично спасения... но и тогда я поступил бы по-другому. Есть же другие методы! Можно посадить преступника на табуретку и увещевать его отказаться от преступных замыслов, показывать ему фотографии того, что он намеревался уничтожить, фотографии детей и зверей, людей, живущих мирной счастливой жизнью, и просить, умолять признаться ради человечества и человечности, назвать сообщников — потому что и их ведь необходимо

обезвредить. А своим сотрудникам, тому, кто сменил бы меня на моем посту и допрашивал бы виновного, я запретил бы даже голос повышать на заблуждающегося. И только когда он пытался бы избежать разговора, не слушать несущих добро слов, спрятавшись в сон (некоторые особенно ожесточившиеся на людей отщепенцы способны спать даже сидя на табуретке), я стучал бы по столу карандашом, легонько, вот так: тук! тук!

На третьи, максимум на четвертые сутки слова любви к человечеству отогрели бы застывшую душу, и он сам бы мне все рассказал, и мы вместе поплакали бы светлыми слезами, радуясь великому чуду перерождения. Проверено. Это ведь тоже не я придумал: проверено португальской охранкой.

Но, к сожалению, в том времени, о котором я пишу, были приняты свои, жестокие и антигуманные, методы допроса. Впрочем, я опять должен покаяться: я даже не знаю, что это за время, где его начало и конец. Возможно, что оно даже не существовало вовсе, либо — но это только предположение! — что оно бесконечно. Меня занесло туда случайно, я не хотел, я все правильно до этого говорил и делал.

— Синий, — говорил я.

— Нет, белый.

— Синий! — нажимал я.

— Нет, просто очень сильно белый.

— Желтый, — сказал я менее уверенно.

— Нет, — возразили мне. — Просто очень немного белый. Слабый белый, умирающий белый.

Тогда я взял фотоаппарат, чтобы раз и навсегда решить этот спор. Ведь свет, изломанный в линзах объектива, попадая в химию пленки, увязает там, остается навеки, как звук в букве, как ящерка в янтаре. «Какой черт ее туда занес?» — думаем мы теперь. А, может, ее кто-нибудь загнал туда? Ответа нет — давно это было. Видно только: ящерица в янтаре. Видно, какие у нее лапы, какой хвост, какие когти... Так и свет на фотографии, на бумаге — в самом крепком хранилище — остается навеки таким, каким увидел его фотоаппарат.

— Убери эту штуку, — сказал Амаута.

— Нет, — ответил я. Фотоаппаратом я гордился. Он был очень новый, самый современный, а значит, и самый хороший — так все считают. Я почти не расставался с ним.

— Дай! — Он взял фотоаппарат и засунул свои тонкие сильные пальцы внутрь, прямо в середину.

И смешалось время, как земля в горсти. Я вижу это, но не властен исправить. Я по-прежнему делаю все, как надо: ставлю выдержку, диафрагму, дальность — светофильтры почему-то не надеваются. Светофильтры, отсекающие тот свет, который не нужен, и пропускающие тот, который необходим, спадают с аппарата, не закрепляются — и все. Это не только неудобно, это меняет все дело. Мой дед, когда увидел свою фотографию, был просто разъярен и сказал, что чего-чего, а этого он от меня не ожидал. А мне и возразить нечего. Я ответственен, раз держу фотоаппарат в руках, я, а не тот, кто его сделал или испортил. Верно? Те — далеко, до них не дотянешься, а я — вот он, все видели: человек с фотоаппаратом в руках.

Когда люди замечают объектив, направленный в их сторону, они на секунду замирают, потом вздрагивают и сразу стараются принять наиболее удачную, на их взгляд, позу, сотворить на лице самое подходящее выражение, чтобы вечность застала их подготовленными.

И затвор щелкает. Щелк сверху, и люди — точки, еле видимые на асфальте. Щелк снизу — и человек нависает великаном.

Наверное, только когда человек рождается или умирает, аппарат фиксирует событие помимо его воли, как неоспоримый факт, как запись в книге актов гражданского состояния. Вообще же фотографии знаменуют этапы. Достижения. Остановки в пути. Они равно готовы запечатлеть естественные и вовсе неправдоподобные моменты: профессора математики с

перевернутой шляпой в руке или абажур татуированной кожи над обеденным столом. А вот человек признается в дружбе, горячей, до гроба, дружбе и любви. Потом, потрясая этими снимками, он сможет утверждать: «Видите, какой я был! Как я его любил, как мы всех их любили, как мы жали им руки!» В этих случаях с одного негатива делается несколько снимков. Теперь над свершившимся мнения бессильны: фотография — документ истории. Выхватывает объектив из жизни, чтобы сделать достоянием вечности, руку с оливковой ветвью, ногу в тяжелом башмаке со стальной стелечкой, лица — скорбные, радостные или равнодушные. В фас и в профиль. А на обороте или внизу, под фотографией, подпись, сообщающая, что снято, и не объясняющая — для чего. Ведь люди, знакомые с письменностью, иначе говоря, умеющие читать, и так все поймут.

Возможно, Амауте следовало бы изобрести фотоаппарат, а он придумал способ делать подписи к снимкам.

3

— Да, еще один разговор у меня имеется. Я прошу не оказывать милости некоему Амауте Ханко-валу в случае, если он обратится с просьбой, и в ближайший праздник сжечь его при большом стечении народа на площади.

Два солнца сошлись под высоким сводом овальных покоев во дворце правителя, два солнца, равные друг другу по сиянию и величию: племянник и дядя. Инка — отец народа, и Верховный жрец — главный идеолог государства, и длинная их беседа уже подходила к концу. Они не часто встречались один на один, каждый предпочитал править сам в своей области, а в чужую епархию не вмешиваться. Они не часто встречались и потому, что не слишком стремились видеть друг друга: тесно двум солнцам под одной крышей. Но сегодня дела свели их вместе, и Святейший сам пришел к своему младшему родственнику и сам приказал удалиться слугам, что подчеркивало серьезность и конфиденциальность разговора. Инка насторожился при этом, но время шло, а высочайший диалог все скользил на поверхности многотемья, касаясь десятков вопросов и до сих пор ни один не ставя ребром.

— Почему? Он ваш личный враг, Святейший? Я не увидел в этом изобретении ничего опасного для религии и государства. К тому же в знаках-буквах что-то рациональное есть.

— Инке известно, в чем заключается изобретение?

— Я буду рад услышать об этом еще раз.

— Амаута нашел способ фиксирования, хранения, передачи и распространения информации.

— Вас это пугает?

— Не понял, — застыл Святейший.

— Пусть так: чем вам не нравится это изобретение?

— Он не первый додумался до письменности, — сказал Святейший.

— Я знаю, письменность была запрещена Инкой — основателем династии, — перебил правитель. — Но с тех пор столько воды утекло, что можно, наверное, безболезненно нарушить запрет.

— В период правления отца народа Явар Вакана, — напомнил жрец, — была сделана попытка еще раз возродить письменность, но правитель мудро сжег ее изобретателя. Многие века народ обходился без умения читать и писать, но стал от этого только счастливее. И наш долг следовать заповеди сына бога, который под страхом смертной казни запретил знаки-буквы навсегда.

— Навсегда! — взвесил Инка. — Страшное слово.

— Это необходимо, друг мой, иначе мы выпустим знания из стен правительственного дворца, и тогда его не сдержат никакие границы. Этот Амаута наглядно доказал, что любой человек может научиться записывать и расшифровывать буквы-знаки. Царедворец, раб и простолюдин перед лицом этого метода равны. Мы не можем контролировать все, что пишут и читают люди в нашей стране, а значит, не сможем управлять людьми так, как это делаем

сейчас. Если сегодня народ слышит правду только от наших глашатаев, воспринимает ее на слух и принимает к сведению, даже не очень размышляя о ней, — все равно мысли скоро забываются и особого значения не имеют, — то узнав письменность, они смогут фиксировать информацию, обмениваться ею и мыслями по ее поводу, фиксировать и эти мысли, и свои наблюдения, и мнения, пусть даже ошибочные. Устная история, хранителями которой сейчас являются наши жрецы, отсеивает все лишнее, отделяет злаки от плевел и уже в таком виде передает следующему поколению. Мы бережем чистоту истории и ее соответствие авторитету династии. Мы должны быть уверены, что народ пользуется только этим, чистым знанием, а никаким иным. Лояльность обеспечивается всеобщей и полной ликвидацией всякого самопроизвольного знания, всякой незапрограммированной мысли.

— Того ученого, при Явар Вакане, сожгли за то, что он вызвал холеру, — вспомнил молодой правитель. — Это что — миф?

— А какое имеет значение, была в то время холера, или не было ее, — усмехнулся Святейший. — Ведь холера случается время от времени, не правда ли? Вот и еще одно доказательство в пользу того, что письменность не нужна: у нас нет документа, удостоверяющего наверняка, вызвал преступник холеру или эпидемия произошла век спустя. Мы знаем только, что его обвинили и сожгли, — не зря обвинили, наверное, раз сожгли. Это истина настолько древняя и широко известная, что всем кажется вполне естественной и даже единственно возможной. Тем лучше для дела: народ будет поддерживать приговор.

— Но, может быть, у этого Амауты вовсе не было преступных замыслов? — сделал еще одну попытку усомниться Инка — отец народа. — Будет ли справедливо предавать его огню?

— Если он не виновен, бог вознаградит его в стране, где нет ни забот, ни печалей, — ответил Святейший.

— Пусть так, — сказал правитель. — Твоя взяла, дядя! Да свершится воля наша и да не будет милости преступившему древний закон.

— Я рад, что мы пришли к общему мнению, — сказал Святейший. — Народ будет доволен, — добавил он, уже стоя в дверях.

До ближайшего праздника оставалось пять полных лун.

Каждый день Амаута что-то терял: веру в правду, в справедливость, в бога, в гуманность правительства, в свой долг перед государством. Только всегда ли потери — зло? Намереваясь строить дом, человек запасает камни, чтобы складывать фундамент и стены. Но если вокруг пустыня, камни становятся бессмысленным грузом: не построить здание на песке. И сбросив их с плеч, только освободишься от тяжести, от гнета, и станешь более жизнеспособен в данных условиях, чем человек, который тащит на себе через пустыню кирпичи.

Настал его день, день праздника и несчастья.

Амауту привели на площадь — пуп города, так же, как город — пуп страны. Привязали, стали ждать. Ждали народ — главное действующее лицо намеченного спектакля. Народа не было, состязания занимали его сейчас согласно программе. Всему свое время. Только отдельные зеваки, из тех, вероятно, которых спорт по причине собственной неполноценности не привлекает, застенчиво околачивались где-то по периметру площади. Что их тянуло сюда — не понять, да и незачем понимать. Не входило это в задание, а задание лейтенанту — молодому, подающему надежды отпрыску хорошей военной фамилии, было дано следующее: обеспечить надежную охрану преступника до того, как его сожгут, и места казни, пока пепел не будет надлежащим образом собран, истолчен и развеян по ветру. Все остальное лежало на ответственности жреца и двух его дюжих помощников. «Где ж он ветер-то возьмет? — лениво размышлял лейтенант о заботах жреца. — Жара такая — мертвый штиль. Только и остается, что к богу с рапортом обратиться».

Собственно, задание было совсем легкое, обеспечить порядок здесь смог бы и ефрейтор. Просто традиция существовала, — проверять всех перспективных офицеров во всех возможных ситуациях. Противно, конечно, но необходимо. Вроде касторки.

Ладно, хоть преступник оказался спокойный. Стоял, запрокинув голову, касаясь затылком столба, и, шурясь на солнце, улыбался. Пока все обходилось, слава богу, без лишних эмоций. Даже скучно стало. Нервно так, беспокойно скучно — зевать постоянно хотелось. «Нехорошо, — убеждал себя лейтенант, — нехорошо. Тоже довод — скучно. Надо быть серьезным и собранным. Наверняка наблюдают откуда-нибудь, зевни лишний раз — заметят, доложат. Выдержки, скажут, нет». А хотелось ему сейчас уйти за город, лечь на сухой глинистый склон и полежать, лениво глядя-не глядя в небо. До вечера. А потом вернуться в город и напиться, ну, последнее-то не уйдет. «На кой пригнали-то так рано? — думалось лейтенанту. — Скульптурную группу изображать? Выправку демонстрировать? Хоть было бы перед кем. Скорее бы все это кончилось. Надоедает. Честное слово, начинает надоедать».

Обязанности лейтенанта четко обусловлены традицией и приказом. Расставив солдат, он должен встать у самого помоста, впереди и чуть справа от преступника. И так — до огня. Когда огонь разгорится, он может отойти, но не больше, чем это необходимо. Только-только, чтоб не поджариться самому. Таков приказ. А приказы не обсуждают, их выполняют.

— Торгуешь? — послышался голос за спиной.

Лейтенант поморщился. «Этого вот только и не хватало для полного счастья, — подумал он. — Сейчас плакаться начнет, на нервы действовать».

— Знаешь, зачем ты тут стоишь, лейтенант? — риторически, не ожидая ответа, спросил преступник. — Ты меня продаешь. Точнее даже, продаешь ты не меня, а зрелище, большое театрализованное представление под названием «Сожжение государственного преступника», — привязанный говорил негромко, но лейтенант стоял от него всего в двух метрах и отойти не мог, не имел права. И не было шума, способного заглушить слова, народ еще не собрался, а потому слышно было каждое слово ясно и отчетливо.

— Вот ты, наверное, сейчас думаешь, — продолжал преступник, — почему это тебя, боевого офицера, человека из первой зоны, поставили сюда выполнять задание, с которым справился бы любой ефрейтор. Думаешь? Так вот, сейчас ты — реклама. А реклама должна быть яркой, броской. Иначе товар не продашь, это любой торговец знает. А продавать будет кому — сюда соберется море публики. Еще бы! Шестеро солдат, лейтенант... Наверное, что-то интересное. К тому же власти так добры, что не берут за это зрелище денег. Публика валом повалит на дармовщинку — и ошибется, как всегда. Расплачиваться за сегодняшнее зрелище она будет всю жизнь, страхом и послушанием. А ты и вправду похож на витрину, лейтенант: бляшки начистил, значки нацепил, побрился гладко. Как на свидание. Все верно, хоть и придет на это свидание не одна какая-то конкретная девица, а толпа. Но и толпа, она — женщина: капризна и истерична, любит силу, энергичность, жестокость, любит яркое, хорошо воспринимает, когда ей льстят и когда на нее прикрикнут. У этого задания, которое ты сейчас выполняешь, лейтенант, есть одна хорошая сторона — сегодня вечером уйма женщин захочет принадлежать тебе. Если, конечно, ты сможешь простоять до конца вот так: прямо, упруго и мужественно. Только боюсь, что для тебя самого этим вечером все женское внимание будет ни к чему, вряд ли ты окажешься еще на что-то способен сегодня. А вот напиться — да, напиться рекомендую. Большое облегчение для нервов — напиться вовремя. А то еще, чего доброго, заснуть не сможешь.

Амаута развлекался.

Последние полгода он просидел в одиночке. Кормили там неплохо, сначала это даже вселило в него надежду, но, подумав, он сообразил, что к чему, и радоваться перестал. «Товарный вид придаете?» — спрашивал он тюремщика, который молча просовывал в оконце — три раза в день — положенный паек смертника. Тюремщик не отвечал. За полгода у Амауты было время поразмыслить о том, о сем, но не с кем было поговорить. По разговору он скучал, по собеседнику — пусть глупому, пусть молчаливому. Он даже вспоминал с сожалением о том времени, когда шло следствие. Попытки стерлись, потускнели в его памяти. Да, были пытки, но была и радость общения, пусть жалкая радость, пусть квазиобщения, но была. Если бы к нему в камеру посадили любого человека, уголовного или даже

provokatora, он был бы счастлив безмерно. Но смертник должен в одиночку обдумать всю свою жизнь, свои ошибки — чтобы полнее воспринималась милость прощения.

Если он покается перед казнью, то ему будет даровано прощение. Так сказал вчера тюремный жрец. И в этом случае сгорит только его грешная телесная оболочка, а душа, очищенная покаянием и страданием, взлетит прямо в небо, прямо к богу. Гораздо опасней, предостерег жрец, погибнуть неожиданно, пусть даже в бою за правое дело, но не получив предварительного отпущения грехов. «Вот это да, — подумал Амаута, — вот это льготы! Какая такса! Десятки лет праведной жизни стоят пяти минут покаяния».

Сейчас, произнося напрасные слова больше в воздух, в общем-то, чем непосредственно лейтенанту, он прикидывал: стоит каяться — нет? Говорят, что подкова на пороге приносит счастье даже тому, кто в это не верит. Так, может, все-таки покаяться? К тому же, за это обещали придушить, как только поднимется первый дым. Не дадут сгореть живо. Неприятно, наверное. Хотя, конечно, и придушат — тоже радости мало. Но все-таки...

И тут ему стало смешно: странное существо — человек. Любит выбирать. Так или иначе, за или против, под или над, с маслом или с медом, за наличные или в кредит, немедленно или после свадьбы, быть или не быть.

— Знаешь, лейтенант, — сказал он, — ты сейчас представляешь государство. То самое государство, которое испугалось меня настолько, что считает своим смертельным врагом. Видно, не можем мы существовать вместе, я и государство, раз решило оно меня убить. И вот — я привязан здесь к столбу, и все, что здесь произойдет, нельзя назвать иначе, как убийством, убийством беззащитного человека. Насколько интереснее и благороднее было бы — слышишь, лейтенант! — отвязать меня и дать мне топор, и мы бы рубились с тобой здесь же, перед народом, — насмерть. Красиво, правда? Ведь ты бы зарубил меня наверняка, а, лейтенант? Ты же специалист, профессионал, моложе лет на двадцать, в отличной форме, тренирован с детства. Ведь никакого риска нет! Ведь ни малейшего! Почему бы тогда не попробовать? Ведь ты-то не отказался бы, а, лейтенант? Да вижу, вижу, не отказался бы.

— Знаешь, за что я здесь, лейтенант? — продолжал Амаута. — Тебе сказали? Я здесь, потому что хотел дать народу возможность обмениваться знанием. То, что сейчас знает один, могли бы узнать все. Крупицы знаний каждого собирались бы воедино и становились общим достоянием. Ты мог бы разом получить все, что ценой долгой и трудной жизни узнал твой генерал. И люди не скрывали бы своих знаний: всегда хочется, особенно в конце жизни, передать другим то, что накопил. Чтобы не пропало, продолжало жить в других. Если бы это вышло — может быть, ты стал бы генералом, лейтенант, не дожидаясь седины. Скороспелым лейтенантом-генералом нового правительства. А потом твои батальоны и полки, дивизии и армии разбил бы в пух какой-нибудь сапожник или кузнец, получивший те же военные знания. И он бы обязательно разбил тебя, потому что стал бы военачальником по призванию, а ты — ты офицер только потому, что не мог иначе: дедушка был вояка и отец — кадровый военный, тебе просто некуда было деваться, лейтенант, вот ты и в армии. Так что радуйся, из моей затеи в этот раз ничего не вышло, а то пришлось бы тебе в тридцать лет осваивать новую профессию. Вот почему ты сжигаешь меня связанного, лейтенант, — чтобы наверняка сохранить денщика и домик в первой зоне. Чтобы сменить домик на дом, больше и роскошней. Чтобы обвешаться орденами за то, что совершат солдаты, которых ты пошлешь на смерть. Чтобы получить пенсию — такую же, как у деда, или желательно, большую. Персональную. Так как, шевалье, руки не чешутся огонь зажечь? Ведь это ты меня сжигаешь, в конечном счете! Не терпится, наверное?

— Пачкаться! — неожиданно, ругая себя за невыдержанность, почти не шевеля тонкими губами, отозвался лейтенант. — Народ тебя сожжет, сам.

— Ну-у, — посожалел о лейтенанте Амаута. — Разве можно верить в этот анекдот, молодой человек? Главное — толпу собрать а в ней десяток можно найти для чего угодно. Скажи им, что на шест надо забираться, кто выше, — и полезут. Скажи, что надо магазины грабить или гимны петь, что это-де насущная необходимость и требование времени, — ограбят и запоют. Или скажешь, нет? Заметь, удобная форма: требование времени. Потом

начнут выяснять, кто виноват, кого судить — а некого. Время было такое, суровое, жестокое, не люди, — звери, а зверей — тех и вовсе выбили. Думаешь, на шест лазить — не человека убивать? А убивать — это даже интересней. Особенно безнаказанно — особенно, если за это еще и похвалят. Хочешь, эксперимент проведем: давай тебя привяжем к столбу. И тебя сожгут.

Между тем на площади стал собираться народ. Пришел откуда-то жрец с помощниками, которые сноровисто соорудили небольшой костерок невдалеке от помоста. Головнями из него, когда придет время, будет подожжен большой костер. Здоровые, хмурые ребята-носильщики притащили Святейшего в кресле под балдахином. Зеваки с периметра решительно устремились к центру площади, ближе к событиям.

Наконец народ повалил валом, и сразу стало тесно. Лейтенант вытянулся и закаменел, сейчас он даже слегка поблескивал на солнце, как будто его ненадолго окунали в жидкий азот.

— Давай-давай, лейтенант, — подбодрил его Амаута, — старайся! Близок твой час. Ты уж не ударь в грязь лицом, оправдай затраченное. Зря, что ли, тебя двадцать лет калорийно кормили и квалифицированно учили? — Лейтенанта слегка покорежило. — Ничего, — утешал его въедливый голос, — это еще только игрушки. Вот в следующий раз тебе, как оправдавшему высокое доверие, поручат убрать кого-нибудь без лишнего шума. Или дикарей усмирять пошлют за то, что на луну, мерзавцы, молятся и податей платить не хотят. А что ты думал, служба — развлечение? Маневры? Занятия физкультурой?

Звон гонга над площадью погасил все остальные звуки, как магниевая вспышка гасит свет. Насторожилась тысячеголовая масса. К Амауте подошел жрец и, гнусава, стал тыкать в лицо что-то священное. Амаута глядел на него с сомнением, соображал: каяться все-таки или не каяться?

— Не так бойко, святой отец, — решил он окончательно, — а то ты мне зубы повредишь этим предметом. Отойди, не засти. Покаяться хочу перед народом в страшных грехах. «Такая трибуна, — подумал он. — Такая широкая и представительная аудитория. Грех совершу, если не воспользуюсь. Большой грех».

— Народ! — обратился он к толпе. «Какой голос», — уважительно подумали лейтенант и Святейший одновременно.

— Народ! Нес я тебе большую правду, да не донес. Отобрали они, — Амаута обвел глазами первый ряд почетных гостей, — ее у меня, спрятали. Казните меня теперь!

— Он хотел насрать на народ холеру! — закричал жрец. — С помощью колдовства! Вот его колдовские знаки!

Амаута почувствовал, что ничего уже никому не сможет объяснить. Он замолчал и смотрел теперь на народ спокойно.

Жрец тоже замолчал. Собрался с мыслями.

— Отдаю твою душу дьяволу, нераскаянный грешник, — вспомнил он формулу. — Люди, кто совершит святое дело: избавит мир от нечестивца? Бог радуется, глядя на верных своих слуг с небес!

Первым из толпы, расталкивая непроторных, вышел здоровенный мужчина, бледный, но по внешнему виду здоровья отменного. «Слуга божий, штатный провокатор», — не удержался Амаута. Тихо так не удержался, почти не шевеля губами, но лейтенант его услышал.

— Благословляю! — обнадежил решительного жрец.

«Скорее бы кончилась волынка, — подумал по этому поводу здоровенный. — А то затянут, как всегда».

«Развелось умников, шагу ступить нельзя. Жечь! Жечь!» — Высоким и худым был второй. Вышел, дрогнув тонкими губами, посмотрел на жреца.

— Благословляю!

Все молчали. Только потрескивал костерок, да вздыхала толпа, даже не вздыхала, а так, переводила дыхание, когда выходил очередной доброволец да жрец произносил свое.

«Доброе дело у бога зачтется. Может, свой грех там закрою», — вышел широкоплечий средних лет.

— Благословляю!

«На дистанции почти все меня обошли, но тут я не буду последним!» — застыл перед жрецом парень.

— Благословляю!

«Раз-другой на глаза попадусь — может, срок испытания скостят», — вышел ремесленник из третьей зоны.

— Благословляю!

«Не мое бы это, конечно, дело, но участвовать лично хоть в одном местном обряде — не лишне, будет о чем вспомнить. Тем более, что тут власти предрержающие сами себе „козу устроили“. Это ж золотое дело для них! Прошляпили, чинуши. Взяв на вооружение передовой опыт, составили бы на каждого досье, завели бы картотеки: кто задержан, кто замечен, а кто склонен. Этот тип — родоначальник бюрократии, способный задавить страну, отбросить ее на сотни лет. Перевороты совершают неграмотные, и во время всех восстаний первыми летели в огонь бумаги. Так что объективно он — по ту сторону баррикад. И раз уж выпала такая возможность, я внесу свой скромный вклад в спасение всех этих простых, неиспорченных цивилизацией людей от незнакомой им гидры грамотности. Я — за!»

— Благословляю!

«Я ведь согласился, согласился, я все сделаю сам. Зачем они меня подталкивают? Я не хотел этого, учитель! Но иначе я не могу, я ведь не только за свою шкуру пекусь. Я теперь — единственный, кто знает знаки-буквы, и должен сохранить свою голову, чтобы продолжать общее дело. Они сказали, что без „этого“ отречение не будет полным. И потом, они ведь мучили меня, если б вы знали, как они мучили меня, учитель! Я вынужден. Простите, если можете. По правде говоря, я даже не знаю, поможет это или нет. Все-таки они, наверное, убьют меня, потом. Не так пышно, конечно, удушат просто — и все. Но один шанс пока есть: а вдруг действительно отпустят? Надо поторопиться, чтобы успеть. Простите, учитель!»

— Благословляю!

«Разве ж можно — холеру? Как тот раз холера была, считай, что вся деревня вымерла. Нельзя такого оставлять, он всех поубивает. А у меня четырнадцать душ, с внучатами. Нельзя».

— Благословляю!

«Что-то приуныла толпа. Никто не выходит. Вот, даже старикан поперся, а все равно недобор. Интересно как... будет корчиться, вот — был, есть и сейчас, а не станет его. Неужели больше никого не найдется? А, была-не была, запалим дядю».

— Благословляю!

Не находилось больше никого. Тысячи ждали с любопытством и нетерпением — а ведь не шли. Между тем в законе сказано четко: десять добровольцев из народа должны зажечь костер разом.

Народ сам казнит тех, кто злоумышляет против бога и людей.

— Ну, что? — обратился к народу жрец, — или отпускать злоумышленника и колдуна? Задерживаете святое дело, люди! Не торопитесь послужить богу. Ну! Ну! — он посмотрел на толпу...

— А я что? Я, раз надо, пойду.

— Благословляю!

Десятый медленно, неуклюже ступая, подошел к костерку, у которого сгрудились добровольцы, наклонился за головней-факелом, потом — вроде оступился, сделал еще один неверный шаг, да так и рухнул лицом в костер. Из его домотканой рубахи на спине торчал короткий, оперенный конец стрелы.

— Кто? — вскрикнул лейтенант. — Откуда?

— Из того дома, наверное, — крикнул ближе к нему стоящий солдат.

— Не тем занимаетесь, лейтенант, — остановил офицера жрец. — Ваше дело охранять,

а не ловить. Так кто будет десятым?

Толпа молчала. Десятого не находилось.

— Сейчас еще девятого искать будете, — подал голос, как проснулся, Амаута.

— Убьют? — машинально спросил лейтенант.

— Их и убивать не надо, сами разбегутся.

Добровольцы пока не разбегались, просто слились вместе, слились в странный комок на восемнадцати ногах и медленно, медленно пятились от костра и помоста.

— Стой! — рявкнул на них лейтенант. — Стойте, шкуры! Задержать!

Двое солдат, повернув копы горизонтально, преградили добровольцам путь к толпе. Те уперлись в копы и, глядя вверх, голов, начали пятиться в другую сторону.

— Кто это был?

— Да ты уж на меня-то не кричи, пожалуйста, — ответил Амаута. — Не знаю я, кто это был. Знал бы, так не сказал, — а сейчас вот честно и с радостью говорю: не знаю. Значит, нужна народу моя правда, — продолжал он, глядя куда-то вверх. — Значит, прав я был, лейтенант, в своем деле. Значит, я не горю, лейтенант, а ваша затея горит при ясной погоде.

— Нет, — сказал лейтенант, — ты ошибаешься. Это ты сгоришь. Ты у меня все-таки сгоришь. Ты меня не знаешь!

— Права не имеешь, лейтенант, — отозвался Амаута. — Ты же государственный служащий, у тебя же нашивки лейтенантские. При всем народе нарушить закон — неужто посмеешь?

— Эй, вы! — обернулся лейтенант к добровольцам. — Берите факелы. Живо!

И те, помешкав, взяли факелы-головни, потому что наяву увидели смерть. Страшен был лейтенант. Он подтолкнул, лично подтолкнул замешкавшихся к помосту, а затем посмотрел на преступника остро и твердо:

— Гляди, говорун!

И рванул с груди нашивки и бляшки. Потом подошел к костерку, выхватил оттуда головню и ткнул ее в помост, как в живое тело нож.

Все молчали. Только шипели, разгораясь, дрова. «Горишь, лейтенант, — донеслось сквозь дым с помоста. Голос был странно спокойным и даже доверительным. — Горишь, лейтенант! Все вы горите, а вот я, кажется, остаюсь».

Игорь Ткаченко

СОВЕТЫ НАЧИНАЮЩИМ

Вводная лекция по курсу графофantomии, прочитанная для участников традиционного семинара в Верхней Кеше

«Эль Брус едва успел отскочить в сторону, как мимо него, сминая шеренги закованных в броню боевых черепах, пронесся сорвавшийся с терминала бот. Дюзы его были разворочены, стабилизаторы погнуты, но изничтожитель главного калибра исправно посыпал округу пудовыми ядрами. Эль Брус поправил повязку на левом глазу, потом на правом. Снял дыродел с предохранителя и стал ждать».

— Ничего себе начало, а? Главное в нашем деле — хорошо начать, дальше все просто. Вообще, фантастический рассказы пишутся очень просто. Только обладая воображением древопитека (да простят меня критики), можно говорить о кризисе жанра и сетовать на недостаток сюжетов. Если же вам не удалось придумать совсем новый сюжет, а фантастом стать очень хочется, возьмите сюжет старый, давно себя зарекомендовавший с лучшей стороны. Нет-нет, я не призываю вас к плагиату, я призываю вас к критическому

осмыслению творческого наследия предков в свете современных достижений науки и техники.

Ну что, попробуем?

Для начала определим круг героев и дадим им имена. Кстати, имена — это тема отдельной лекции, тут разработаны интереснейшие методики, позволяющие в считанные минуты изобрести любое имя от Казб Ека и Сев Ера до Антона, Клима, Стаса.

Наших же героев назовем просто и со вкусом: Краша, Бака и Оник.

Крашу сделаем капитаном корабля, космического, разумеется. Баку — начальником отдаленной станции, а Оника отправим работать в Службу Космического Дозора.

Желательно ввести в рассказ лирическую линию, такие опусы хорошо принимаются читателями до шестнадцати и после шестидесяти, то есть основной читательской массой. Линию предлагаю такую: Краша любит Оника, он об этом не подозревает и любит Крашу. Где любовь, там и зло. В нашем рассказе зло будет представлено своком про которого мы не будем ничего объяснять. Ведь все читали, что каждый уважающий себя космолетчик вооружен бластером, деструктором, аннигилятором, уничтожателем, дыробоем, но что это такое и с какой стороны стреляет, не знает никто. Вот и своки пусть будут таинственным и опасным порождением Космоса. Кстати, «космос» нужно писать только с большой буквы. Сами понимаете почему.

Теперь заправим нашу кашу сентиментальностью по вкусу и поперчим научными терминами для остроты. Не беда, если вы в школе выше «удовл.» по точным наукам не имели. Математика давно стала сродни оккультным наукам, а физики, как и сто лет назад, не знают, что такое электрон. А если полет происходит еще и на сверхсветовых скоростях, при сверхнизких температурах и сверхвысоком давлении под- или надпространства, то с нас, фантастов, взятки абсолютно гладки. Только не увлекайтесь подробным описанием работы всяких космических механизмов. Читатель сейчас не обладает тем долготерпением, что было у него в времена Жюль Верна, и может запросто уснуть, если на протяжении доброй половины рассказа космолетки объясняют друг другу принцип работы и внутреннее устройство корабля, на котором летят вместе вот уже десять лет.

Рассказ можно назвать как угодно. Например, так:

СЛУЧАЙ В КВАДРАТЕ ХЕТ-717964/P07-125a

Длинная блестящая стрела стремительно вспарывала пространственно-временной континуум. Кварковый реактор с нейтринным инженером на медленных фотонах бесшумно всасывал пустоту и лишь изредка по-детски всхлипывал, пытаясь раздробить флуктуации плотности. В необозримом четырехмерном чреве корабля пустота рвалась, сжималась, пережевывалась в могучих жерновах мюонных полей и, обессиленная, отлетала далеко за корму. Там она запоздало возмущалась, свивалась в тугие воронки, пульсировала и разбегалась во все стороны длинными гравитационными волнами, едва ощутимо покачивая корабль. Корабль был похож на огромного кальмара, несущегося с немыслимой скоростью в океане пустоты.

Краша стояла на капитанском мостике, скрестив на груди тонкие руки с длинными нервными пальцами пианистки. Сквозь подошвы космобутс она чувствовала легкое подрагивание палубы, которое передавалось всему ее телу, и от этого казалась себе слитой с кораблем воедино. Так оно и было. Долгими месяцами циклическая система жизнеобеспечения корабля кормила, поила, обувала и одевала капитана, а дважды в неделю даже делала маникюр. Корабль был для Краши домом, надежно защищающим от безжалостной радиации и несущим к звездам.

Сзади, за кормой, звезд видно не было, только пронзительная чернота вечной ночи. Звезды всей Вселенной собрались по курсу корабля в идеально сферический сверкающий комок. Умом Краша понимала, что это всего лишь релятивистский эффект, зримое подтверждение правильности преобразований Лоренца, но чувства... Краша даже шагнула

вперед, замороженная необузданной игрой красок, но, коснувшись лбом иллюминатора, тряхнула коротко стриженной копной огненно-рыжих волос и поспешила в ходовую рубку.

Щелкали реле, по-домашнему уютно гудел силовой трансформатор, на экране центрального визора то одним, то другим боком кокетливо поворачивалась изящная фигура Лиссажу, любимца капитана. Все было в порядке. Как всегда.

Краша села в кресло, привычно провела ладонью по гладкой выпуклости бортового Мозга, где под матовой поверхностью белыми и голубыми змейками пробежали мысли.

— Моз, а Моз, — тихо позвала она.

— Я здесь! — бодро откликнулся не любивший долго оставаться в одиночестве Мозг.

— Что-то мне не по себе...

— Что случилось?

— Какое-то томление, предчувствие, ожидание...

— Ожидание беды, предчувствие опасности? — деловито осведомился Мозг.

— Нет, не то.

А томление сладкое? — вкрадчиво спросил Мозг.

— Пожалуй... Да, сладкое, очень сладкое! — обрадовалась точному определению Краша. — Что бы это значило?

— Любовь!

— Тьфу на тебя! — возмутилась Краша. — С тобой как с человеком, а ты... Просто в рации нужно убрать мясо и добавить хлореллы, понял? Как там у нас с энергией?

— Пока хватает, но можно подзарядиться. Я рассчитаю курс на ближайший пульсар, — отпарентовал Мозг, решив больше не возвращаться к теме томления.

Отдельные змейки мыслей слились в цветной хоровод.

— Расстояние три парсека, отклонение пи пополам. Совершать маневр?

— Не надо, так долетим, — рассеянно сказала Краша, перелистывая подарочное издание любимых таблиц Брадиса.

«Сказанул же! — думала она. — Любовь! Старееет Моз, старееет. Во время ближайшей профилактики нужно вычистить у него эти романтические бредни из левого полушария и заменить транзисторы в выходном каскаде».

— Как думаешь, станция на Проксиме еще держится?

— А куда, ж ей, железной, деваться? — фливно брякнул Мозг, но спохватился и по уставному доложил: — Станция АБВ-5 типа «Хатка» рассчитана на прямое попадание метеорита весом с наш корабль и скоростью в половину абсолютной!

— Я не о том, — Краша устало провела рукой по лицу, — своки активизировались.

— Своки совершенно безобидны, — возразил Мозг.

— А «Вымпел»? Как ты объяснишь его гибель? Займись-ка ты лучше изучением сводок, а не романов.

Мозг молча проглотил упрек.

— Вероятно, нарушилось равновесие между своками и людьми, — сказал наконец он. — Какая-нибудь случайность...

Краша задумалась. Равновесие... Состояние в Космосе редкое и неустойчивое. Не столь редкое, сколь неустойчивое. Космос не прощает ошибок. Погибли Стасн, Млад и весельчак Ика.

— Интересно, как там Бака? — вполголоса спросила Краша.

— Не могу идентифицировать имя.

— Эх ты, глупенький! Бака — начальник станции и моя лучшая подруга.

Мозг сконфуженно молчал, решив раз и навсегда покончить с чтением романов. Перемигивание лампочек на панели индикации ясно говорило, что решение это окончательное и пересмотру не подлежит.

— ЛИЧНЫЙ ВЫЗОВ! ЛИЧНЫЙ ВЫЗОВ! — Рев воксофона прогнал чуткий сон капитана.

— Вызов принят, — откликнулась Краша, щелкнула тумблером связи. — Прием,

прием.

Экран видеотелекса засветился, и на нем появилось озабоченное лицо Оника. Время от времени по нему пробегали судороги. Краша подкрутила резистор частоты кадров, улыбнулась и исконно женским движением поправила волосы.

— Только что своки напали на патрульные корабли, — вместо приветствия сообщил Оник.

— Есть жертвы? — Краша наклонилась вперед. Пальцы, обхватившие подлокотники кресла, побелели от напряжения.

— Нет, нападение отбито. У тебя все в порядке? — Оник озабоченно вглядывался Краше в глаза.

— Конечно. Служба Дозора может спать спокойно. За бортом пустота. Не просто пустота, а пустота, умноженная на десять в минус двадцатой.

Оник вздохнул.

— Не нравится мне это десять в минус двадцатой. Своки могут быть где-то в твоём квадрате. Наблюдатели сообщают, что они как-то странно себя ведут. Кучкуются. Может быть, тебе стоит вернуться?

Краша нахмурилась. Мужчине он бы этого не предложил, подумала она, даже и не заикнулся бы.

— Нет, Оник. Меня ждут на станции, — решительно отрезала она и вдруг лукаво улыбнулась, — мы ведь так давно не болтали с Бакой!

— Если ты повернешь назад, никто тебя не осудит.

— Нет. У тебя все?

— Все.

— Конец связи.

Краша щелкнула тумблером и откинулась на спинку кресла. Сердце обволакивала трепещущая теплота. Волнуется, подумала она, только ли по долгу службы?

Она давно любила Оника, но ни за что не призналась бы ему в этом первая. Бака смеялась, называла ее дикаркой и убеждала признаться в чувстве. Уговоры не помогали. Краша, та Краша, что не страшилась в одиночку сновать в легкой шлюпке в кольцах Сатурна, боялась, просто трусила, как самая обыкновенная девчонка.

«Я дойду, — думала она, — обязательно дойду до станции. А потом, может быть, признаюсь Онику».

— Моз! — воскликнула вдруг она, — когда мы прилетим на станцию, я притащу тебе целую кучу романов!

И она счастливо улыбнулась. Ведь она была самой обыкновенной девчонкой.

Всплески жесткого излучения от черных, белых, серых и прочих дыр нещадно хлестало эфир. Видеотедекс был бессилен, и только голос Баки, неузнаваемо обезображенный помехами, с трудом пробивался к кораблю.

— Милая Бака! — кричала Краша, — я скоро буду у тебя!

— ...у с нетерпением, — голос Баки то взлетал до фальцета, то опускался до гулко-го баса.

— Я везу тебе новый скафандр, какой ты хотела, с рюшами из Дома Космических Моделей Зайкина! И твои любимые пирки!

— Очень ра...шно соскучи...товлю сюрпри...

Неожиданно связь наладилась, и усиленный до предела голос Баки оглушил Крашу:

— Своков нет. Жду тебя. Немного заболела. Шлюзовую откроешь са...

Эфир взорвался истошным воем, воксофон умолк, пробки вылетели.

Корабль выбросил из себя шлюпку, и она по красивой параболе устремилась к станции. Краша изящно (видел бы Оник!) посадила ее в центр посадочного пятака и шагнула к шлюзу. Створки не поддавались. Краша на ощупь нашла аварийный шнур и сильно дернула. Створки распахнулись.

— Эй, засоня! Принимай гостью! — крикнула Краша в глубину коридора.

Ответом ей было гулкое эхо. Вдруг жгучая боль пронзила ее мозг. Краша покачнулась, сделала шаг вперед, но тут же, будто споткнувшись, тяжело рухнула на пол. Термосумка стукнулась о стену и откатилась в темноту. Пирки вывалились, над ними поднимался легкий пар.

«Своки! Не перепаяла выходной каскад... Не сказала Онику... Я себе этого не...» — было последней мыслью капитана. Потом пришла тьма.

Вот такая история. Как ее закончить? Можно так:

«— А что было потом?

— А потом пришел ОхотНИК, убил Серого ВОЛКА, распорол ему живот, и оттуда вышли КРАСная ШапочКА и БАбушКА, живые и невредимые. Вкусные ПИРожКИ они съели, запивая сладким чаем. Спи, дружок, завтра я расскажу тебе новую сказку».

Это конец один из возможных, но профессионалы так не поступают. Это называется «рубить сук, на котором сидишь». Оник, конечно же, должен спасти... Кого? Конечно, Баку, а потом вместе с ней отправиться спасать Крашу куда-нибудь в параллельную Вселенную. Чувствуете? Это уже повесть или цикл рассказов. А началось-то все с чего? Со старой сказки? Нет, с ее творческой переработки! Для разгона советую вам взяться за сборник русских народных сказок, непочатый край сюжетов. Вот, например, для затравки: все говорят — баба-яга, баба-яга. А что — если не баба-яга, а баба-йога, а?

Есть и другой путь проникновения в плотные ряды фантастов у дверей редакций и издательств. Фантаст, особенно начинающий, должен быть наблюдательным и наблюдения свои должен уметь экстраполировать. Вот вы ежедневно или не ежедневно меняете носки, рубашки и прочее. А что если менять не одежду и белье, а тела? Планета, на которой мода шагнула дальше, чем у нас. Что подумает о жителях этой планеты ничего не подозревающий молодой космолетчик-землянин, капитан какого-нибудь «Громобоя»? Кровь стынет в жилах от того, что он может подумать. И прекрасно, пусть себе стынет. Что может быть лучше читателя со стынувшей кровью?

Или вот еще: ваш знакомый на спор съел по частям мясорубку. Нелепо? Конечно, нелепо. Но давайте мыслить шире: что будет, если все начнут есть мясорубки, экскаваторы и самолеты? Несварение желудка? Нет, гораздо страшнее — крах цивилизации. Настоящему фантасту крахнуть цивилизацию — раз плюнуть. Вот так-то.

Держайте, друзья мои. Я не оставлю вас без поддержки и в следующих лекциях приоткрою завесу тайны над искусством хождения в редакции и общения с тамошними обитателями. Многие рассказы о недостижимости пресловутого «контакта» родились как раз после посещения подобных мест, мест таинственных и еще до конца не исследованных.

Единственное, чего я боюсь, так это того, что, воспользовавшись моими советами, все начнут писать фантастику. Вот это уж действительно будет крах цивилизации.

...ТОЖЕ РЕЗУЛЬТАТ

В лаборатории стояла рабочая тишина. Завлаб Зюзин заперся в кабинете и, по детской привычке, терзал правой рукой левое ухо, что было признаком крайней сосредоточенности. Через месяц годовой отчет. Срочно нужна идея. Идея представлялась Зюзину в виде чего-то туманного, манящего, очень желанного и... недоступного. Как граница плоскости с метрикой Римана. Или как кандидатка Аллочка. Это ж надо додуматься! Защитила диссертацию о форме дождевых пузырей. Одно слово — талант! Талант... Откуда он берется? Воспитание? Образование? Врожденное... Заложенное изначально... Гены! Гены таланта! Мысли Зюзина завертелись непривычно быстро. Кровь или костный мозг, вытяжка, концентрат, таблетки. Таблетки таланта. Пилюли Зюзина. Талантин. Зюзинтал. Нобелевка!

Зюзин оставил в покое покрасневшее ухо, распахнул дверь и провозгласил:

— Эврика!

На зов первооткрывателя никто не откликнулся. Зюзин немного подождал и рывкнул:

— Эврика!

Через мгновение по коридору галопировали оторванные от кроссвордов сотрудники. Когда все собрались, Зюзин заложил руку за борт модного югославского пиджака, выставил вперед левую ногу, чтобы было заметно подрагивание икры, и внушительно изрек:

— Э-в-р-и-к-а.

Для незнакомых с иностранными языками пояснил:

— Есть идея. Ген таланта. Ищите талантливых.

Сотрудники переглянулись. Ровно год назад, когда они занимались вирусом сознания, лабораторный экспонат Тузик взбесился и искусал пол-лаборатории. Однако ген таланта — это что-то многообещающее.

— Нужен талантливый человек, — развивал идею Зюзин, — поэт, музыкант, художник, в общем, хоть дворник, но дворник талантливый.

Собрание заволновалось. Откуда-то из-за спин вылетела поддержанная всеми реплика:

— Зачем искать на стороне? Разве среди нас нет талантливых?!

В результате слишком ревнивого отношения сотрудников к интеллектуальным способностям друг друга, истина в споре о носителе таланта не родилась. Кровь взяли у всех, после чего слили в общую колбу. Во избежание конфликтов.

В течение двух недель, отложив в сторону кроссворды, вязание, шахматы и кубик Рубика, лаборатория работала. Ожидаемых результатов не было. Полученное вещество дурно пахло и наповал убивало мышей. Вальяжные тараканы, еще недавно чувствовавшие себя полными хозяевами лабораторных столов, ретировались за батарею и опасливо шевелили усиками. Шимпанзе Сигизмунд после первой же инъекции препарата впал в прострацию и не реагировал на уколы булавкой. Удрученные сотрудники рассеянно одалживали друг другу деньги.

В конце года в качестве отчета лаборатория представила доклад «Об отсутствии в природе гена таланта». Вскоре завезли новую партию мышей, а шимпанзе Сигизмунда сослали в зоопарк. Еще год можно было бороться с созданием хитроумного Рубика, выяснять «что, где, почему», вязать теплые шарфы и лелеять кактусы.

Шимпанзе Сигизмунд сидел в углу клетки и ковырял веточкой в дощатом полу. «Так, — думал он, глядя на щели между половицами, — если параллельные прямые не пересекаются, то все тривиально. А если они пересекаются?»

Дмитрий Федотов

ОБЫКНОВЕННЫЕ ДЕРЕВЬЯ

Все трое тихо сидели перед искусственным камином в полутемной гостиной. Слышалось лишь мерное, с присвистом жужжание кондиционера под потолком да шелест силиконовых колес домашнего робота по ковру. Рядом с камином стоял низкий овальный столик, на котором робот сервировал ужин. Конечно, можно было бы подвести к дому щелепровод и заказывать самые разнообразные блюда в Бюро Питания, но мама, как и все женщины, страстная поклонница всего модного, настояла на этом «шике» — роботеприслуге. Папе, в общем, было все равно, недовольным остался только сын Денис.

Он сидел и размышлял. Щелепровод — удобная и полезная штука, что ни говори. Можно буквально объедаться всякими фруктами, сладостями или, на худой конец, просто мороженым. А тут? Во-первых, робот может не все, а только то, что у него в программе заложено. Во-вторых, он слушается только маму и папу, а его, Дениса, не признает, даже наоборот, всячески вредит: днем не дает включать камин, вечером заставляет ложиться спать после десяти часов, а утром не даёт поваляться подольше, и вообще! Денис давно уже

вынашивал план страшной мести, да вот все не было подходящего случая.

Папа, наблюдая за бликами пламени на видеопанели, думал, что вот наконец-то завтра он целый день будет дома. С одной стороны — это очень хорошо, побыть рядом с близкими и дорогими людьми, но с другой стороны — это вынужденный отдых. В последнее время что-то больно часто стали происходить аварии на лесоразработках. Впечатление такое, будто машины взбунтовались и отказываются работать, постоянно выходя из строя. И вот сегодня приехала особая комиссия из Технического Центра — будут разбираться.

Мама, прикрыв глаза, прикидывала, где бы им достать мимозы — сирень вокруг дома уже надоела. Да, у Стояновых, говорят, появился новый робот, который поет романсы и читает стихи голосами авторов. Вот бы достать! Надо будет поговорить об этом с Виктором...

— Па! А что там у вас сломалось на работе? — нарушил молчание Денис.

— Роботы, которые валят и обрабатывают лес.

— А, знаю, нам в школе фильм показывали. Они такие большие, круглые, на гусеницах, да? А спереди виброножи торчат. Правильно?

— Правильно.

— Умница, Дениска, — улыбнулась мама. — Смотри, Вить, первый класс, а уже так много знает!

— А еще, — важно приосанившись, продолжал Денис, стремясь поразить маму как можно сильнее (может быть, тогда она разрешит ему пользоваться роботом?), — у них на макушке торчит биолокатор! И они им определяют ценные породы деревьев. Верно, папка?

— Все верно, — папа наконец оторвался от мрачных мыслей. — Только эти роботы в последнее время очень часто стали ломаться, особенно виброножи.

— А как они определяют ценные породы?

— Биолокатор испускает особые электромагнитные волны разной частоты, которые отражаются от деревьев по-разному, в зависимости от содержания в них редких химических элементов, и чтоб как можно меньше было вредных примесей. А потом из этой древесины делают оргплазму, из которой выращивают продукты и фитапластик.

— Па, я хочу к тебе на работу, в лес!

— Если будешь себя хорошо вести, возьму как-нибудь.

— О, Вить, это же идея! — воскликнула мама. — Давайте прямо завтра полетим в лес! Устроим пикник с настоящим костром, шашлыки пожарим! Это ведь теперь ужасно модно!

— Папка, летим! — подпрыгнул Денис.

— Ну, ладно-ладно, уговорили, хотя я бы лично посидел дома или сходил бы в Сады Развлечений.

— Вот так всегда! — возмущенно сказала мама. — Ты эгоист, Виктор, думаешь только о себе, а что ребенку нужен свежий воздух, тебе наплевать! О себе я уже и не говорю. Я неделями глотаю кондиционированный ионизованный воздух в КБ, а он жареным железом отдает!

— Ты знаешь, как пахнет жареный металл?

— Да ну тебя! Так мы летим или нет?

— Успокойся, я же сказал, что согласен. В лес — так в лес.

...— Денис! Ну скоро ты? — Мама поудобнее устроилась в кресле «стрекозы» — изящной матово-серебристой машины с тонким ажурным хвостом и голубоватыми перепончатыми крыльями позади кабины. Сходство с насекомым дополняли две многогранные полусферы по бокам от пилотского кресла — энергонакопители. На месте пилота сидел папа и нетерпеливо хлопывал руками по рожкам штурвала. Мама взглянула на часы-браслет, потом в сторону дома, шагах в двадцати от машины утопавшего в зарослях сирени по самую крышу. Дом словно парил в белоснежно-розовом облаке над бархатной малахитовой лужайкой, на которой стояла «стрекоза».

— Мы улетаем без тебя, Денис! — снова крикнула мама в сторону дома.

— Что ты копаешься? — не выдержал папа.

Вдруг кусты колыхнулись, раздался треск ломаемых ветвей и спустя секунду на лужайку вывалился упитанный взлохмаченный сын с алюминиевой саблей в руке. Он лихо взмахнул игрушкой, и крайняя ветка, сгибавшаяся под тяжестью крупных нежно-розовых кистей, с легким стоном упала на траву. Денис издал какой-то воинственный клич и, еще раз широко размахнувшись саблей, под дождем метко срезанных цветов ринулся к «стрекозе».

Улыбающийся, рот до ушей, плюхнулся рядом с матерью на сиденье и объявил:

— Я прорвался из окружения!

— Молодец! — мама тоже улыбнулась и погладила его по торчащим вихрам. — Прямо Илья Муромец! Ты ничего не забыл?

— Не-а! — сын несколько раз подпрыгнул на мягком сиденье. — Я нож взял — буду себе меч и щит делать.

— Ты зачем сирень портишь, богатырь? — недовольно обернулся со своего места папа. — А ну, разоружайся или никуда не поедешь!

— Ма-а, чего он! — сразу же заныл «вояка».

— Виктор, прекрати травмировать ребенка! — нахмурилась мама. — Ему вредны отрицательные эмоции!

— Ну да, — проворчал смягчаясь тот, — ты-то с этими чертовыми кустами не возилась! Сколько я нервов на них угробил? А все мода!

— Да, мода! — Мама с гордостью взглянула на их дом, окутанный душистым облаком. — Разве плохо? Стояновы вообще стены убрали. У них там марсианский ползун вместо фитапластика. А мы чем хуже?

— Ну, уж конечно, не хуже! — взмахнул руками папа. — Как же — сирень из питомников Ганимеда, по две тыщи за кустик! — Он сплюнул на лужайку, захлопнул колпак кабины и включил двигатель. — Денис, запомни раз и навсегда: играй, воюй, делай, что хочешь, но не дома! В лесу — пожалуйста! Там обыкновенные деревья и кусты: вырывайся, спасай, побеждай кого угодно, но не здесь! Мы не миллионеры — каждый день садить новые кустики за две тыщи! Понял?

— Угу, — буркнул «богатырь» и добавил тихонько: — Жадина!

— Ну-ну, мой маленький, не сердись, — ворковала мама, расчесывая его вихры, — Живую сирень действительно трудно достать. А мы сейчас полетим в лес, к оврагам, там много этой... как ее, крапивы! И ты сможешь одним махом срубить множество коварных и жгучих врагов.

— Да-а, а если она меня ужалит?

— Ну, тогда мы полетим на Большие Луга. Там растут такие высокие фиолетовые цветы кисточками, забыла, как они называются. У них нет колючек.

— Ладно, — смиростивился Денис, — летим туда.

Час спустя поля и теплицы кончились, и под «стрекозой» поплыли колко-зеленые верхушки высоких золотоствольных деревьев, стоящих далеко друг от друга между горами пестрого разнообразного промышленного мусора с изредка перемежающимися обширными, цвета хаки, полянами, на которых местами виднелись серебристые крестики «стрекоз» отдыхающих здесь людей. Кое-где дымили костры — дань моде: считалось полезным (ну, и шикарным, разумеется!) приготовление пищи на открытом огне. У мамы при виде всего этого шика разгорелись глаза, но когда папа предложил сесть где-нибудь здесь, она фыркнула с деланным презрением:

— Фи! Тут нет ни одной приличной поляны! Это ведь Зона Сброса!

— Э! Что за фокусы? — заерзал в кресле Денис, заметив, что машина нырнула вниз. — Мы так не договаривались! Хочу на Большие Луга! — И он воинственно поднял саблю.

— Осторожнее! Разобьешь термосы, — мягко остановила его мама. — Виктор, мы же договорились! — укоризненно покачала она головой.

Папа буркнул что-то насчет роста дефицита на горючее, но потом выровнял машину и увеличил скорость. Теперь «стрекоза» неслась почти над самыми верхушками деревьев, которые мгновенно желтели и обугливались, если их задевала раскаленная струя выхлопа

машины. Растительности становилось все больше, а отбросов все меньше. Вдруг внизу, среди деревьев, промелькнуло что-то разноцветное и яркое.

— Стой! — заорал Денис, который буквально прилип к прозрачному полу кабины. — Там что-то было! Давай назад!

Но папа уже и сам разворачивал «стрекозу». Они медленно ползли над лесом, и все-таки это оказалось полной неожиданностью.

Деревья внизу расступились и открыли маленькую круглую полянку. Она вся была усыпана цветами, будто шальной ветерок сорвал с неба нежную радугу и бросил на эту лужайку, разбив на тысячи осколков, разметав их по пушистому нефритовому ковру трав. По краям полянка заросла невысокими разлапистыми кустами, как будто орошенными кровью — крупными ягодами. А со всех сторон эту красоту обступали все те же обыкновенные деревья с золотистыми стволами.

— О-о! — вырвалось невольно у всех.

— Как в заповеднике «Флора» на Венере, да, Вить? — восхищенно прошептала мама, прислонившись к его плечу.

— Ох, и повоюю я сегодня! — выдохнул Денис, поглаживая свое грозное оружие. — Молодец, папка!

— Внимание! — Папа сглотнул вязкую слюну и сильнее сжал ручки штурвала мгновенно вспотевшими от волнения ладонями. — Иду на посадку!

«Стрекоза», накренившись на вираже, круто пошла вниз, зависла в метре от пестро-зеленого веселого ковра, выжигая в нем овальное черное пятно, потом качнулась и мягко села на мертвый пятачок.

Папа откинул колпак кабины и спрыгнул на траву.

— Красотища! — Он вскинул руки и потянулся так, что хрустнули позвонки, — Эй, вы, продукты цивилизации, вступайте в контакт с природой!

Мама и Денис осторожно и несколько опасливо выбрались из «стрекозы». И папа, сначала так бодро выскочивший на полянку, вдруг почувствовал неприятный холодок между лопатками.

Он передернул плечами, и ощущение исчезло. Фу, показалось! Папа оглянулся. Грозный «воитель», крадучись и озираясь, медленно обошел вокруг машины, почему-то пряча саблю за спину. Мама боязливо поежилась, растирая на руках «мурашки», молча присела и сорвала первый цветок...

Ничего не изменилось. Через полчаса папа мастерски развел самый настоящий костер из собранных непоседливым Денисом веток и только удивлялся — откуда здесь столько сухостоя? Мальчишка без усталости носился по кустам в дальнем конце поляны, и не напрасно:

— Папка! Иди сюда скорее! Что я нашел!

Мама уже нанизывала на шампуры сочное розоватое мясо, поэтому папе временно делать было нечего, и он отправился к любознательному сыну, на ходу чуть ли не горстью срывая из-под ног крупную землянику.

— Ну, что тут у тебя! — спросил он, протискиваясь между кустов, согнувшихся под тяжестью тугих рубиновых ягод.

Денис, прикрывая одной рукой разорванную штанину, стоял возле какой-то бурой изогнутой ветки, торчавшей из под куста. Но, приглядевшись, папа понял, что это часть каркаса «стрекозы», только сильно проржавевшего.

— Вот, — показал на «ветку» Денис, — я об нее штаны порвал. Что это?

— Старая рама от винтолета. Наверно, кто-то потерпел здесь аварию лет двадцать назад.

— Ладно, пошли, — Денис с сожалением пнул железку, явно ожидая услышать нечто необычное. Он быстро прорубился сквозь кусты саблей и принялся: — Вкусно! Я есть хочу! — и помчался к костру.

А папа присел и еще раз внимательно осмотрел ржавую раму, потом огляделся вокруг и увидел небольшой, тоже бурый прямоугольник рядом со стволом ближнего дерева. Папа

поднял его — это была табличка технического паспорта машины, покрытая толстым слоем окислов. Папа потер ее сначала рукой, потом вынул вибронож. Бурая пыль потекла из-под лезвия, открывая блестящую поверхность металла с выбитыми на ней знаками: «Модель 4657 — Б089... изготовлена XI.62 г...» Не может быть! Папа вытер мгновенно вспотевший лоб — в прошлом году? Но сплав, из которого делают теперь «стрекозы», разрушается минимум через десять лет при самых неблагоприятных условиях! Чертовщина какая-то!.. Откуда вообще здесь эта поляна? Невероятно! Под самым носом у «Лессинтеза» такое обилие деловой древесины! А ягоды? Папа подкинул на ладони алые в коричневую крапинку ароматные шарики. Помнится, биологи утверждали, что в лесах последняя земляника исчезла полвека назад, а тут? Райские кущи, только херувимчиков над цветами не хватает. Не-ет, тут что-то не так! А вдруг это... папа даже похолодел от внезапной мысли: ведь и роботы-заготовщики чуть не после каждой смены требовали новой смазки и шлифовки, и эта «стрекоза»... Нет, не может быть! Дико! Бежать отсюда скорей! Постой, а может, это только игра воображения? Переутомился, нервы расшалились? Или кто-то пошутил, и все это — видеомат? И все-таки, а вдруг... Папа бросился сквозь кусты к костру...

Шашлыки шипели и плевались соком. Мама перекрутила шампуры последний раз и крикнула:

— Виктор! Денис! Идите обедать, все готово!

— Да, — Спихватилась она, — про термосы-то я и забыла!

Мама пошла к «стрекозе». Подойдя поближе, она остановилась — что-то изменилось в машине. Мама не могла сразу сообразить — что? Откинула крышку багажника, вынула два термоса с тоником и фруктовым соком для Дениса и тут поняла, что случилось — «стрекоза» прямо на глазах оседала. Но колеса не провалились в землю, их просто не было! Мама тряхнула головой — нет, точно, машина медленно зарывалась носом в траву, быстро покрываясь пятнами ржавчины и разваливаясь. Вот со скрежетом оторвался один из энергонакопителей, вот отпал кусок обшивки, вот надломилось крыло... Мама попятилась, чувствуя, как внутри нарастает волна ужаса, споткнулась, выронив термосы, и кинулась назад, к костру. Кричать не было сил...

В белесо-голубом небе пылало ярко-желтое, безразличное ко всему происходящему под ним солнце. На круглую гостеприимную полянку из-под разлапистых кустов выскочил юркий полосатый зверек и удивленно замер столбиком, уставившись глазками-бусинками на нелепую грудку ржавого металла, высившуюся посреди поляны. Потом, убедившись, что опасности в ней нет никакой, он нырнул в высокую траву и пропал. Легкий ветерок налетел неожиданно, потребил венчики цветов и травинки, пошумел в кустах и умчался дальше.

А вокруг безмолвно и спокойно стояли все те же высокие стройные деревья. Плюс еще три.

Обыкновенные деревья.

Олег Чарушников

НА «ОЛИМПЕ» ВСЕ СПОКОЙНО

Сатирическо-фантастическое повествование о жизни одного завода, состоящее из пяти историй

В повествовании действуют, появляются и упоминаются:

Зевс (тучегонитель, громовержец и пр.) — директор завода «Олимп», не хозяйственник, бог.

Дамокл — фрезеровщик цеха мраморных изделий. Регулярно перевыполняет сменно-суточные задания.

Геракл — кандидат в боги 3-й категории. Очень сильный руководитель.
Цербер — стрелок военизированной охраны. Проявляет тройную бдительность.
Дионис — бог-референт.
Ахилл (быстроногий) — герой. Постоянно входит в курс дел.
Сизиф — грузчик. По душевным склонностям — несун-рецидивист.
Гермес — бог по особым поручениям, ведает на «Олимпе» снабжением и комплектацией.
Мидас — сменный мастер тарного цеха. Крайне выдержанный древний грек.
Фемида — заведующая лабораторией, председатель товарищеского суда. Строгая женщина с весами. Не курит фимиам никому.
Аполлон — бывший руководитель заводской художественной самодеятельности «Олимпа», ныне на пенсии. Не появляется.
Пенелопа — завсектором НТК, женщина порядочная и верная.
Одиссей — инженер по внесению корректировок. Тоже хороший человек.
Директор клуба им. Аполлона — рыбак; ходит в маске, кажется, пишет...
Агамемнон — главный конструктор «Олимпа», руководитель-тиран.
Телемак — лаборант НТК
Редактор — глава многотиражной газеты «Боги жаждут». Автор многих славных гекзаметров о передовых методах труда.
Поликрат — заместитель громовержца по капитальному строительству. Самый счастливый человек на «Олимпе».
Афина Банковская — финансовый работник. Не появляется.
Сфинкс — любитель загадывать загадки. Не упоминается.
Пегасы, бухгалтеры, рабочие основных и вспомогательных профессий, музы и др.

История первая ТРУД СИЗИФА

В конце рабочего дня Сизиф решил немного прогуляться по служебной территории. Лавируя между штабелями ящиков, он обогнул склад ГСМ, закопченное здание кузнечного цеха и вышел на аллею им. 10-летия. Устроившись на лавочке, Сизиф некоторое время рассеянно любовался высотным храмом заводоуправления, прислушиваясь к отчаянному стуку молотков, доносящемуся из тарного цеха.

В конце аллеи, припадая на правую ногу, показался Ахилл. Несмотря на хромоту, он ни на минуту не терял геройской осанки и смотрел, как всегда, гневно. Сизиф, верный привычке не мельтешить перед глазами начальства ушел от греха подальше. Проходя мимо ворот центрального склада, он дружелюбно подмигнул Церберу, ибо старался поддерживать корректные отношения с работниками охраны.

— Здорово, глазастый! Как служба-то? Несешь, не роняешь?

Страж ворот бдительно нахмурился:

— Несу, несу...

Цербер сидел над броским объявлением, гласившим:

«Олимпийцы! Записывайтесь на курсы игры по классу шестиструнной кифары!».

Таковыми объявлениями был обклеен весь завод, что весьма оживляло суровую производственную обстановку.

— Несу. Чтоб, значит, такие, как ты, ничего не выносили... Чего размигался тут? На старое потянуло?

— Неприятная ты все-таки личность, — заметил Сизиф. — Посадить бы тебя на цепь, всем спокойней было бы...

— Ладно, проходи, не задерживайся. Иди-иди отсюда!

— Иду-иду, родимый...

Сизиф, не задерживаясь, проследовал на заводскую свалку, где притаился за кучей бронзовых опилок. Дождавшись темноты, он сдвинул кучу в сторону, извлек из ямы заранее спрятанный кусок розового мрамора и покатил по направлению к заводскому забору.

Сизиф толкал камень перед собой, с удовольствием воображая, как будет торговаться с покупателем — шмякать кепку оземь, делать вид, будто рвет на груди хитон, обижаться и выкрикивать: «Да ты разуй глаза-то! Товар какой! Из такого куса экскаватор с ковшом высечь запросто, а не то, что голую богиню, без головы да без рук!»

Над служебной территорией тихая древнегреческая ночь. Сизиф сноровисто катил камень к дыре, которую проделал в заборе еще загодя.

Из-за угла выглянул Цербер, по причине бессонницы совершавший обход вверенного участка. Сизиф покатил камень быстрее.

— Стой! Держи его! Стой, кому говорят! — Над территорией раскатилась оглушительная трель сторожевого свистка.

Сизиф рванул к забору на третьей скорости...

Если бы камень не застрял в узкой дыре, ничего бы не было — на улице похитителя дожидалась колесница заказчика. Но в спешке камень застрял, и дальше был товарищеский суд.

Вела заседание бессменный председатель суда Фемида. Эта строгая женщина заведовала лабораторией измерительной техники и никогда не расставалась с любимыми весами.

Сизиф, очень серьезный, сидел на отдельном стуле, глядя поверх голов. Сознание нелегкой ответственности сквозило в каждой складке его синего служебного хитона.

Сначала хотели хорошенько ударить несуну драхмой. Но Сизиф укоризненно покачал скорбной главой.

— По детишкам бьете, — сказал он. — На меня в бухгалтерии два исполнительных листа лежат. За что вы деток-то? Нехорошо.

Поступило предложение выгнать несуну к чертям собачьим по 33-й статье.

— А детишки? — отозвался Сизиф.

Фемида распорядилась закрыть окна, так как грохот молотков из тарного цеха не позволял сосредоточиться.

Тут поднялись представители цеха мраморных изделий.

— Мы, — заявили представители, — глубоко осуждаем нашего бывшего товарища по работе Сизифа!

— Таких, как он, — гневно потребовали представители, — надо поганой метлой изгонять из наших рядов!

— Мы, — подчеркнули представители, — безгранично презираем нашего бывшего товарища Сизифа, просим не наказывать его и передать коллективу цеха на поруки для перевоспитания. Чтоб впредь неповадно было!

— Правильно, — сказал бывший товарищ Сизиф. — Это по-нашему.

— Опять на поруки? — крикнули из зала. — Он у вас вроде грудничка, с ручек не сходит!

— Мы... — начали представители цеха мраморных изделий.

Фемида распорядилась открыть окна, потому что из-за духоты невозможно плодотворно работать.

— Еще будут предложения? Поактивнее, поактивнее давайте...

— А вот заставить бы его этот самый краденый камень вверх-вниз по горе таскать — это да! Другим для примера! — крикнули из зала.

Поднялся одобрителный шум. Фемида подняла строгую бровь и покачала чашечными весами.

— Э! Э! — подал голос подсудимый. — Погодите! А платить как будут? По-

сдельному?

— Ах, тебе еще и платить?! — возмутились в зале.

— А вы как думали? Я, значит, личным примером, а мне шиш? Дудки! Не пройдет! Что за методы?!

Но весы Фемиды уже качнулись в последний раз. Участь несуна была решена.

...Свой камень Сизиф катал строго по КЗОТу — пять дней в неделю с перерывом на обед. От сверхурочных отказался наотрез. Служебные сандалии быстро рвались и на общих собраниях Сизиф часто выступал по этому поводу, с гневом и болью обрушиваясь на бюрократов, заседавших в отделе охраны труда.

Своей новой работой он был доволен: свежий воздух, всегда на виду... Между прочим катал по склону кусок пемзы, украденный на центральном складе и выкрашенный под мрамор. Платили ему по-среднему.

История вторая ВЕРНОСТЬ ПЕНЕЛОПЫ

Ранним утром в заводском сквере им. 10-летия сидела молодая женщина приятной наружности в аккуратно выглаженном белом хитоне и модных сандалиях. Лицо ее обращено вдаль и выражало такую печаль, что проходивший мимо Сизиф счел своим долгом сказать что-нибудь ласковое:

— Не печалься, тетка, не грусти. Не вешай, тетка, нос на квинту!

И укатил дальше свой камень, только что полученный на центральном складе (Сизиф всегда сдавал камень на ночь под охрану, чтоб не сперли).

Печальные размышления женщины в модных сандалиях были прерваны приходом бригады такелажников отдела снабжения и комплектации, начавшей ломать склад веников.

Вениковый склад ломали уже в третий раз. Впервые это случилось двадцать лет назад, когда завод готовился к своему юбилею. В честь знаменательной даты посреди предприятия был разбит сквер и проложена аллея имени 10-летия «Олимпа». На торжественном открытии сквера отличился только что созданный народный хор муз, исполнивший под аккомпанемент кифар величавую кантату «Миллион алых роз».

Однако никаких роз, вопреки первоначальной задумке, в сквере сажать не стали (это обошлось бы примерно как раз в миллион). Ограничились высадкой маленьких березок, выкопанных в соседней роще вместе с громадными четырехугольными кусками земли.

В первый же год заводской сквер наглухо зарос лебедой и осотом. Березки совершенно не прижились, чахли среди бурного разнотравья и превращались в голые прутьки. Однажды утром Зевс, по обыкновению делавший пробежку рысцей по предприятию, заметил это безобразие и, сказав: «А эти прутьки мы уберем, нечего тут вид портить!», начисто прополол газоны. После этого в сквер повадились было ходить конюхи из транспортной службы, косившие сено для своих подопечных, но отдел снабжения захватил территорию, снова возведя склад веников.

Возрожденный склад быстро оброс подсобными строеньицами — навесиками, сараюшками и амбарчиками. Тарный цех заставил остальную площадь штабелями готовой продукции, и доступ в сквер прекратился на десять лет.

В преддверии двадцатилетнего юбилея «Олимпа» вениковый склад вместе с подсобными сараюшками опять снесли. Перпендикулярно старой аллее была проложена новая — имени 20-летия завода. Народный хор муз под руководством директора клуба очень хорошо исполнил на торжественном открытии оду «К бабочке» («А бабочка крылышками — бяк-бяк-бяк...»). Но ни бабочек, ни мотыльков в сквере завести не удалось, потому что снабженцы необыкновенно быстро восстановили свой склад вместе с подсобками, а тарный цех возвел такие бастионы ящиков, что на обеих аллеях царил вечный полумрак.

Теперь бригада такелажников явилась ломать вениковый склад в третий раз — приближалось тридцатилетие «Олимпа». Ломали, впрочем, с бережением. Гермес

распорядился через неделю после торжеств и прокладки аллеи им. 30-летия соорудить склад из тех же материалов. Веники под строгой охраной было решено хранить у сборочного цеха.

Женщина в модных сандалиях последний раз посмотрела в туманную даль, вздохнула и медленно направилась к храму заводоуправления, провожаемая сочувственными взорами такелажников. Об ее верности своим подчиненным на «Олимпе» знали все. Это была Пенелопа, ждущая своего Одиссея.

Пенелопа уже довольно давно руководила тихим сектором исправлений и текущих корректировок (НТК). Штат у нее был минимальный: она, инженер по внесению корректировок, да лаборант с окладом почти условным.

Маленький коллектив заносил в документацию изменения и поправки, обильно поставляемые конструкторами и технологами. И те, и другие изошрялись, как могли. Если бы поток изменений прекратился хоть на неделю, логически получалось, что основное изделие наконец-то доведено до нужных кондиций. Тогда у начальства невольно возник бы вопрос: отчего же изделие так и не запущено в серийное производство? Кроме того, конструкторов и технологов могли бы переключить на новое сложное изделие...

Каждый старался внести хотя бы крохотное улучшение в конструкцию и технологию изготовления троянского коня — основного изделия «Олимпа». Как только ожидаемый экономический эффект превышал пять драхм, составлялась заявка на рацпредложение. Естественно, что конструкторский отдел все время завоевывал почетные жасминовые тирсы за победу в смотрах-конкурсах на лучшую постановку рационализаторской работы. Еще естественнее, сектор НТК трудился не разгибаясь.

Своим подчиненным, инженером по внесению корректировок Одиссеем, Пенелопа была довольна. Жизнерадостный инженер обладал феноменальным даром мгновенно находить выход из любых бумажных хитросплетений, создаваемых падкими на тирсы конструкторами.

Все шло своим неспешным чередом, когда однажды в сектор позвонил непосредственный начальник Пенелопы — главный конструктор «Олимпа» Агамемнон.

— Пришла тут к нам разнарядка, — сообщил он без лишних предисловий. — Поедет твой любимчик на уборку оливок.

Агамемнон считался на «Олимпе» грубым и надменным человеком, попросту — тираном. Пенелопа возразить не посмела...

Одиссея провожали всем коллективом, с нежностью и трепетом, словно он отбывал не на обыденные сельхозработы, а в опасный одиночный заплыв до Геракловых столбов и обратно.

Инженер уехал, а Пенелопа еще долго стояла у окна. Сердце-вещун остается вещуном и у женщин завсекторами тоже. Оно предсказывало долгую разлуку и не ошиблось.

По двору грузовой пегас перевозил очередную партию готовых статуй «Афродита с веслом». На вершине горы шлакоотходов восседал на своем камне Сизиф — закусывал булочкой и кефиром (наступало время обеда). У подножия горы в состоянии творческой задумчивости расхаживал директор клуба им. Аполлона в повседневной трагической маске. Все было как всегда. Не хватало лишь Одиссея.

Пенелопа провела рукой по стеклу, поправила волосы и села за составление сводной годовой ведомости.

Через месяц пришла открытка от Одиссея.

«Убираем оливки, — сообщал он. — В первые дни убирал по два-три кило, но потом забастовал желудок. Пополнил, но не слишком. Рядом трудятся крепкие ребята, убирают за обе щеки. Привет! О.»

Спустя пару месяцев пришла новая весточка.

«Оливки — гадость! Больше их в рот не возьму. Приказом переброшен в заводское подсобное хозяйство на строительство коровника. Молоко и сметана

превосходные. Творог послабее... Помогал налаживать сепаратор (сливки).
Пополнел. О.»

Пенелопа стойко держалась еще три месяца. Но когда блудный инженер прислал третье послание; завсектором не выдержала. Она ринулась к Агамемнону. Но тиран не дал и слова сказать.

— Раззявы! — бушевал главный конструктор «Олимпа». — Что ты там навносила со своим Телемаком? Кони, кони!..

Пенелопа так растерялась, что даже пропустила мимо ушей неизвестно к кому относящихся «коней».

— Господи, что случилось?

— А то, что работать надо! Вкалывать, а не рыдать по сотрудникам! Плакальщица... Восемь же градусов наклон шеи, четко написано! А Телемак что внес в документацию, видела? Сходи в сборочный, полюбуйся! Понабрали контингентик...

Пенелопа помчалась в сборный. Всю площадку перед цехом занимали непринятые троянские кони — все как один с головами, повернутыми в обратную сторону. Казалось, что вострепнулись и разом оборотились назад поглядеть, что там такое произошло. Меж конями метался начальник сборочного, дрожащими руками пытаясь развернуть головы вперед. Гордые животные, сделанные из твердых сортов дерева, не поддавались. Рядом бродил начальник отдела сбыта и уныло бубнил представителю госприемки:

— Зато таких больше в вагон войдет. Больно придирчивы стали... Таким добром бросаться... Мы потом исправим! Приняли бы, а? С кем не бывает...

Пенелопа помчалась обратно к себе. Складки ее белого служебного хитона классически развевались на ветру.

— Берегись! — раздался откуда-то сверху истошный крик, и мимо со свистом пролетел камень.

— Очумела, тетка? — закричал с вершины Сизиф, случайно выпустивший камень из рук и теперь маскировавший испуг хорошо разыгранным недовольством занятого человека. — Опасная зона, куда прешь! Назад давай! Да не вправо, назад! Фу ты, влево ее понесло... Все уже, улетел камень, нету его! Во, улепетывает!.. Эй, тетка, сандалии потеряешь!

Пенелопа скрылась за штабелями ящиков.

— Ишь как убивается бабочка, — сказал Сизиф самому себе. — И правильно. Одиссей — муж стоящий, хоть и поест не дурак. Ничего, женится — отощает...

Хмыкнул и полез вниз доставать свой камень.

После инцидента с конями обстановка в секторе ИТК стала нервной. Ко всему, одолевали претенденты. На вакантное место Одиссея зарилось человек восемь.

Пенелопа стойко отбивала натиск.

— Место занято. Не понимаю, товарищи, на что вы рассчитываете.

— Если занято, где ж он тогда? — интересовались претенденты.

— Негоже, чтобы строчка пустовала!

Пенелопа терпеливо объясняла, что инженер Одиссей находится на временном отвлечении, санкционированном руководством «Олимпа». Выполнит задание и вернется!

— Как же, дожидайтесь, — упирались претенденты. — Его еще на курсы механизаторов загонят. А местечко пустует!

Два раза приходили кандидаты с записочками от богов. Целыми днями в помещении толкся народ, шли шумные препирательства, хохот, склоки... Телемак распустился окончательно и филонил внаглую.

Пенелопа была глубоко порядочной женщиной, но, как и все смертные, записочек от богов боялась.

— Черт с вами! Закончу сводную таблицу — приму нового. А сейчас некогда.

Борьба тянулась до лета. Стиснув зубы, верная завсектором заполняла таблицу.

Претенденты негодовали на вялые темпы, не догадываясь, что каждое утро Пенелопа тайно стирала записи, сделанные накануне. Полуготовая таблица лежала на столе, как белый флаг поражения. Но поднимать его Пенелопа не собиралась. Разобраться в итоговой сводке не смог бы никто...

Решающий удар был нанесен, как ни странно, самим Одиссеем.

Утром претенденты торжествующей толпой ввалились в помещение ИТК. В руках у них находилась только что полученная откритка.

«Согласно приказу вновь переведен на уборку оливок, — сообщал инженер. — Видимо, до самой осени. Худею. Ваш несчастный О.»

— По второму кругу пошел! — радовались претенденты. — Теперь он никогда не вернется. Засосало молодца! Пора нового принимать!

Плачущая Пенелопа устремилась в приемную тучегонителя.

Ей не повезло. Зевс был в минорном настроении.

— Дорогая, — произнес он с чувством. — Я все понимаю. Это наш крест, дорогая моя. Нужно нести его с достоинством...

Еще мальчиком мечтал Зевс о карьере крупного хозяйственника. Самозабвенно перечитывал он производственные романы, в коих трактовались вопросы о напех пущенных комбинатах, недостроенных очистных сооружениях, передовых главных инженерах и могучих директорах — ретроградах старой закалки. В душе маленький Зевс давал клятву обязательно закончить очистные, никогда не зажимать конструктивную критику и, по возможности, чаще шагать по своей стройке твердой походкой, вырывая объект из прорыва...

Зевс вырос и стал директором строящегося промышленного гиганта. Детские мечты преданы не были. В первую очередь Зевс позаботился об очистных сооружениях, создав грандиозную систему отстойников, фильтров, выпаривателей и обеззараживателей. Очистные получились лучшими в Древней Греции, но на сам комбинат денег уже не хватило.

Приехала комиссия и Зевса посадили.

Посадили его директором небольшого завода «Олимп». Молниeverжец быстро заскучал, начал философствовать, подумывать о внуках и пенсии — короче, опустил белые крылья. Иногда он вспоминал о детских мечтаниях над романами о передовых главных и ретроградах-директорах, понимал, что прошлого не вернешь, нервишки уже не те, да и печень совсем как чужая...

В такой момент и пришла на прием Пенелопа...

— Житья не стало, — жалостно, по-бабьи простонала завсектором. — Одиссея год не вижу. А работы невпроворот...

Самому себе Зевс жаловался охотно, но не любил, когда этим занимались подчиненные. Поэтому он встряхнулся и принял обычный тон.

— С вашими сотрудниками надо еще разобраться. Ставлю вас в известность, что Одиссей лежит в больнице с дизентерией. Обьелся на оливках. Есть сигнал: обьелся не случайно... Но об этом после. Какие меры вы, руководитель ИТК, предприняли для предотвращения ошибок, подобных недавно происшедшей?..

Пенелопа поняла, что пора выбрасывать белый флаг.

В назначенный день завсектором показала претендентам только что полученное, новое изменение, подписанное лично Агамемноном.

— Тот, кто сумеет разобраться в этом, станет моим заместителем. Срок — один рабочий день.

Срочно кинули жребий. Первый претендент небрежно взял бумаги, сел за одиссеевский стол и просидел, закрыв голову руками, около трех часов. Когда подошло время обеда, его толкнули. Соискатель не шелохнулся. Телемак осторожно отвел его руки от лица. Оказалось,

что претендент крепко спит. Разбудить сомлевшего кандидата смогли к концу рабочего дня.

На следующее утро за дело взялся другой кандидат. Этот оказался совсем слабак и уснул в четверть часа.

Конкурс продолжался. Из толпы любопытных следил за ходом борьбы чрезвычайно изможденный бородач. Когда из помещения вынесли очередного претендента, бородач произнес, ни к кому не обращаясь:

— Попробовать, разве что, мне?..

У Пенелопы затрепетало сердце-вещун.

— Так и есть, — хмуро сказал бородач минут через десять. — Агамемнон опять повторяется. Все это уже было. «Уменьшение диаметра правого заднего копыта троянского коня с целью снижения коэффициента трения...» Телемак, достаньте из архива номер 667/32. Есть? Ну вот видите... Вернуть на доработку!

Это был вернувшийся из странствий Одиссей. Сконфуженные претенденты покинули помещение с позором.

С тех пор Пенелопа никогда не отпускала своего инженера на внепроизводственные отвлечения. В том же месяце на оливки сумели спровадить Телемака, хотя он и отбивался справкой об аллергии решительно ко всему на свете. Лаборант отныне крайне редко появляется на рабочем месте, зато окреп физически и нравственно, хотя и приобрел странную привычку засыпать в любое время суток. Над его пустующим столом Пенелопа повесила групповой портрет членов сектора в полном составе. Временами, как бы забывшись, она смотрит на картину и шепчет:

— Это наш крест...

История третья ЗОЛОТЫЕ УШИ

Слухи о сменном мастере Мидасе давно ходили по «Олимпу», и слухи нехорошие.

Одни утверждали, будто он в рабочее время у себя на участке занимается алхимией. Другие доказывали, что все это ерунда, и Мидас просто запутался в махинациях с двойным ремонтом ящиков. Когда на мастера наложили крупный денежный начет, слухи усилились, достигли удивительной детальности и психологической глубины. Сообщали, например, якобы у Мидаса в его закутке вся мебель сделана из чистого червонного золота.

Одним словом, немало ерунды носилось по заводу об этом спокойном, замкнутом человеке. Но что делать? На всякий, как сказано, роток не набросишь платок...

На самом деле, свое знаменитое спокойствие сменный мастер тарного цеха давно уже хранил только с виду. На душе у него скреблись такие черные кошки, о которых не решился поведать и самому чуткому председателю цехкома...

Началось это наваждение с рядового случая. Бригада грузчиков в очередной раз приволокла в тарный цех грудку поврежденных ящиков.

Тарщики постоянно и намного перекрывали плановые задания, о чем не раз горделиво писала многотиражка «Боги жаждут». Складов, разумеется, не хватало, так как они были рассчитаны на нормальную работу. Штабеля готовой продукции загоняли во все уголки «Олимпа». Пегасы-тяжеловозы, запряженные в грузовые колесницы, то и дело натывались на эти горы, массаами приводя ящики в негодность. Специальная бригада собирала поврежденные изделия и утаскивала обратно в цех. Тарщики старательно придавали разбитым ящикам прежний вид, причем эта работа опять засчитывалась в план. Дальше воздвигались новые бастионы, и круг замыкался, чтобы повториться вновь и вновь.

Коллектив подобрался упорный. Грохот молотков, сколачивающих новые и возрождающих старые ящики, не смолкал ни на минуту. С помощью неповоротливых пегасов тарщики вечно лидировали в соревновании цехов.

Мидасу было неприятно смотреть, как труд его смены постоянно подвергается

порушению. И вот, впервые в жизни, не сдержавшись, наговорил кучу резкостей старшему конюх-экспедитору.

— Что это, я вас спрашиваю! — потрясал мастер разгромленным ящиком. — Ваши рысаки копытами порасшибали. Гоняют, как на ипподроме. Надо же умудриться — ни единой дощечки целой! Смотреть под ноги надо. Жокеи выискались, тьфу!..

— Расставлять не надо где попало, — резонно возражал конюх. — Шагу ступить некуда. У меня четыре пегаса травмированы.

— Облетайте, раз объехать не в состоянии. Раскормили одров, крыльями шевельнуть лень!

Мидас в сердцах трахнул кулаком по разбитому ящику и удалился в свой закуток (была у него маленькая клетушка позади участка) — пить валерьянку в таблетках и корвалол в каплях.

Когда он, по обыкновению подтянутый и сдержанный, снова появился на участке, там уже шла ругня. Особенно негодовал Сизиф, на время досыпки горы прикомандированный к транспортникам.

Его верный камень лежал в тенечке, заботливо прикрытый лопухами.

— Нормы для них не писаны! — бушевал несун-рецидивист, указуя ногой на сломанный ящик, отливающий тусклой желтизной. — Я им не Геракл! Где мастер? Подайте мне этого мастера!

— Я мастер. В чем дело?

— Ты попробуй, подыми его! Свинцовые делать стали, да? Мы, значит, надрывайся? Шалишь, мастер! Дураков нынче нету!

Мидас попытался приподнять ящик, но тот словно прирос к полу.

— Странно... Где вы его нашли?

— Ты, мастер, нам зубы не заговаривай! Твоя продукция, ты и держи ответ. А ну, подписывай наряд на отгрузку! У меня, может, ущемленная грыжа начинается!

Мидас в замешательстве подписал наряд, и Сизиф разом успокоился.

— погоди, а остальные кто затаскивать будет? — спохватился мастер.

Сизиф тут же очень артистично представил, как у него начинается ущемленная грыжа. Мидас махнул рукой и занялся странной тарой.

Только у себя в закутке, с помощью пяти человек затащив находку внутрь, Мидас установил, что ящик состоит из чистого технического золота. Пробы, впрочем, нигде не стояло.

Встревоженный мастер замаскировал сокровище старыми номерами многотиражки «Боги жаждут», тщательно запер дверь и отправился к начальству за инструкциями.

В кабинете начальника тарного цеха с широким, во всю стену окном, из которого открывался вид на храм заводоуправления, восседал быстроногий Ахилл. Он был только что переведен в тарный, обойдя таким образом почти все подразделения «Олимпа». Ахилл нигде подолгу не задерживался, стараясь только не слишком разваливать работу, а к своим горизонтальным перемещениям привык и даже подвел под них некоторую теоретическую базу.

— Я, — говорил он жене, — как и все вокруг, развиваюсь по спирали. Только спираль эта у меня сильно сплюснутая!

Супруга Ахилла нимало не возражала против сплюснутой спирали, так как должностной оклад мужа оставался почти неизменным. Как, впрочем, и премии.

— У нас тут ящик золотой обнаружился, — сообщил Мидас, не вдаваясь в подробности.

Ахилл величественно отвернул голову от окна и осмотрел подчиненного.

— Чего же вы от меня хотите?

— Как — запыхтел мастер. — Драгметалл все-таки... Оприходовать бы или как... Куда мне его девать-то?

Ахилл поморщился:

— Ваша фамилия, кажется, Мадас?

— Мидас. Ми — первый слог.

— Да-да, верно... На прибалтийскую похожа. Сами-то откуда?

— Местный я, — сдержанно ответил Мидас. — Грек.

— Так если грек, — задушевно произнес начальник, — почему такой трудный в жизни?

— Это как понять?

— Ну, вот явились вы ко мне насчет какого-то ящика. Трудно было этот вопрос на месте решить? Непременно желаете на других свою ответственность переложить. Сами-то боимся, так? Увиливаем?

— Я не увиливаю, — сказал сбитый с толку Мидас. — Я узнать только зашел...

— А вы поменьше, поменьше ходили бы, — посоветовал руководитель. — Своей головушкой почаще пользуйтесь... Нет, это поразительно! Только начинаю входить в курс дел, загружен по горло — сразу является один, другой, третий...

— Да я...

— Вы, именно вы, товарищ Мадас! Ступайте и работайте. Не отвлекайте меня, я нынче в гневе!

И Ахилл повернулся обратно к окну, возмущенно бормоча: «Душить прекрасные порывы!» — присловье, появившееся у него с недавних пор.

Мидас пришел к себе и сел звонить. В финансовом отделе принять ящик отказались наотрез. Бухгалтерия о золоте и слышать не желала, но предупредила об ответственности:

— Вы материально ответственное лицо. Ящик найден в вашу смену. Головой отвечаете за каждый грамм! Хранить только в сейфе!

Мидас положил трубку и глубоко задумался. После размышлений и терзаний решено было попытаться сдать золото в банк под видом найденного на заводе клада.

Колесницу с находкой с трудом волокли два грузовых пегаса. У выездных ворот дежурный Цербер потребовал накладную.

— Это клад, — объяснил измученный мастер. — Он без накладной лежал.

Цербер всем телом заслонил ворота, с угрожающим видом полез в кобуру, висевшую на ремне поверх форменного хитона. В кобуре страж ворот хранил три носовых платка (по числу голов). Тем не менее Мидас устрасился воинственного жеста и отступил. Злополучный ящик удалось смять в плотный ком под прессом в кузнечно-прессовом цехе. Мидас затолкнул драгоценность в слезно вымоленный сейф и какое-то время жил относительно спокойно.

На следующей неделе нагрянула комиссия во главе с Фемидой.

Проверяли дотошнее таможенников.

— Поступил сигнал, — многозначительно заявила заведующая лабораторией измерительной техники, помахивая неизменными весами. — Докладывают, что вы храните драгметаллы в значительных объемах без соответствующих документов. Больше того, тратите на личные нужды... Предъявите комиссии утвержденные нормы расхода, требования на выдачу и остальную документацию.

С трудом сохраняя знаменитое спокойствие, Мидас попросил забрать золото и употребить по назначению.

— На подобный шаг комиссия не имеет полномочий, — подумав, сказала Фемида. — Наша задача — предупредить злоупотребления.

Комиссия произвела тщательное взвешивание, для чего пришлось доставить из столовой грузовые весы. Далее был составлен акт за множеством подписей. Отдельно в качестве материально ответственного лица расписался Мидас.

С этого дня начались новые мытарства. Раз в месяц Фемида являлась для проверки. Золотой ящик с превеликими трудностями взваливался на весы, а поскольку никто не хотел таскать их взад-вперед, измерительный прибор поставили рядом с сейфом. Ответственным за сохранность и исправность весов назначили того же сменного мастера.

Однажды не хватило нескольких граммов.

— Допрыгались, — констатировала Фемида после очередной проверки. — Пойдете под суд. Халатность, а возможно, и злой умысел...

До суда не дошло, но денежный начет наложили. Сменный мастер неожиданно для себя превратился во что-то вроде алиментщика, растерял былую выдержку, перессорился с окружающими и по ночам часто наведывался на завод проверять, на месте ли сокровище.

К чести олимповцев, большинство из них довольно равнодушно отнеслось к вести о золоте. Всех куда больше волновала приближающаяся заводская олимпиада.

Мидас нервничал. Его смена работала все хуже. Ахилл заметил это и сделал мастеру строгое внушение. Мастер вернулся в свой закуток, сгоряча захлопнул дверь ногой, стукнул по столу кулаком и горестно призадумался.

«Обложили, собаки, — размышлял мастер. — Эх, и уволиться не дают... Что делать, что делать?»

В закутке постепенно темнело. Рабочий день давно закончился. Ничего не надумав. Мидас проверил пломбу на сейфе, потушил свет и толкнул дверь.

Дверь не поддавалась.

— Заперли, что ли? — Мидас толкнул посильнее.

Дверь не шелохнулась.

Сменный мастер навалился всем корпусом. С трудом удалось приоткрыть узкую щель. Озадаченный Мидас возжег светильник. Неровный огонек осветил дверь, засиявшую так, будто ее неделю терли наждаком.

Она была золотой.

Ошеломленный Мидас попытался, больно ткнулся об угол стола и похолодел вторично (дойдя, таким образом уже до минусовой температуры). Его рабочий стол, облупленный и покосившийся, тоже стал золотым. В незадвигающемся ящике виднелась отвалившаяся ручка. Мидас машинально попробовал вставить ее в родное отверстие. Ручка, отсвечивая желтизной, снова выпала, тяжело стукнув об пол...

Сменный мастер трудился до полуночи. С помощью лома дверь была снята с петель, а затем тщательно закрашена бронзовой краской в три слоя. Письменный стол удалось замаскировать под медный. Отвалившуюся ручку Мидас хотел сунуть в сейф, но вспомнил немигающие глаза Фемиды, заметался по комнате и положил под сейф. Там же обнаружился и выпавший из доски золотой гвоздик — причина недостачи. Мидас только глухо простонал. Почти бегом он поспешил через проходную и опомнился на улице.

Повторять прежних ошибок мастер не желал. О золотой двери «наверху» не узнали. Покрытая бронзовой краской, она так и стояла открыто, прислоненная к стене. Для верности Мидас облил ее грязноватыми белилами, а ручку свернул набок кувалдой — чтоб не позарились.

Но все эти хлопоты, по правде сказать, мало занимали сменного мастера. Он начал смутно догадываться об истинных причинах странного появления золотых находок. Мидас ждал удобного случая, и случай представился незамедлительно.

В цехе как раз провожали Ахилла, переведенного начальником конюшенно-транспортной службы (с сохранением оклада). Провожали по-доброму, потому что герой не успел толком ничего развалить. На узкое прощальное совещание Мидас приглашен не был. Расшатавшиеся нервишки плохо перенесли обиду. Мастер ощутил гнев и досаду — случай, одним словом, был подходящий.

Не давая злости улечься, Мидас заперся в закутке, приблизился к висевшей на стене трагической маске, с размаху долбанул по ней кулаком, сел за золотой стол и принялся ждать.

Время тянулось медленно, как на вокзале. Маска, подаренная директором клуба им. Аполлона за успехи на смотре самодеятельности, не думала меняться. Прошло десять минут, пятнадцать... Наконец будто легкая тень пробежала по губам, косматым бровям, страдальческим морщинам на лбу... Маска понемногу принимала желтоватый оттенок,

наливалась весом. Гвоздь, не выдержав тяжести, согнулся. Ставшая полностью золотой, трагическая маска сорвалась и с грохотом упала на пол.

Мидас все понял. Его способность превращать все вокруг в золото проявлялась лишь в минуты злости и досады. В спокойном состоянии ни удар кулаком, ни пинок ногой результатов не давали. Наступали новые времена...

Первым делом мастер поспешил в БРИЗ.

— Открытие века! — воскликнул он, появляясь в дверях, эффектно, как бог из персональной машины. — Теперь все пойдет по-другому!

— Бывает, — безучастно сказала завбюро, полная нимфа в очках. — Заявку, конечно, не принесли? Без нее к рассмотрению не принимаем...

Мидас выскочил в коридор, на подоконнике набросал заявку.

— Перепишите на бланк. Иначе не принимаем к рассмотрению.

Мидас переписал на бланк.

— «Чтобы всем стало лучше», — меланхолично прочла нимфа. — Это что, заголовок? Перепишите по образцу, гражданин. Иначе...

— Не принимаем к рассмотрению?

— Именно. И посерьезнее, посерьезнее! Заявка — не стихи!

Сидя на подоконнике, Мидас тщательно изучил образец.

Затем каллиграфически вывел на бланке:

«Заявка на предполагаемое изобретение. Название: превращение отдельно взятых предметов промышленного назначения и домашнего обихода в золото (аурум) путем нанесения равномерных ударов передней, а равно задней конечностью по поверхности превращаемого предмета под линейным углом 90—120 градусов с интенсивностью 1—3 удара в минуту».

— Так еще куда ни шло, — нехотя согласилась нимфа. — А где же схема техпроцесса? Расчет экономического эффекта? Ссылка на первоисточники? Вы что нам подсовываете, гражданин?

— Изобретение... — прошептал сменный мастер. — Я хотел, чтобы всем стало лучше...

— Кому-то лучше, а нам чтобы хуже, да? Возиться с вашим делом кому придется? Нам! Брали бы пример с ОГК: все рассчитано, вычерчено, не рацпредложение — конфетка! Ладно уж, на первый раз... Рассмотрим, уговорили...

— Когда? — просиял изобретатель.

— Через полгодика, думаю, в самый раз. Где-нибудь так в середине греческих календ. Прощайте, изобретатель!..

И вот теперь Мидас стоял в кабинете громовержца, пряча руки за спину, чтобы ненароком не сорваться. Нервный тик сотрясал некогда спокойнейшее лицо мастера. Он решил идти до конца...

Беседовать с директором «Олимпа» было, по-всему, очень интересно. Это напоминало игру «Угадай-ка!» Когда Зевс еще только начинал фразу, надо было догадаться, чем она закончится. В «угадайку» частенько игравали работники завода на совещаниях и планерках.

Если тучегонитель говорил о достижениях «Олимпа» и вдруг делал небольшую паузу, следовало ожидать слова «однако». И Зевс покорно говорил:

— Однако, товарищи...

И далее шла проверенная цепочка: «было уделено мало внимания вопросам...», «вскрытые недостатки стали предметом...», а в конце непременно: «подчеркнута необходимость принять действенные...»

— Мы... — говорил Зевс, и автоматически включившийся в игру Мидас легко догадывался: «...должны всемерно повышать то-то и то-то».

Вместе с тем... — начинал директор, и мастер мысленно продолжал: «...у нас, к сожалению, еще встречаются отдельные факты, когда...»

Мидас играл в «Угадайку» минут пятнадцать. Воспользовавшись паузой после слов

«наряду с вышеуказанным, следует...», он не стал дожидаться выражения «...отметить, что еще явно не достаточно», вмешался и нарушил правила игры.

— Все равно не понимаю, — упрямо проговорил сменный мастер. — Не дело это, золотом разбрасываться.

Зевс поперхнулся на слове «отметить». Глаза его медленно принимали осмысленное выражение.

— Вы... — начал он (про себя Мидас машинально закончил: «дальше своей колокольни не видите, а суетесь!» Но он ошибся).

— Вы, — сказал тучегонитель, — абсолютно правы. Да, правы. В принципе. Золотом разбрасываться нельзя. Это не мусор.

— Вот-вот, — обрадовался Мидас. — Надо использовать открытие. А они рогатки ставят... Бесхозяйственность!

— Э-э-э, — прищурился директор «Олимпа». — Не совсем так. К бесхозяйственности нас толкаете как раз вы!

— Я?!

— Да, вы, дорогой товарищ.

И Зевс в пять минут растолковал сменному мастеру систему заводского планирования.

— Существуют три основные системы. Выпуск продукции можно планировать в штуках, в деньгах и, наконец, по весу. Не дергайтесь, это очень интересно... Помните, мы выпускали бюстики Гомера?

— Как же не помнить. Весь завод был завален сверху донизу.

— Добавлю: и торговая сеть тоже... Но не в том суть. Тогда нам планировали по количеству — чем больше, тем нам лучше. Мы и старались. Шутка ли, двести тысяч Гомеров — годовая программа!

Мидас нетерпеливо пошевелился.

— Не спешите, — сухо заметил тучегонитель. — Затем нас перевели на другую систему. Главное теперь — выпуск в тоннах. Вес! Мы, понятно, переключились на производство двухметровых Афродит с веслом (два центнера)! Бюстики не годятся — вес чепуховый. Доходит?

— Понемногу...

— Я в вас не сомневался... А теперь, когда все отлажено и завод перекрывает показатели, приходите вы и требуете... Чего вы, собственно, требуете? Превращать статуи в золотые?

— Н-ну, хотя бы... Золото ведь. Ценность! Выгодно...

— Абсолютно правильно! Страшно выгодно! Но только когда?..

— Всегда!

— Не всегда, а только лишь в том случае, если нам станут планировать по стоимости! Тогда не из золота — из брильянтов Афродит будем делать! На шеи диадемы вешать! Чем дороже, тем лучше. Вот тогда ваше изобретение пригодится весьма и весьма. Тогда и приходите. А сейчас не время еще. Нечего здесь воду мутить.

— Но ведь золото тяжелое! — в отчаянии закричал Мидас. — Давайте сейчас внедрим!

— С ума вы сошли! — испугался громовержец. — Сейчас, когда нам спущены строжайшие инструкции по экономии драгоценных и цветных металлов! Не дай бог, что вы! Эй, чего молчите?..

Мидас не отвечал. Закрыв глаза, он лежал в кресле для посетителей, находясь в глубоком забытии.

Зевс срочно вызвал бога-референта.

Дионис ни на минуту не терял своей бодрости.

— В обмороке? Хозяйственный механизм — не для слабых духом... Да пошлите вы его в баню! Позвонить?

— Пожалуй, — согласился тучегонитель. — Скажи, пусть по полной программе примут. Ишь, как позеленел... А ведь кремень был, не грек!

...Третий день стоял Мидас под душем «шарко» в «бане» загородной дачи для олимпийского руководства. Золотистые струйки воды стекали с его тела, и вместе с ними незаметно уходил чудесный дар делать золотым все вокруг, наступали спокойствие, безмятежность, усталое безразличие...

Мидас посмотрел в настенное зеркало, и ему вдруг почудилось, что по обеим сторонам головы, медленно наливаясь тяжестью, вырастают, зреют, торчат лопухами уши — пара громадных золотых ослиных ушей...

Мидас отчаянно затряс головой, пытаясь избавиться от странного видения. Легкая рябь пробежала по бронзовому зеркалу, уши пропали без следа. Мидас снова стал обыкновенным, выдержанным, безразличным человеком, как многие на заводе «Олимп».

И тогда он заплакал.

История четвертая 13-Й ПОДВИГ ГЕРАКЛА

Биография Геракла напоминала повесть из юношеского журнала о становлении трудного подростка.

Еще в раннем детстве увлекся он дрессировкой змей. Из-за неправильного обращения два особо ценных экземпляра подошли. Родители вздохнули с облегчением. Но радоваться было рано. Будущий герой твердо решил сделать жизнь как можно интересней — и себе, и окружающим.

Он колотил соседских мальчишек, никому не давал спуска и бузотерил так, что участковый инспектор по делам несовершеннолетних не раз порывался поставить его на учет или перевести в специальную школу для чрезмерно энергичных подростков.

Родителям пришлось раньше обычного выпустить буйного отрока в плавание по житейскому морю.

К двадцати годам Геракл успел поработать в зоологической экспедиции, причем отличился при поимке редкого Немейского льва. Затем вернулся было к старому увлечению — занялся змееловством, но опять загубил ценный экземпляр (на сей раз Лернейскую гидру, посмертно занесенную в Красную книгу). С досады герой влюбился и долго работал швеей-мотористкой на фабрике верхнего платья — под началом у предмета своей любви.

Потом было еще много разного. В итоге Геракл попал на «Олимп», где сразу пришелся ко двору, совершил немало производственных подвигов и начал быстро продвигаться вверх. Бывший трудный подросток превратился в цветущего мужчину, одетого в броский костюм из натуральной львиной шкуры.

Знатное впечатление произвела на олимпийцев лихая очистка авгиевых конюшен в подсобном хозяйстве завода — мероприятие, диковинное по резвости. Геракл жаждал новых славных деяний, и вскоре получил такую возможность.

— Наслышан, наслышан... — тучегонитель похлопал героя по крутому плечу и усадил в кресло для посетителей. — Хвалю! Угощайся, у меня по-семейному, без церемоний.

Геракл отхлебнул из чашечки душистой витаминизированной амброзии.

— Решили мы тебе, дружок, дать одно деликатное поручение... — продолжал Зевс. — Пока проблема кажется неразрешимой. Справишься, можно будет подумать о твоём переводе на должность бога третьей категории... Твоя задача, дружок, состоит в том, чтобы в самом спешном порядке и полностью добиться...

...Геракл решительным шагом направлялся на центральный склад. Его щеголеватый костюм был застегнут на все пуговицы, лицо выражало непреклонную решимость. Герой знал, что именно должен сделать, но как это сделать, он не знал...

Могучий Геракл, триумфатор авгиевых конюшен, шествовал по заводу. Пробегавшие стайкой амазонки из цеха амфор и дисков дружно зарумянились. В тарном побросали

молотки, глазели на героя, высунувшись в окна. С вершины горы на эту величавую картину взирал несун-рецидивист, восседавший на камне в позе мыслителя.

Взойдя в центральный склад, Геракл собрал обслуживающий персонал и объявил полную и всеобщую инвентаризацию.

О, это была грандиозная операция!.. Через каких-нибудь полторы недели герой восседал за конторкой, почесывая стилосом в пыльной, всклокоченной шевелюре. Львиная шкура, продранная в трех местах, была наспех прихвачена суровой ниткой.

Шли доклады подчиненных. В помощь Гераклу придали Дионисия-младшего, двух молодых технологов и лаборанта Телемака. На заводе это называлось: изыскивать дополнительные мощности в среде ИТР.

— ...Еще обнаружено триста восемь колес для легковушек, — рапортовал Телемак. — Состояние среднее.

— Как понимать? — среднее? В дело годятся?

Телемак неопределенно повел плечами.

— Смотря в какое дело... Те, что по краям лежат, — в самый раз для утильсырья. Которые поглубже — ничего, можно на колесницы ставить. Потому и среднее.

— Триста восемь... — шептал Геракл, занося сведения в инвентаризационный свиток. — Плюс на пятом стеллаже было шестьдесят три. Итого: триста семьдесят одно. Число нечетное, странно... Они же парами поступают! Почему некомплект? — Не хватает или больше чем надо?

Телемак повел плечами, чихнул и высморкался.

— Ладно, свободен. Следующий!

— Восемьсот кифар.

— Как ты сказал? Чего — восемьсот?

— Кифар, — почтительно доложил Дионисий-младший. — Шестиструнных. Когда-то дефицит был. Хорошая вещь, петь под нее можно...

Геракл медленно поднялся из-за стола и оглядел подчиненного.

— У нас что, ансамбль хотели завести? Это получается по полторы кифары на каждого олимповца. На кой ляд нам столько этой дряни? — вскричал герой, швыряя свиток на землю.

Тут, как всегда, незаметно и внезапно, появился заведомо снабжения и комплектации Гермес.

— Что за шум, а драки нет? — вкрадчиво спросил заведомо, элегантный мужчина в импортных сандалиях с крылышками. — Недостача?

— Лишнее объявилось! Музыкальный инструментарий. Вопиющий факт!

— Вопиющий факт — это еще не повод для воплей, — афористично заметил Гермес. — Так было нужно, друзья! Производственная необходимость, усекаете? Кифары шли только в комплекте с кузнечным инструментом. Одни под одной рубрикой — «инструменты». Не взять их — означало остановить кузнечно-прессовый цех. На инструментальном заводе одно из подразделений изготавливает кифары, понимаете? В порядке поворачивания лицом к потребителю. Торговля, естественно, объелась ими по уши, а сбывать-то надо... Вот мы и берем.

Гермес, очень довольный произнесенной речью, пошевелил механическими крылышками на сандалиях.

— А запасных колес зачем такая уйма? До следующей эры хватит...

— Запас, дорогуша, карман не тянет. Он карман наполняет, — нравоучительно произнес Гермес. — Меньше чем по пятьсот штук колеса не отпускают на базе. Чтобы транспорт полупустым не гонять. Инструкция! Но мои орлы постарались и вместо пятой сотни взяли семьдесят чудных треножников.

— А их-то куда девать? — застонал Геракл. — Мы же сами такие выпускаем!

— А качество? — иронически прищурился Гермес.

— М-да, качество, конечно...

— Кроме того, мы свободно обменяем треножники на конский волос для шлемов.

Шлемы — на лавровые венки (огромный спрос в творческих союзах!), венки — на масло...

— О господи!

— Терпение, мой друг! Взамен масла мы получаем на АЗЛК⁷ остродефицитный розовый мрамор. У них остались излишки после возведения храма науки и техники.

— Теперь понял! — воскликнул Геракл. — Мрамор нужен для наших Афродит. Ловко закручено!

— Да, — безжалостно закончил заводелом снабжения. — Розовый мрамор нам нужен позарез. Мы обменяем его на крупную партию венков.

Геракл вытер пот львиным рукавом.

— Зеленый вы еще руководитель, как я погляжу, — подытожил Гермес. — Поверьте чутью старого снабженца, без венков нам труба! Впрочем, я не могу тратить время на разговоры с дилетантами!..

И он пропал с глаз долой, недовольно хмыкая в пространство.

Геракл остался недвижимо сидеть за столом, машинально перечитывая красочное объявление, приклеенное к стене:

СРОЧНО!!!

Отдел главного технолога примет на работу секретаря-машинистку на должность старшего инженера по внедрению. Оплата сдельная (по горячей сетке). Числиться будет на строчке экспедитора плюс 15 %, плюс доплата за высокогорный характер работ.

Подобных объявлений немало висело по «Олимпу», так как специальный стенд у проходной был навечно занят плакатом «Не стой под стрелой!» с изображением Вильгельма Телля на фоне башенного крана.

Геракл, сильный, но, в сущности, зеленый руководитель, был повергнут в полное отчаяние. На центральном складе, многочисленных его филиальчиках, в подсобках и сарайках, подвалах и амбарах валялись тонны добра.

Ящики заготовок для дисков соседствовали с кузнечным инструментом; кипы спецхитонов 60-го размера — с мотками отличной, но никому не нужной пряжи; слитки бронзы (для бюстиков Гомера) — с черепаховыми лирами, залежами ржавых щитов, крючками для вязания, станками, вазами, солнечными хронометрами, трезубцами о двух зубах, матрацами и тысячью других вещей. Для удобства все эти ценности именовались сверхнормативными запасами и числились за «Олимпом».

А венки! Геракл просто места не находил при мысли о венках, столь нужных, по Гермесу, для производства.

И ведь врал хитрый Гермес! Без венков была бы труба не «Олимпу», а лично ему, заведующему отделом снабжения и комплектации. Парилка была главным аттракционом среди развлечений, предлагавшихся гостям олимпийской «бани». Высокопоставленные гости усердно махали венками перед тем, как сесть за богатый стол. Затем, за кофе с коньячком, велись деловые беседы, принимались решения... Нет-нет, без венков Гермес просто не мыслил спокойной жизни! Каждый месяц списывалась масса использованных венков и тут же завозилась новая партия.

Так обстояли дела на самом деле. Геракл этого не знал. Он ринулся на разгрузку завода от сверхнормативов, как некогда в юности бросался на поединок с Немейским львом. В этом и состояло ответственное поручение Зевса.

Сверхнормативное добро ржавело, усыхало, сгнивало, поедалось мышами, просто исчезало неведь куда — и никто не заносил его в тревожную Красную книгу. Миллионы драхм висели на «Олимпе». Вдобавок Афина Банковская прекратила кредит, заявив:

— У них по складам столько валяется — хватит на небольшую страну. Как накопили,

⁷ АЗЛК — древнегреческое предприятие, Афинский завод легковых колесниц.

так пусть и сбывают!

Герой авгиевых конюшен бился, как подобает герою, — самозабвенно, с молодецким удалством.

На «Олимп» стали бояться приезжать в командировки. Директор соседней птицефабрики прибыл на завод, чтобы выпросить десяток вместительных амфор для зерна, и попался Гераклу на глаза... Через два часа притихший директор выехал во главе каравана грузовых колесниц, наполненных кипами спецсандалий и гранитных заготовок для весел Афродиты. Чем Геракл сумел запугать уважаемого куриного руководителя, осталось тайной.

Иногда герой становился за прилавок созданного по его инициативе универсального магазина «Бесценное — за полцены!». Он так мощно нахваливал свой залежалый товар, что в цехе амфор и дисков осыпалась штукатурка, а меч, подвешенный над станком Дамокла, звенел и крутился в воздухе, как пропеллер.

Для пущей рекламы каждому сотому покупателю вручался бракованный троянский конь с головой, повернутой назад. Простаки-покупатели доверчиво брали неправильных животных, наглухо запакованных в ящики. Именно с тех пор и получила хождение поговорка о том, что нужно бояться приносящих дары...

Победителям смотров самодеятельности, помимо жасминовых тирсов, выдавались ржавые щиты.

Олимповцы, желавшие вступить в садовый кооператив «Своя оливка», обязаны были предъявить квитанцию о покупке кифары — по одной на каждого члена семьи.

Кстати сказать, кифарами Геракл занимался особо. Объявления о наборе в кифарные кружки заполнили все уголки «Олимпа». От шпиля на храме заводоуправления до трубы кузнечно-прессового цеха протянулся над предприятием плакат, написанный метровыми буквами. Возле трубы полотнище закоптилось, и окончательный текст выглядел так:

«ОЛИМПОВЦЫ! НА КУРСЫ ИГРЫ ПО КЛАССУ КИФАРЫ ВАС
ПРИГЛАШАЕТ ГЕРА...»

Новое имечко сразу прилипло к Гераклу. Поначалу герой возмущался и норовил вступать в жаркую битву с обидчиками, потом привык и стал охотно отзываться на «Геру». Он был, в общем-то, добродушный и отходчивый древний грек.

Трудно предположить, что еще предпринял бы герой для очистки завода от сверхнормативов, но через пару месяцев центральный склад вместе с филиалами опустел, как оливкохранилище весной.

Геракл гоголем прошелся меж опустошенных стеллажей, заглянул в подсобные помещения, подвалы. Все было вычищено под гребенку — распределено, пущено на запчасти, обменено, подарено, всучено, навязано в комплекте, переработано...

Геракл вычистил щеткой поизносившуюся львиную шкуру и отправился в храм заводоуправления, распорядившись напоследок освободить «Олимп» заодно и от объявлений.

Слава, эта капризная дама, не заставила себя ждать. Тучегонитель отправил Афине Банковской гонца с ликующим посланием. Приказом по заводу герой был переведен в боги 3-й категории и, тем самым, причислен к сонму олимпийских руководителей верхнего звена.

Многотиражка «Боги жаждут» посвятила производственному подвигу целый разворот. Три колонки занимало интервью под заголовком «Скажи мне, Геракл, любимец богов...» Материал сопровождался рисунками, изображавшими деяния героя. В центре красовался портрет: Геракл, стоя на колеснице, обзирает строительство нового цеха амфор и дисков и как бы дает руководящие указания...

К новому корпусу Геракл не имел ни малейшего отношения, но редактор многотиражки решил подать материал поэффектней. Он же (редактор) переложил вопросы и ответы на звучный гекзаметр. Последнее сделать было легко, ибо глава многотиражки всерьез баловался стихами. Оставшись в одиночестве, он частенько надевал на голову

лавровый венок — вещь, требовавшую терпения и трудолюбия, так как лавровый лист приходилось покупать в пакетиках и долго отпаривать над кипятком (иначе не сплеталось).

Во время интервью Геракл поинтересовался, чего, собственно, жаждут боги из названия газеты.

Редактор ответил весьма строго:

— Боги могут жаждать только одного — безусловного выполнения плана по всем технико-экономическим показателям. А вы, что же, не жаждете?

Герой смутился и пробормотал:

— Нет, отчего же... Я тоже жажду... Как без этого... Я просто к тому, что название больно уж громкое.

— Ну, это не нам с вами решать, — спокойно возразил редактор, и на этом интервью закончилось.

Поздно вечером уставший от почестей Геракл вышел за проходную. По улице тянулась вереница грузовых колесниц.

— Куда путь держите? — поинтересовался герой у сонного возницы.

— На склад, куда еще...

— На какой склад?

— Известно, на какой, на наш, олимпийский. Но-о, проклятушая! Почитай, через день возим и возим. Животное покормить некогда!

— А что возите-то? Какой груз? — взволновался Геракл.

— Да разный, — охотно откликнулись из арьергарда. — Сейчас вот кифары пошли. Второй день одна песня — кифары да кифары! У нас теперь, случаем, не музыкальный завод будет? Смехота!

— Музыкальный, — глухо произнес Геракл. — У нас тут ежедневно концерты и сольные выступления. Проезжай давай, не задерживай колонну, а то сейчас разнесу весь ваш кифарный караван к чертовой бабушке!

Перепуганные возницы нахлестнули своих пегасов и укатили за угол, оглядываясь на взбешенного героя.

Геракл все понял. Пока он очищал центральный склад, оборотистый Гермес со своими толкачами, не теряя золотого времени, переоборудовал заводское оливкохранилище. Теперь туда свозились вновь, приобретаемые запасы. На завод потоком шли солнечные хронометры, устаревшие еще до покупки станки, вазы, сандалии 60-го размера... Недаром любимая поговорка заведующего отделом снабжения Гермеса гласила: «В нашей Греции все есть! А нет — так будет!»

На следующее утро прибыл гонец от Афины.

«Сверхнормативные запасы, — говорилось в официальном свитке, — возросли с 4 до 5 миллионов драхм. Ввиду этого, в дальнейшем ссуды „Олимпу“ будут предоставляться из расчета 20 % годовых».

А к вечеру, полный разочарования, Геракл уже катил в далекую командировку за яблоками сорта «Золотой налив» для заводской столовой. Просился-то он еще дальше — в рискованный вояж за кожсырьем, но туда отправился Язон с бригадой специалистов.

В дальнейшем Геракл очень не любил вспоминать о своем неудавшемся подвиге и убедительно просил других не делать этого. По сей уважительной причине одно из самых блистательных деяний могучего героя навсегда осталось скрытым от пытливых умов историков. В памяти поколений сохранились предания лишь о двенадцати подвигах Геракла. А жаль.

История пятая СЧАСТЛИВЫЙ ПОЛИКРАТ

На заводе «Олимп» работали разные люди — везучие и незадачливые, флегматики и холерики, передовики производства и нарушители трудовой дисциплины, зеленые юнцы и умудренные ветераны, светлые головы и, наоборот, ударенные пыльным мешком из-за угла... Всякие, словом, подобрались люди.

Но самым счастливым из всех олимповцев, бесспорно, был заместитель директора по капитальному строительству Поликрат.

Поликрат имел все, что нужно древнему греку для счастья: отдельное жилье (с колоннами скромными, но приличного ордера), приятную должность с недурным окладом, персональную колесницу последней модели. Кроме того, имелись в наличии: нескандальная жена, милые детишки — дочка-отличница и сын — будущий археолог, — дача и... Впрочем, никакое не «и». Напротив — самое главное. Итак, у Поликрата было самое первое и важное — здоровье юноши-дискобола.

Комплект, таким образом, имелся полный.

Из этой причины (счастья) вытекало три логических следствия.

Во-первых, Поликрат, как и многие столь же счастливые люди, обожал прикидываться несчастным. У безжалостного Цербера каждый раз перехватывало горло от жалости, когда замдиректора, страдальчески мигая глазками, брел утром через проходную. Левую руку Поликрат неизменно держал на сердце. Так, с прижатой рукой, сидел на совещаниях, обедал в столовой, ездил на персональной колеснице, поливал на огороде редьку, даже спал.

Если Зевс интересовался на летучке, как идут дела во вверенной службе, заместитель по капстроительству, опустив голову, молчал минуты три. Затем следовал прерывистый вздох — как бы подавляя подступающие рыдания. Присутствующим становилось жутковато. Тело замдиректора обмякало, рука, прижимая к сердцу, дрожала быстро и мелко.

Зевс пугался.

— Вы мне только цифру скажите, и все. Хоть за прошлый квартал...

Судорожный всхлип. Слезы нависают на ресницах.

— Не надо, не надо за квартал! За месяц скажите, и я вас тут же отпускаю. Сколько процентов? Тихонько, не напрягаясь...

Первая слеза уныло капает на председательский стол. За ней готовится целая горячая очередь. Правая рука лезет за валидолом.

— Все, уже все, — говорит Зевс. — Ступайте отдыхать. Только один малюсенький вопросик... План есть? И сразу уходите! Задание выполнено? И сразу — домой! Кивните, да или нет. Последнее усилие, дорогой...

Горестная пауза. Всем хочется зарыдать или повить.

— Да, план есть... — еле слышно звучат слова горемыки-замдиректора, более похожие на стон раненой утки.

Облегченные вздохи превращают кабинет тучегонителя в некое подобие моря — в тот самый момент, когда из пучин всплывает кит и усиленно дышит полной грудью.

— Вы свободны! А может, приляжете? У меня тут диванчик в комнате отдыха...

Поликрат безнадежно мотал головой, плелся в свой кабинет на дрожащих ногах.

Так с ним и мучились. Разговаривать на повышенных тонах боялись — а вдруг не выдержит и умрет? Перевести на менее ответственное место опасались по той же причине — а вдруг... Поэтому Поликрата старались не трогать, но боязнь оставалась — обделенный вниманием, запретя в своем кабинете и опять же умрет!

Трудно было работать со счастливым Поликратом.

Вторым следствием, вытекавшим из полного поликратовского счастья, было стремление избегать.

Замдиректора тщательным образом избегал производственных рытвин и ухабов, острых углов, загвоздок и закавык — то есть всего, что могло нанести урон взлелеянному блаженству. Поэтому Поликрат все округлял.

Делал он это с упоением. Особенно доставалось неровным Цифрам типа 93,7%.

Поликрат не мог смотреть на них иначе, как с омерзением, и неизменно приводил в божеский вид — то бишь, округлял до 100.

Но подлинного мастера отличает какой-нибудь, ему одному свойственный, гениальный мазок. Таким заключительным мазком для замдиректора была единичка. Аккуратно поставленная после запятой, она достойно венчала творение. В отчете получалась симпатичнейшая цифра — 100,1 процента. Число, с одной стороны, достаточно круглое, чтобы получить премию, а с другой — вполне достоверное из-за маленького гениального довеска.

Поликрат настолько полюбил эту немудрящую цифру, что даже название арабских сказок казалось ему не «1001 ночью», а 100,1 — то есть полным выполнением плана по ночам, да еще и с некоторым запасиком. И, наконец, третьим следствием счастья была борьба с посягательствами.

Замдиректора никому не позволял посягать и сомневаться. А попытки, надо сказать, были постоянные.

— Поразительно! — возмущался проверяющий из министерства после осмотра строительства нового корпуса. — Технология допотопная! Каменный век!

Поликрат немедленно оскорблялся до самых глубин своей счастливой души.

— Где ж каменный-то? — раздраженно говорил он, смахивая яростную слезу. — У нас давно бронзовый век! Мы всегда шагаем в ногу со временем, да-с!

Тут же он принимался обильно плакать. Проверяющий в замешательстве уезжал обратно в министерство, увозя с собою сувенирную Афродиту, сделанную по высшему классу — то есть с головой и руками.

Время от времени на покой замдиректора посягала многотиражка, взявшая строительство под контроль. Но Поликрат сумел отвязаться от настырного редактора раз и навсегда.

— Что вы ко мне повадились? — спросил он однажды. — Видите, вот у меня утвержденный план строительства?

— Вижу, — ответил редактор. — И вы его регулярно срываете.

— Простите, — ядовито заметил Поликрат. — Вы, собственно, что заканчивали?

— Допустим, журфак?

— Так как же вы, человек без специального образования, беретесь судить о тонкостях строительного дела? В плане ясно указано: срок окончания работ — греческие календы. Вот когда они настанут, тогда и поговорим.

— Когда же они настанут?

— А вот как закончим строительство, так и настанут, — ответил великолепный Поликрат, и редактор отвязался.

Таким образом, заместитель тучегонителя успешно избегал, округлял, боролся с посягательствами и, в целом, благополучно двигался вперед — к заветной пенсии.

Но однажды пришла беда.

Замдиректора сидел в кабинете и смотрел в окно на гору шлакоотходов. На него всегда умиротворяюще действовал вид Сизифа, возившегося на вершине с камнем.

Несун-рецидивист как раз пробовал усовершенствование — с помощью лебедки втаскивал камень наверх на веревке. Сизиф неторопливо крутил ручку и прикидывал, сколько можно сорвать за такую «рацуху».

Поликрат любовался идиллической картиной, как вдруг мирный ход его мыслей был прерван резким стуком в дверь.

Двое рабочих внесли в кабинет странный аппарат с клавишами и матово-бледным экраном.

— Распишитесь, — сказал старший рабочий. — Вам полагается.

— А что это такое?

— Разносим вот, — неопределенно ответил рабочий. — Расписывайтесь давайте. Компьютера не видали?

Рабочие ушли, оставив аппарат на столе.

Счастливым Поликрат в самом деле никогда не видал компьютеров. Он смутно припоминал, как на одной из летучек молниeverжец что-то говорил об этих устройствах. Замдиректора плохо расслышал, что именно, так как лежал на диване в комнате отдыха и пил валерьянку. Отчетливо донеслись слова: «полный и безусловный переход» — и только. Поликрат решил тогда, что Зевс носится с очередной идеей-«фигс», и не стал забивать себе голову ерундой.

— Дождались, — прошептал он тоскливо, — не терпится им... Накупили импортных аппаратов!

Но компьютер отнюдь не был импортным. На маленькой бронзовой табличке значилось: «Мэйд ин Древняя Греция». Поликрат ощутил, как его сердце впервые в жизни дало чувствительный перебой.

Компьютер ему сразу не понравился. Первое же включение принесло конфуз. Вредная машинка мгновенно подсчитала точные сроки окончания строительства нового корпуса цеха амфор и дисков. По ней получалось, что, затратив указанные в отчетах средства и материалы, поликратовская служба построила корпус еще в позапрошлом году, затем возвела вторично, а в данный момент заканчивала в третий раз...

Поликрат поспешно выключил аппарат и оглянулся. В кабинете, к счастью, никого не было. Замдиректора перетащил пакостную машинку на шкаф и замуровал пачками скоросшивателей.

Первым жгучим желанием было унести компьютер от греха обратно на склад. Но Зевс лично обходил кабинеты руководителей, проверяя, как используется новая техника... При посторонних Поликрату приходилось пользоваться аппаратом, но, оставшись один, он снова ставил компьютер на шкаф.

Самое обидное, поганая машинка нипочем не желала округлять, выдавая цифры с целой пригоршней знаков после запятой. Надвигался хаос. Истерзанный Поликрат решил биться за свое счастье до последнего.

На совещаниях он поражал олимповцев прорезавшимся красноречием. Слезы и стоны разом канули в вечность.

— Наша служба всегда находилась на высоте! — вещал он. — Свои сто и одну десятую мы всегда давали и будем давать. Даже несмотря на погоду! Зачем же нам затраты на никому не нужную компьютеризацию? Надо больше доверять нашим замечательным людям, чаще обращаться за советом к ним, а не к бездушному устройству! Свой компьютер мы готовы безвозмездно передать в бухгалтерию. Там он действительно нужен!

Тучегонитель, приписавший перемены в подчиненном благотворному действию новой техники, уступать был не склонен. Убедением, следовательно, взять не удалось. Тогда Поликрат решил прибегнуть к методу физических действий.

Вернувшись с очередной летучки, на которой Зевс цитировал распечатку с олимповского ВЦ, высказал сомнения в благополучии дел на строительстве, — итак, вернувшись в кабинет в состоянии угрюмого бешенства, замдиректора стащил компьютер со шкафа, поставил на стол и сурово произнес:

— Чтоб ты сдох!

Компьютер безответно взирал матовым оком на гневного руководителя. Поликрат протянул указательный палец и потыкал в экран.

— Все из-за тебя, зараза! Напаяли нам на голову...

Компьютер молчал. Дернув щекой, Поликрат размахнулся и сбросил аппарат на пол.

Экран криво треснул по диагонали, и замдиректора задышал свободнее.

Ай-ай-ай, — сказал он безжалостным голосом. — Какое несчастье. Мы остались без нашего замечательного компьютера. Как нам теперь жить! Ай-ай.

На радостях счастливый Поликрат «округлил» выполнение месячного плана с 79,7 до 100,2 процента. Однако всего через неделю аппарат принесли из ремонта. Мириться со вторичным появлением электронного врага замдиректора не мог. И он тайно вызвал к себе

Сизифа...

Той же ночью в кабинете заместителя по кастроительству около полуночи послышался тихий крысиный шорох. Злоумышленник проник в помещение и унес компьютер Поликрата в неизвестном направлении, не оставив, как водится, никаких следов.

Группа добровольцев во главе с самим Поликратом трое суток прочесывала территорию «Олимпа». Компьютер как в воду канул, хотя Цербер утверждал, что с завода не могли вынести ни пушинки. Его заподозрили в защите чести мундира и закатали строгача.

Поликрат блаженствовал. В его голосе появились прежние тоскливые нотки, походка стала шаркающей, а слезы были готовы хлынуть ручьем по первому зову. Короче, Поликрат обрел прежнее счастье.

Удар нанес, пожалуй, самый далекий от заводских хитросплетений работник «Олимпа». И на сей раз треснувшее поликратовское счастье разлетелось вдребезги навсегда.

В озерцо, разлившееся за горой шлакоотходов, директор клуба имени Аполлона для колорита запустил карпов. Сидя в обеденный перерыв на бережку с удочкой, директор внезапно ощутил сильнейший рывок. Ученик Аполлона не пожелал расстаться с удочкой. После упорной возни на песке очутился гигантский карп, случайно зацепившийся за крючок боковым плавником.

Вечером в клубе художественной самодеятельности состоялся пир по поводу поимки чудо-карпа. Зевсу, самому почетному гостю, с намеком положили рыбью голову. Поликрату (приглашенному, чтобы потом не жаловался) отрезали из середки. Директор клуба находился в ликующем состоянии, в основном пел, и ему просто не хватило.

Замдиректора поднес к губам аппетитный ломоть белого мяса, надкусил и, громко застонав, застыл с некрасиво разинутым ртом. Из надкушенного куса заблестела в пламени светильников бронзовая табличка «Мэйд ин Древняя Греция».

Красавец карп ценой своей рыбьей жизни раскрыл тайну пропавшего компьютера, польстившись по глупости на несъедобную табличку.

— Нашелся, голубчик! — воскликнул Зевс. — А вы переживали, — обратился он к позеленевшему Поликрату. — Радуйтесь, обошлось!

Поликрат сделал над собой нечеловеческое усилие и просипел:

— Хорошо-то как...

Участники пира загалдели. Директор клуба запел еще громче. Поликрат остекленело улыбался. Добровольцы побежали к озеру вытаскивать компьютер, утопленный халтурщиком Сизифом на мелководье.

...Через неделю Поликрат сидел в своем кабинете один на один с отремонтированным аппаратом. Замдиректора и компьютер смотрели друг на друга без признаков симпатии. За окном было видно, как на вершину горы, кряхтя, взбирается Сизиф. Его рацпредложение о подъеме камня на гору лебедкой отклонили из-за малого экономического эффекта. Попутно выяснилось, что «гранитный» камень сделан из пемзы.

Теперь несун-рецидивист катал по склонам настоящий камень и проклинал все на свете, ибо ему поручили утрамбовывать гору шлакоотходов по периметру — с оплатой строго по-сдельному.

Поликрат взглянул на потного от натуги Сизифа. На душе было невыразимо скверно. На столе бесстрастно светил матовым оком проклятый аппарат.

Замдиректора оторвался от окна и резко нагнулся над столом, готовясь разломать и уничтожить электронного врага. Он занес кулаки над компьютером и... вздрогнув, застыл на месте.

Поликрату показалось, что в кабинете звучит тихая музыка. Разом предстали перед его мысленным взором кабинеты «Олимпа», сотрудники, сидящие перед мерцающими экранами дисплеев.

Директор Зевс и сменный мастер Мидас, бог-кузнец Гефест и упорная Пенелопа, строгая Фемида и даже Ахилл, опять переведенный на новое место... Десятки людей сидели перед компьютерами, словно пианисты, положив руки на клавиши. Под их пальцами вместе

с колонками цифр, бегущими по дисплеям, рождалась грозная мелодия. Музыка крепла, разрасталась. Это был торжественный гимн неведомому прекрасному будущему и одновременно марш — отходной марш по нему, по нему! — заместителю директора «Олимпа» счастливому Поликрату.

Анатолий Шалин

АВТОРИТЕТ

Через джунгли Спеллы они шли уже вторую неделю. Впереди шагал охотник, невысокий высохший старичок туземец, в одежде из звериных шкур, с длинным тяжелым луком за спиной, мешком с провизией и колчаном, в котором оставалось восемь стрел. За охотником, стараясь не отставать, брел молодой крепкий парень в легком защитном комбинезоне астролетчика Земли. За спиной у него болтался рюкзак, на плече — автоматическое ружье.

Парня звали Валентином, он был порядком измотан долгой дорогой и только удивлялся выносливости своего спутника.

— Далеко еще? — спросил он, заметив, что Хиск, так звали туземца, опять меняет направление пути.

— Мало, совсем мало, — ответил Хиск, перелезая через полусгнивший ствол дерева.

Валентин вздохнул.

Понятия о расстояниях у туземцев были весьма расплывчатыми. Уже который день он спрашивал, много ли им осталось идти, и в ответ слышал одно и то же:

— Мало, совсем мало...

Дни шли, тянулись вокруг болота и джунгли, кончались продукты, а Хиск все твердил:

— Мало, совсем мало...

И Валентин уже не знал, издевательство это или детская наивность. Он хлюпал по густой, жирной грязи высокими сапогами и, мысленно проклиная себя за доверчивость, ругал потихоньку климат, москитов, цепляющиеся за комбинезон растения, кустарники, шипы которых и через два слоя пластика вонзались в кожу ног. Ругал саму планету, на которую его занесла судьба.

На Спелле это была третья экспедиция.

Полгода группа Валентина проводила изыскания среди джунглей и болот большого континента, а результаты оказались более чем скромными.

Все попытки наладить устойчивый психологический контакт с местными полудикими племенами кончались, как правило, неудачей. Туземцы избегали встреч с пришельцами, прятались при появлении участников экспедиции. Открытой вражды не чувствовалось, но не было и дружественных отношений.

В этот раз почти повезло: земляне наткнулись на группу больных туземцев, брошенных своими же сородичами. Туземцев вылечили, выходили, казалось бы, теперь возникнет если не дружба, то элементарная признательность к спасителям, но нет. Осталась все та же замкнутость, остался страх перед непонятным могуществом людей с неба и все те же бесконечные молитвы племенным богам.

Правда, туземцы помоложе немного оттаяли, с любопытством поглядывали на оборудование, на технику людей, интересовались оружием. От них Валентин впервые узнал, что когда-то на континенте существовала могучая цивилизация, строились города и храмы. Затем начались годы войн, болезней, несколько десятилетий длилось сильное похолодание. На цветущие долины обрушились ливни, снежные заносы, ураганные ветры. Всего этого оказалось достаточным, чтобы города опустели и разрушились, а джунгли поглотили их развалины.

Остались легенды, остались мелкие разрозненные, племена охотников и скотоводов.

Когда Хиск предложил землянам показать Большой Храм, расположенный где-то в джунглях, Валентин обрадовался. Правда, туземец наотрез отказался вести к храму больше одного человека, да и тот, по мнению Хиска, должен был быть самим Валентином, руководителем группы.

Валентин только посмеялся над желанием старичка привести к своим богам не какую-нибудь мелкую сошку, а самого главного из людей неба, но с требованиями проводника пришлось согласиться.

И вот они идут по джунглям Спеллы уже десятый день, а Хиск на все вопросы отвечает одним и тем же:

— Мало, совсем мало...

«Он, видно, решил меня уморить, — размышлял Валентин. — Еще немного — и я попаду к его богам и без проводника. Интересно, как он сам выдерживает этот путь в джунглях? Ведь лет ему уже немало... Шустрый старикан! За таким не угонишься...»

Охотник вдруг остановился, сбросил с плеча мешок, прислонил к дереву лук, повесил на ветку колчан со стрелами.

Валентин отдышался:

— Хиск, отдых делать будем?

— Нет, — покачал головой охотник, — рано отдых. Но мы пришли. Молиться буду.

И Хиск уселся на вывороченное корневище и долго вертел головой, раскачивал туловище из стороны в сторону, поднимал глаза к небу, взгляд его блуждал по верхушкам деревьев. Наконец, он встряхнулся, точно зверек, вылезший из воды, и махнул рукой вперед:

— Боги!

Валентин осмотрелся, но ничего не заметил, кроме гористого склона, заросшего кустарниками и лианами. И лишь когда они прошли несколько десятков шагов, он понял, что под ногами у него уже не грязь, а высеченные в скале древние ступени, ведущие куда-то на вершину холма.

По ступеням, покрытым мхами, вьющимися цветами и колючками, они поднимались четыре часа. Уже близился вечер, когда Валентин с Хиском вышли на небольшую каменистую площадку. С трех сторон площадку окружал скалистый обрыв, а с четвертой уходила вниз единственная тропинка, по ступенькам которой они поднялись, и возвышалась отвесная серая стена, в которой чернело отверстие входа. Очевидно, это и был храм.

Сверху со стены свешивались бесчисленные гроздья пурпурных ягод, гирлянды белых и сиреневых цветов, пестрели мхи — и трудно было понять, искусственное это сооружение или естественная пещера в скале, так все было заброшено, заросло и разрушилось от времени, ливней и жары.

Валентин посмотрел на Хиска.

Охотник сложил все свои пожитки у стены и, явно собираясь развести костер, подбирал разбросанные вокруг сухие ветки и стебли смолистых растений. Выковыривал сухой мох из стены.

Сбросив рюкзак, Валентин положил на него ружье и, достав из кармана фонарик, с любопытством осветил арку входа. При внимательном осмотре выяснилось, что древние архитекторы свое дело знали, арка вблизи не выглядела такой примитивной, как с верхних ступенек тропинки. Была выдержана симметрия орнамента и боковых стен.

Из храма тянуло прохладой и сыростью.

— Хиск, ты пойдешь со мной? — спросил Валентин и оглянулся на своего спутника.

— Нет! Нет! Нельзя! — Старик замахал руками. — Ты один будешь говорить! Боги! Боги!

— Один так один, — пожал плечами Валентин. — Завтра осмотрю, сейчас уже поздно.

Валентин заглянул в глубину галереи, уходящей в темноту, и вдруг услышал за спиной щелчок взводимого курка.

— Осторожнее, — крикнул Валентин, резко оборачиваясь.

Хиск держал в руках его охотничье ружье и направлял дуло в сторону Валентина.

— Что ты делаешь? — крикнул Валентин, инстинктивно приседая и отскакивая в темноту храма.

В то же мгновение за спиной Валентина пуля чиркнула по стене.

— Хиск! Что с тобой? Зачем стреляешь?

— Боги! — взвыл туземец и еще дважды выстрелил из ружья.

Только теперь Валентин понял, что попался. Попался глупо, как мышонок, угодил в ловушку. Хиск завел его в джунгли, в храм, с единственной целью — принести в жертву своим каменным идолам. Местные боги для старца оказались важнее, чем могущество и доброта пришельцев с неба. Скорее всего, в людях экспедиции Хиск видел лишь непонятных чужих богов. Богов суетливых, добрых, а значит, слабых. И доверчивых.

«Вот и пойми этих аборигенов, — подумал Валентин, — выходит, устойчивого контакта опять не получилось. Что же теперь? Надо выкручиваться, а как?» — Он осторожно выглянул из храма.

Старик занял удобную позицию у спуска со скалы и, разложив перед собой ружье, лук и стрелы, медленно и обстоятельно отвешивал небу поклоны.

Валентин задумался.

Положение было отчаянным. Хиск в порыве фанатизма готов отправить своего спутника к богам — сомнений в этом больше не было. Выход из храма и спуск со скалы старец охранял зорко. Рюкзак с продуктами остался лежать на площадке перед входом, в каких-то трех метрах от Валентина, но дотянуться до него не было никакой возможности. Зная умение Хиска стрелять из лука, Валентин понимал, что стоит ему высунуться из арки — и он будет мертв. Надо было искать другой выход из храма.

«До базы десять дней пути по джунглям, — прикидывал Валентин, уходя по галерее в глубину храма. — Если бы удалось добраться до рюкзака и вызвать по рации ребят, все было бы в порядке, но пока это невозможно. Последний раз я вел переговоры с базой три дня назад, но тогда мы были значительно севернее, а потом свернули на запад. Без рации меня будут искать и месяц, и два... Конечно, можно добраться до своих самому, компас у меня на руке, недели за две я бы добрался. Правда, с продуктами туговато, но всегда что-нибудь можно найти в джунглях. Значит, главное — выбраться из храма незамеченным. Интересно, есть ли здесь другие выходы и входы? Странно все-таки, Хиск ведь знает, что у меня нет оружия, а в храм за мной не пошел. Богов своих боится, что ли?»

Каменный коридор, по которому брел Валентин, уходил вниз, в глубину горы. Под ногами скрипела сырая галька, местами сапоги попадали в липкую беловатую слизь, по стенам, сложенным из огромных базальтовых блоков, росли черные и пурпурные мхи. Откуда-то с потолка галереи капала вода.

Самочувствие у Валентина было скверным. Угнетало не столько собственное положение, сколько предательство охотника. «Хотя, — размышлял он, — можно ли считать действия Хиска предательством? Да, они бок о бок пробирались через джунгли, грелись у одного костра, вместе спасались от зверей. Он сам обучил старичка пользоваться ружьем. Рассказывал ему о Земле, о людях. Убеждал, верил, желал добра ему... А в ответ?.. Психология местного жителя штука, конечно, сложная. Были, наверное, какие-то ошибки, просчеты... А теперь?.. Что теперь?.. Неужели нет выхода? Такая сложная система переходов, тупиков, залов не должна оставаться замкнутой...»

Валентин методично, за часом час, обследовал каждый коридорчик, каждый тупик подземелья. В одном из залов он вдруг увидел звездный свет. Две рубиновых звезды, точно глаза хищной ночной птицы, смотрели на Валентина. Однако окошко на свободу находилось слишком высоко, добраться до него могли бы лишь те же хищные птицы, и Валентин, бросив взгляд на звезды, продолжил поиски.

Так постепенно он дошел до центральных залов храмового комплекса. В одном из этих залов стояли сотни больших, в рост человека, кувшинов из обожженной глины. Лежали груды истлевших звериных шкур. Попадались бронзовые, покрытые толстым слоем зеленой

окиси фигурки богов. У одной из стен зала луч фонаря выхватил из тьмы чудовищную каменную пасть сказочного зверя, немного напоминавшего мифических земных драконов.

Присмотревшись, Валентин заметил, что тропинка среди храмовой утвари подходит к самой пасти дракона и теряется среди гигантских клыков.

Очевидно, в форме раскрытой пасти зверя древние строители храма сделали вход в какое-то таинственное помещение.

«Что там? — подумал Валентин. — Неужели выход их храма, который я ищу? Или что-то другое?»

Он протиснулся сквозь решетку полутораметровых каменных клыков и ступил на гранитный язык дракона. И в то же мгновение над головой Валентина что-то заскрежетало, глухо ухнуло.

В первое мгновение трудно было сообразить, что произошло, и лишь оглянувшись, Валентин понял: каменные челюсти захлопнулись. Забравшись в пасть каменного идола, он привел в действие древнюю систему рычагов и противовесов. Ловушка сработала. Путь назад был отрезан.

Внимательно осмотрев верхний и нижний ряды каменных клыков и не обнаружив даже малейшей щелочки между ними, Валентин полез по проходу дальше, спустился на десяток ступенек и вновь услышал за спиной скрежет. Пасть дракона раскрылась, но стоило Валентину повернуть назад и подняться на две ступеньки — скрежет повторился и каменные челюсти сомкнулись вновь.

«Попался крепко! — подумал Валентин. Он чувствовал усталость и безразличие ко всему, что с ним происходило. — Конечно, такие хитрые ловушки устроены здесь с самой определенной целью: для запугивания жителей и для охраны ценностей. Ясно, что никакого выхода из храма впереди нет...»

Он ничуть не удивился, когда, спустившись по ступенькам, попал в помещение, заваленное различными сосудами, деревянными и каменными фигурками, золотой и серебряной посудой, различными бронзовыми доспехами и оружием. Он попал в сокровищницу древнего храма.

Здесь же Валентин обнаружил три пожелтевших скелета, лежавших у большого опрокинутого кувшина.

Он живо представил себе, как трое туземцев много лет назад пришли сюда за сокровищами. Представил, как, запертые в каменной клетке, люди умирали от голода и жажды, как они опрокинули большой кувшин, в котором, возможно, хранился хмельной напиток туземцев. Представил, как трое обезумевших метались по каменному переходу, как издевательски щелкали перед ними каменные челюсти. И ему стало страшно: такая же судьба ожидала и его, если он не окажется умнее и находчивее. И Валентин еще раз подивился безупречному расчету древних туземных механиков, их примитивной, жестокой хитрости.

«Что же можно придумать? — размышлял он, восседая на опрокинутом кувшине. — Бегать по узкому проход вверх и вниз, пока каменные челюсти не сведет судорога? Боюсь, гранитные зубки хорошо притерты. Древние хитрецы, конечно, учли подобные игры. Но делать-то что-то надо... Не сидеть же лапки сложив? Побегая, вдруг и в самом деле зубки заклинит. Заклинит... По такому узенькому коридорчику не очень-то побегаешь. Скорее, ползать приходится. Вот если бы удалось обнаружить систему рычагов, приводящих в движение челюсти. Ведь сами жрецы как-то выходили из сокровищницы. Где-то должен быть замаскированный рычаг, открывающий каменную пасть...»

Валентин поднялся и стал сантиметр за сантиметром высвечивать фонариком стены и пол пещеры. Вскоре он так увлекся этой работой, что потерял всякое представление о времени. Очень терпеливо он обстукал стены, плиты пола, проверил каждую каменную ступеньку. В сокровищнице не осталось даже самого пустякового предмета, который бы он не попытался передвинуть с места на место, но древний секрет подземелья он так и не обнаружил.

Опомнился он, почувствовав сильнейший голод. По хронометру выходило, что в храме он находился более двадцати часов.

Валентин покачал головой и посмотрел на сжатые каменные клыки.

«Приличные зубки, — усмехнулся он. — Тут кувалдой не возьмешь. Только взрывчаткой или лазерным пистолетом, но у меня ни того, ни другого нет, а делать что-то нужно. Что? Еще раз все обстукать? Нет, так и с ума недолго сойти... Этот путь жрецы должны были учесть, надо доверять древним умельцам. Решение должно быть другим — простым, элегантным. Думать надо!»

Еще раз он неторопливо прошелся по ступенькам. Послушал, как опускаются и поднимаются каменные блоки.

«Как часы работают, — хмуро подумал он и тут же спохватился: — Как часы! Не с этого ли надо начинать? Как часы... Надо разгадать, представить себе хотя бы приблизительно схему, устройство каменных механизмов. Ясно, что это система рычагов, противовесов. Каменный язык — это как бы чашка весов. Когда я наступаю на него всей тяжестью тела, весы срабатывают и ловушка закрывается. Затем я спускаюсь по узкому коридорчику, дохожу до нижних ступенек — каменный дракон разжимает зубы. Значит, одна из нижних ступенек — это вторая чашка весов... Если навалить на эту вторую чашку побольше тяжестей из сокровищницы, то выход будет открытым. Хотя... это было бы слишком просто, примитивно... Но попытаться надо».

И Валентин в течение часа наваливал на нижние ступеньки тяжелые глиняные сосуды, каменные фигурки, бронзовые доспехи и оружие.

Когда куча сваленного на ступеньках почти загородила проход, он пролез по коридорчику вверх и с горечью убедился еще раз в предусмотрительности древних строителей — стоило ему влезть на каменный язык, ловушка захлопывалась.

«Что еще придумать? — размышлял Валентин. — Должна быть какая-то хитрость! Не может быть, чтобы не было выхода!»

Некоторое время он с грустью рассматривал сваленный на ступеньках древний хлам: расшитые золотом тяжелые, уже почти истлевшие шкуры, щиты, мечи, палицы, нефритовые статуэтки богов и героев. «Когда-то за всем этим охотились, это было ценностью, за это убивали и гибли, а теперь из-за всей этой ерунды, годной лишь для музея, приходится мучиться и мне».

Вдруг ему в голову пришло, что в его положении все эти древние ценности не так уж и бесполезны.

«Конечно, — подумал он, — это не плазменные резак, даже не взрывчатка, которой можно было очистить путь к свободе, но среди хрупких горшков и кувшинов встречаются довольно прочные вещи. Например, эта булава из бронзы, или эта нефритовая статуэтка летящего бога. Почему бы не попытаться еще раз?»

И Валентин собрался с силами и поволок палицу по ступенькам к выходу из драконовой пасти. Затем перетащил туда же нефритовую фигурку и еще три небольших каменных изваяния.

Все перенесенные предметы он положил один на другой и прислонил к каменным зубам с тем расчетом, что если дракон еще раз разомкнет челюсти, самый верхний предмет — булава обязательно попадет между каменными зубами и заклинит механизм.

Правда, уверенности, что каменные челюсти раскроются еще раз, у Валентина было маловато, как-никак поставленные на каменный язык предметы весили около тридцати килограммов, каменные весы могли почувствовать эти килограммы, а могли и не заметить их, если были рассчитаны на средний вес человеческого тела.

Надежда была слабенькая, но все же Валентин поспешил спуститься до нижних ступенек лестницы и прислушался.

Первые секунды сверху не доносилось звуков, и он решил, что план не удался, но затем послышался скрежет. Медленно, неохотно, каменные зубы разомкнулись. Звякнули падающие предметы.

Валентин поспешил наверх, выбрался из коридорчика на каменный язык и увидел, как дракон попытался сжать челюсти, что ему почти удалось. Между каменными зубами теперь светилась узкая щель, в которую с трудом, но Валентин смог проползти.

Измученный, голодный, но счастливый, он уселся тут же на каменные плиты, не находя сил оторвать взгляда от медленно раскрывающейся пасти. Ловушка вновь была настроена, ловушка вновь была готова принять очередную жертву.

— Э! Нет! Второй раз меня в этот желудок не заманишь! — проворчал Валентин и, подмигнув гранитной морде дракона, вытащил, из каменных клыков сплюсненную палицу и пошел к выходу из храма.

Он так устал от своих злоключений, что совершенно забыл и о Хиске, и о его стрелах, и о своем ружье. Хотелось лишь одного: еще раз взглянуть на звезды, выбраться из проклятого каменного мешка, а там... Что там — он представлял себе плохо.

На площадке перед храмом Хиска не оказалось. На прежнем месте, в трех шагах от входа в храм, лежал брошенный Валентином рюкзак. У спуска на тропинку тлели огненно-розовые угли костра. Над джунглями занимался рассвет.

Утро выдалось прохладным.

Валентин подобрал рюкзак, подбросил в костер хворосту и, придвинувшись к разгоревшемуся пламени поближе, торопливо достал банку синтетической тушенки и фляжку с соком.

Валентина не очень удивило отсутствие охотника. Услышав скрежет каменных блоков, Хиск, наверное, решил, что древние родовые боги разделались с глупым пришельцем с неба, и ушел в джунгли.

Валентин представил, как Хиск будет рассказывать родичам о своем подвиге, как высоко поднимется теперь пошатнувшийся было авторитет старых богов, и ему стало горько и смешно.

«Нет, на роль богов мы не годимся, — коварства не хватает, злости, — думал он. — А доброта, жалость, бескорыстная помощь — в этом диком, жестоком мире эти чувства и поступки пока в диловинку, их не скоро еще оценят, не быстро поймут».

Наскоро перекусив, Валентин достал из кармашка рюкзака портативную рацию, направил антенну в сторону базы и вдруг почувствовал на себе чей-то пристальный взгляд. Он оглянулся...

В пяти шагах перед ним стоял Хиск. Он стоял на коленях и молился, бил поклоны. Взгляд его был устремлен не на Валентина, а на бронзовую помятую палицу, валявшуюся в двух шагах от костра.

Прятаться Валентину было некуда, но Хиск, видимо, не собирался стрелять. Он следил за Валентином с благоговением, с безропотностью, с восхищением, с ужасом, и Валентин ясно осознал, что старец молится именно ему — технику-планетологу, руководителю маленькой группы специалистов с Земли.

И Валентин покраснел, ему стало стыдно и за себя и за Хиска, и жалко стало этого, в общем-то, очень сильного жилистого человека, который, точно слепой котенок, тыкался из угла в угол в своем страшном мире, не зная уже, каким богам молиться.

Валентин подошел к Хиску, легонько похлопал его по спине.

— Ничего, дед, бывает... — пробормотал он. — Пошли домой. Пора! Уже мало осталось.

И подобрав брошенное на тропинку ружье, перекинул его через плечо. Не оглядываясь на старика, стал спускаться по ступенькам заброшенной древней тропинки в джунгли.

Минуты через три Хиск его нагнал. Валентин услышал радостное пыхтение за спиной и бормотание:

— Мало, совсем мало осталось.

«Конечно, мало, — подумал Валентин, — сейчас на ровную площадку выйдем и вызову базу, а там через три-четыре часа прилетит вертолет — еще одно чудо... Летать-то Хиску пока не приходилось, а значит, все впереди. И не мало, а много...»

Александр Каширин **БИБЛИОГРАФИЯ ФАНТАСТИКИ⁸**

БАЧИЛО АЛЕКСАНДР ГЕННАДЬЕВИЧ (1959), Новосибирск

ВОЛШЕБНИК, рассказ, **26**⁹
ЖДИТЕ СОБЫТИЙ, рассказ, **36**
ИНЪЕКЦИЯ СЧАСТЬЯ, рассказ, **26**
ЛЕТУЧИЙ ГОЛЛАНДЕЦ, рассказ, **36**
НИ В СКАЗКЕ СКАЗАТЬ... рассказ, **36**
ПОМОЧЬ МОЖНО ЖИВЫМ, повесть, **25**
ПРОСТАЯ ТАЙНА, рассказ, **26**
УДОБНАЯ ВЕЩЬ, рассказ, **36**

БУШКОВ АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ (1956), Красноярск

ВАРЯГИ БЕЗ ПРИГЛАШЕНИЯ, повесть, **55**
ВАШ УЮТНЫЙ ДОМ, рассказ, **40**
ВЕЧЕР ДЛЯ ТРОИХ, рассказ, **55**
ВСЕ ИНАЧЕ, ИНАЧЕ, ИНАЧЕ... рассказ, **55**
ВСЕ МОГУТ КОРОЛИ, рассказ, **55**
ДЕТИ ТУМАНА, повесть, **25**
ДОЖДЬ НАД ОКЕАНОМ, повесть, **27**
И ЛОВИЛИ ТАМ ЗВЕРЕЙ, повесть, **55**
ОНА БЕЖАЛА, рассказ, **55**
ПОСЛЕДНИЙ ВЕЧЕР С НАТАЛИ, рассказ, **40**
СТОЯТЬ В ОГНЕ, рассказ, **55**
ТРИНКОМАЛИ, рассказ, **55**

ГРУШКО ЕЛЕНА АРСЕНЬЕВНА, Горький

ГОЛУБОЙ КЕДР, повесть, **27**
ДОБРЫНЯ, повесть, **56**
КАРТИНА ОЖИДАНИЯ, рассказ, **26**
РЫБКА, рассказ, **25**
ЦВЕТИЦА, повесть, **26**
ПОСЛЕДНИЙ ЧОГГРАМ, повесть, **56**
ЧУЖОЙ, рассказ, **28**
ЭКСПЕРИМЕНТ, рассказ, **57**

⁸ Настоящая библиография объединяет книжные публикации авторов данного сборника, за исключением И. А. Ефремова. Наиболее полная библиография его произведений дана в сборнике «Поиск-80» Свердловск, 1988. ВТО МПФ предполагает опубликовать в 1989 году в одном из своих сборников библиографию произведений И. А. Ефремова с учетом последних публикаций. Автор заранее благодарит всех, кто выскажет свои замечания и дополнения к данной библиографии.

⁹ См. порядковый номер далее, в списке произведений.

ДМИТРУК АНДРЕЙ ВСЕВОЛОДОВИЧ (1945), Киев

АУРЕНТИНА, рассказ, **14, 58**
БЕГСТВО РОМУЛА, рассказ, **58**
ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ АМАЗОНКИ, рассказ, **58**
ДОБРОЕ УТРО, ХИМЕРЫ! рассказ, **45, 58**
ДОРОГА К ИСТОЧНИКУ, рассказ, **58**
КОФЕ В ЧАС ВОЛКА, рассказ, **28**
ЛЕСНОЙ ЦАРЬ, рассказ, **17, 58**
МОРСКАЯ ПЕНА, повесть, **59**
НАСЛЕДНИКИ, рассказ, **42**
НОЧЬ МОЛОДОГО МЕСЯЦА, рассказ, **47, 58**
ОРУДИЕ, рассказ, **28**
ОТВЕТНЫЙ ВИЗИТ, рассказ, **46, 58**
ПАМЯТЬ, рассказ, **58**
ПОСЕЩЕНИЕ ОТШЕЛЬНИКА, рассказ, **49, 58**
ПРИШЕДШИЙ СНЯТЬ ЗАКЛЯТЬЕ, рассказ, **25**
РАЙ БЕЗ ОХОТНИКОВ, рассказ, **58**
САМСОН-ДВЕНАДЦАТЬ, рассказ, **43**
СКОЛЬЗЯЩИЙ ПО МОРЮ ЖИЗНИ, рассказ, **58**
СКОЛЬЗЯЩИЙ ПО МОРЮ КОСМОСА, рассказ, **48**
СЛУЖБА ЕВГЕНИКИ, рассказ, **58**
УЛЫБКА КАПИТАНА ДАРВАНГА, рассказ, **58**
УХОД И ВОЗВРАЩЕНИЕ РЕГИСА, рассказ, **58**
ФОРМИКА, рассказ, **51**
ЧУДО, рассказ, **14, 58**

ДЫМОВ ФЕЛИКС (СУРКИС ФЕЛИКС ЯКОВЛЕВИЧ) (1937), Ленинград

АЛЕНКИН АСТЕРОИД, повесть, **21**
БЛАГОПОЛУЧНАЯ ПЛАНЕТА ИНКРА, рассказ, **70**
БУКЛЯ, рассказ, **70**
ГОРЬКИЙ НАПИТОК «СЕЗАМ», рассказ, **1**
КОЛОБОК, рассказ, **70**
МОЙ СОСЕД, рассказ, **5**
НААВА, рассказ, **20**
ПРОВОДЫ БЕЛЫХ НОЧЕЙ, рассказ, **70**
ПРОГУЛКА, повесть, **70**
РАССКАЖИ МНЕ ПРО СТЕШИХУ, ПАПА... рассказ, **29, 70**
СОТВОРЕНИЕ МИРА, рассказ, **5**
СТРИЖ, рассказ, **70**
ТЕСТ № 17, рассказ, **70**
ШКОЛА, повесть, **35**
ЭТИ СОЛНЕЧНЫЕ, СОЛНЕЧНЫЕ ЗАЙЧИКИ, рассказ, **30**

КЛИМЕНКО ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ (1950), Новосибирск

КОНЕЦ КАРМАННОГО ОРАКУЛА, рассказ, **27**

КУДРЯВЦЕВ ЛЕОНИД ВИКТОРОВИЧ (1960), Красноярск

ОСТАНОВКА В ПУТИ, рассказ, **25**

МЕДВЕДЕВ ЮРИЙ МИХАЙЛОВИЧ (1937), Москва

КОМНАТА НЕВЕСТЫ, повесть, **60**
КУДА СПЕШИШЬ, МУРАВЕЙ?, повесть, **40, 48, 60**
ЛЮБОВЬ К ПАГАНИНИ, рассказ, **26, 50**
ПРОТЕЙ, повесть, **26**
ЧАША ТЕРПЕНИЯ, повесть, **10, 11, 60**
ЧЕРТОВА ДЮЖИНА «ОСКАРОВ», рассказ, **26, 47**

НОВИКЕВИЧ ОЛЬГА ЯРОСЛАВОВНА, Рига

ГОСТИНИЦА НА ПЕРЕКРЕСТКЕ, рассказ, **28**
ДИРЕКТОР ЗООПАРКА, рассказ, **25**

НОСОВ ЕВГЕНИЙ ВАЛЕНТИНОВИЧ (1957), Новосибирск

ЗЕМЛЕЙ РОЖДЕННЫЕ, рассказ, **25**
ПЕРЕЕЗД, рассказ, **38**
СЛЕДОВАТЕЛЬНО — ЖИВЕТ, рассказ, **27**

ПАВЛОВ СЕРГЕЙ ИВАНОВИЧ (1935), Москва

АКВАНАВТЫ, повесть, **61, 62**
АМАЗОНИЯ, ЯРДАНГ ВОСТОЧНЫЙ, повесть, **24, 70**
АНГЕЛЫ МОРЯ, рассказ, **3**
БАНКА ФРУКТОВОГО СОКА, рассказ, **8**
КЕНТАВР ВЫПУСКАЕТ СТРЕЛУ, повесть, **77**
КОРОНА СОЛНЦА, повесть, **69, 77**
ЛУННАЯ РАДУГА, роман, 1-я кн., **63, 64, 65**
ЛУННАЯ РАДУГА, роман, 2-я кн., **54, 66, 67**
МЯГКИЕ ЗЕРКАЛА (см. также «Лунная радуга», роман, 2-я кн.), **13, 15**
НЕУЛОВИМЫЙ ПРАЙД, повесть, **62, 70**
ОКЕАНАВТЫ (см. также «Акванавты»), повесть, **68**
ЧЕРДАК ВСЕЛЕННОЙ, повесть, **9, 40, 43, 68, 69**

ШАГУРИН НИКОЛАЙ ЯКОВЛЕВИЧ (1908–1983), Красноярск

АРГУС ПРОТИВ МАРСА, повесть, **76, 77**

ПИДОРЕНКО ИГОРЬ ВИКТОРОВИЧ (1953), Ставрополь

ВСЕ ВЕЩИ МИРА, рассказ, **33**
ДВЕ НЕДЕЛИ ЗИМНИХ ЧЕТВЕРГОВ, рассказ, **27**
КОНЕК-ГОРБУНОК, рассказ, **6**
МУХОБОЙ, рассказ, **27**
НИЧЬИ ДЕТИ (ЧУЖИЕ ДЕТИ), повесть, **7**
СЕЙВЕР, рассказ, **6, 25**
УКРАСТЬ У ВРЕМЕНИ, рассказ, **6**

ПИЩЕНКО ВИТАЛИЙ ИВАНОВИЧ (1952), Новосибирск

БАЛЛАДА О ВСТРЕЧНОМ ВЕТРЕ, рассказ, 27
ИЗОБРЕТАТЕЛЬ, рассказ, 27, 38
КОМАНДИРОВКА, рассказ, 27, 38
МИРОВ ДВУХ МЕЖДУ, повесть, 23
НАЧНИ СНАЧАЛА, рассказ, 27
РАВНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ, рассказ, 27, 38, 52
ЧТО ЗАВТРА ОТВЕТИТЬ?, рассказ, 53

ПУХОВ МИХАИЛ ГЕОРГИЕВИЧ (1944), Москва

АХИЛЛЕСОВА ТОЧКА, рассказ, 72
В АБСУРДОКАМЕРЕ, рассказ, 73
ВИРТУАЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК, рассказ, 73
ВОСЬМАЯ ПОСАДКА, рассказ, 72
ДВА ЛИКА ХРОНОСА, рассказ, 73
ДЕФИЦИТНЫЙ ХВОСТ, рассказ, 71
ЗВЕЗДНЫЙ ДОЖДЬ, рассказ, 71
ИМЕЕТСЯ ТОЧНЫЙ АДРЕС, рассказ, 73
КАРТИННАЯ ГАЛЕРЕЯ, рассказ, 45, 72
КОЕ-ЧТО ДЛЯ ДУШИ, рассказ, 73
КОММУНИКАБЕЛЬНЫЙ ГУМАНОИД, рассказ, 71
КОНТАКТ? НЕТ КОНТАКТА..., рассказ, 71
КОНТРАТАКА, рассказ, 72
КОСТРЫ СТРОИТЕЛЕЙ, рассказ, 44, 72
ЛИДЕР, рассказ, 71
МАШИНА ПАМЯТИ, рассказ, 71
МОНОПОЛИЯ НА РАЗУМ, рассказ, 71
МЫ И НАШИ РОДИТЕЛИ, рассказ, 71
НА ПЕРЕКРЕСТКЕ, рассказ, 73
НА ПОПУТНОЙ РАКЕТЕ, рассказ, 72
НАД БЕЗДНОЙ, рассказ, 72
НЕНУЖНОЕ — УНИЧТОЖИТЬ, рассказ, 72
НИТКА БУС, рассказ, 72
ОКНО В ФУТУРОЗОЙ, рассказ, 71
ОПЕРАЦИЯ «ПРОГРЕССОР», рассказ, 23
ОХОТНИЧЬЯ ЭКСПЕДИЦИЯ, рассказ, 41, 73
ПАЛИНДРОМ В АНТИМИР, рассказ, 72
ПИРАМИДА, рассказ, 71
ПЛАНЕТА ЗА 100 000, рассказ, 73
ПОРТ «ПЕРПЕТУУМ», рассказ, 71
ПРОПАЖА, рассказ, 43
ПУТЬ ОДНОКЛЕТОЧНЫХ, рассказ, 71
РАЗВЕТВЛЕНИЕ, повесть, 16
СВЕТ ЗВЕЗД, рассказ, 72
СЕМЯ ЗЛА, рассказ, 12, 73
СЛУЧАЙНАЯ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЬ, рассказ, 72
СПАСЕНИЕ ЖИЗНИ, рассказ, 71
СТАНЕТ СВЕТЛЕЕ, повесть, 18
ТЕРМИНАТОР, рассказ, 48, 71
УРОВЕНЬ ЖИЗНИ, рассказ, 73
УСЛУГА МАГА, рассказ, 72
ЦВЕТЫ ЗЕМЛИ, рассказ, 72

ЧЕЛОВЕК С ПУСТОЙ КОБУРОЙ, рассказ, 49, 71
ЧЕРНЫЙ ШАР, рассказ, 71

ПЬЯНКОВА ТАИСИЯ ЕФИМОВНА, Новосибирск

ОНЕГИНА ЗВЕЗДА, рассказ, 25

СИЛЕЦКИЙ АЛЕКСАНДР ВАЛЕНТИНОВИЧ (1947), Москва

БЕС ЛУНЫ, рассказ, 70
ВИРТУОЗ ТАНЦВЕРАНДЫ, рассказ, 70
ВСЕ ГЕНИИ МИРА, рассказ, 70
ВСЕМУ — СВОЕ, рассказ, 70
ГЛИНЯНЫЕ ГОДЫ, рассказ, 27
ДЕНЬ СЕДЬМОГО ГУЗЛИКА, рассказ, 70
ДЛЯ НАЧАЛА — ВЕЧНОСТЬ, рассказ, 70
И ДАЖЕ ОЧЕНЬ, рассказ, 34, 70
КИБЕРОМАХИЯ, рассказ, 30
КОГДА Я БЫЛ СОВСЕМ ДРУГИМ... рассказ, 70
КРАСНЫЙ, ЧТОБЫ УВИДЕТЬ ИЗДАЛИ... рассказ, 70
НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ, рассказ, 22
НОЧЬ ПТИЧЬЕГО МОЛОКА, рассказ, 39
ОБЫКНОВЕННЫЙ УНИКУМ, рассказ, 70
ОСЛИНЫЙ БАЛЬЗАМ, рассказ, 70
ПРОГРАММА НА УСПЕХ, рассказ, 27
ПЫЛЬНАЯ ДОРОГА, ЗВЕЗДНЫЕ ДОЖДИ, рассказ, 70
СКВОРЕЧНИК, рассказ, 70
СМОТРЕЛА В ПРОРЕЗЬ СИНЕВЫ, рассказ, 70
СНЕГ, рассказ, 70
СОЛНЕЧНАЯ СТОРОНА, рассказ, 70
ТВОЕ ПРАВО, рассказ, 42
ТЕМ ВРЕМЕНЕМ ГДЕ-ТО... рассказ, 70
ТРЕТИЙ ДЕНЬ ВЕТЕР, рассказ, 32
ТРОПИНКА, рассказ, 70
ЦВЕТОЧНАЯ ЧУМА, рассказ, 30

СУРКИС ФЕЛИКС ЯКОВЛЕВИЧ (1937), Ленинград

ПЕРЕКРЕСТОК, рассказ, 46
СЕРДЦЕ ПЛАТО, рассказ, 19

СЫЧ ЕВГЕНИЙ ЮРЬЕВИЧ (1949), Красноярск

БУДЕТ СНЕГ, рассказ, 74
ЗНАКИ, рассказ, 27
НЕ ИМУЩИЙ ВИДА, рассказ, 23
НЫНЕ ОТПУЩАЕШИ, рассказ, 74
ПАРАЛЛЕЛИ, рассказ, 74
СТУПИТЬ НА РАДУГУ, рассказ, 74

ТКАЧЕНКО ИГОРЬ АНАТОЛЬЕВИЧ (1960), Новосибирск

...ТОЖЕ РЕЗУЛЬТАТ, рассказ, 27
СОВЕТЫ НАЧИНАЮЩИМ, рассказ, 27

ФЕДОТОВ ДМИТРИЙ СТАНИСЛАВОВИЧ (1960), Томск

ДВЕРЬ, рассказ, 23
И ВСЕ-ТАКИ ОН ПОШЕЛ, рассказ, 37
ОБЫКНОВЕННЫЕ ДЕРЕВЬЯ, рассказ, 27

ЧАРУШНИКОВ ОЛЕГ ИГОРЕВИЧ (1953), Новосибирск

НА «ОЛИМПЕ» ВСЕ СПОКОЙНО, рассказ, 25
УТКОНОС, рассказ, 27
ФИАСКО ПЕТУХОВА, рассказ, 27

**ШАБАЛИН МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ (1952), Новосибирск,
ПИЩЕНКО ВИТАЛИЙ ИВАНОВИЧ (1952), Новосибирск**

НЛО ИЗ ГРАЧЕВКИ, повесть, 75 ,

ШАЛИН АНАТОЛИЙ БОРИСОВИЧ (1952), Новосибирск

АВТОРИТЕТ, рассказ, 27, 79
БЕДНЫЙ ЙОРИК (историческая фантастика), рассказ, 79
ВАКАНСИЯ, повесть, 78
ВЛЮБЛЕННЫЙ ВОЛШЕБНИК, рассказ, 79
ВНИМАНИЮ ОБЩЕСТВЕННОСТИ, рассказ, 79
ГДЕ-ТО НА КРАЮ ГАЛАКТИКИ, рассказ, 78
ДЫРКА В НЕБЕ, рассказ, 78
ЕВДОКИЯ, рассказ, 78
ЗАБЛУДИЛИСЬ, рассказ, 78
КУРИЦА РЯБА, рассказ, 78
ЛУЧШАЯ ПОЛОВИНА, рассказ, 78
МУЗЕЙНАЯ РЕДКОСТЬ, рассказ, 2, 79
НА РАССВЕТЕ, рассказ, 79
НОВОЕ О ТУНГУССКОМ МЕТЕОРИТЕ, рассказ, 78
НОВОЙ, УЛУЧШЕННОЙ КОНСТРУКЦИИ, рассказ, 79
ОБЪЯВЛЕНИЕ, рассказ, 2, 27, 79
ОБИДНО (ненаучная фантастика), рассказ, 79
ПО НЕДОСМОТРУ (фантастический рассказик из серии «Проблемы XXV века»),
рассказ, 79
ПОЙМАНЫ С ПОЛИЧНЫМ, рассказ, 79
ПРИКЛЮЧЕНИЕ КОРКИНА, рассказ, 4, 79
ПУТЕШЕСТВИЕ ТИМОФЕЯ АВОСЬКИНА ЗА ПРЕДЕЛЫ СОЛНЕЧНОЙ СИСТЕМЫ,
повесть, 78
РАЗГУЛ СТИХИИ, ИЛИ ВОСПОМИНАНИЯ НЕУДАЧНИКА, рассказ, 79
РАЙСКАЯ ЖИЗНЬ, рассказ, 27, 79
РЕДКАЯ ПРОФЕССИЯ, рассказ, 2, 79
РЫЖИЙ ХВОСТ УДАЧИ, рассказ, 79
СИЛЬНОЕ ЧУВСТВО, рассказ, 78
СКЕПТИК, рассказ, 79
СКРЫТЫЕ РЕЗЕРВЫ, рассказ, 78

СОКРОВИЩЕ, рассказ, 4, 79
СПЕЦИАЛИСТ ШИРОКОГО ПРОФИЛЯ, рассказ, 79
ЦВЕТОК, рассказ, 2, 79
ЧУДЕСНАЯ ПЛАНЕТА, рассказ, 78
ЭПИДЕМИЯ, рассказ, 79
ЭХ! МНЕ БЫ МОИ СЕМЬДЕСЯТ ПЯТЬ ЛЕТ!, рассказ, 79

* * *

1. Белый камень Эрдени: сборник/сост. Брандис Е. П.; худож. Сергеев А. — Л.: Лениздат, 1982.— 592 с. — 100 000 экз.
2. Великий Краббен: фантастика/сост. Милов К.; худож. Шуриц А. — Новосибирск: Западно-Сибирское кн. изд-во, 1983.— 256 с. — 30 000 экз.
3. Гей: альманах научной фантастики/сост. Смирнов С. А.; худож. Аникеев Д.—М.: Мысль, 1988.— 304 с. — 125 000 экз.
4. Дебют: вып. 1: сборник/сост. Прашкевич Г. М.; худож. Авдеев В. — Новосибирск: Западно-Сибирское кн. изд-во, 1980.— 461 с. — 15 000 экз.
5. День свершений: сб. молодых фантастов/сост. Никитайская Н. Н.; худож. Мартусевич В.—Л.: Сов. писатель, 1988.— 512 с. — 30 000 экз.
6. Десант из прошлого: фантаст. произведения ставропольских авторов/ худож. Атреев Ю. — Ставрополь: Кн. изд-во, 1988.— 349 с. — 15 000 экз.
7. Дополнительное расследование. Т. 2: сб. приключений, детектива, фантастики/сост. Зубцов И. В., Гельман Е. А.; худож. Шуриц А. — М.: Молодая гвардия, 1988.— 488 с. — (Румбы фантастики). — 50 000 экз.
8. Жарки: сборник/сост. Уразов И.; худож. Сафьянов В. — Красноярск: Кн. изд-во, 1968.— 216 с. — 30 000 экз.
9. Зеленый поезд: сб. научно-фантаст. произведений/сост. Якубовский А.; худож. Шимилис Д. — М.: Молодая гвардия, 1976.— 336 с. — 100 000 экз.
10. Искатель. Вып. 1.— М.: Молодая гвардия, 1983.— 128 с. — (Приложение к жур. «Вокруг света». Т. 133). — 275 000 экз.
11. Искатель. Вып. 2.— М.: Молодая гвардия, 1983.— 128 с. — (Приложение к жур. «Вокруг света». Т. 134). — 275 000 экз.
12. Искатель. Вып. 3.— М.: Молодая гвардия, 1981 — 128 с. — (Приложение к жур. «Вокруг света». Т. 123). — 250 000 экз.
13. Искатель. Вып. 4.— М.: Молодая гвардия, 1983.— 128 с. — (Приложение к жур. «Вокруг света». Т. 136). — 275 000 экз.
14. Искатель. Вып. 5.— М. Молодая гвардия, 1978.— 160 с. — (Приложение, к жур. «Вокруг света», Т. 107). — 250 000 экз.
15. Искатель. Вып. 5.— М.: Молодая гвардия, 1983.— 128 с. — (Приложение к жур. «Вокруг света». Т. 137). — 275 000 экз.
16. Искатель. Вып. 5.—М.: Молодая гвардия, 1985.— 128 с. — (Приложение к жур. «Вокруг света». Т. 149). — 275 000 экз.
17. Искатель. Вып. 6.—М.: Молодая гвардия, 1981.— 128 с. — (Приложение к жур. «Вокруг света». Т. 126). — 250 000 экз.
18. Искатель. Вып. 6,— М.: Молодая гвардия, 1982.— 128 с. — (Приложение к жур. «Вокруг света», Т. 132). — 250 000 экз.
19. Кольцо обратного времени: сб. научно-фантаст. произведений/сост. Брандис Е. П., Дмитриевский В.; худож. Кузнецов Н. — Л.: Лениздат, 1977.— 639 с. — 100 000 экз.
20. Меньше — Больше: сб. фантастики/сост. Брандис Е. П., Куклин Л. В.; худож. Михаленко С. — Л.: Лениздат, 1988.— 608 с. — 100 000 экз.
21. Мир приключений: сб. приключен. и фантаст. повестей и рассказов/сост. Балабуха А.; худож. Лыков В. — М.: Дет. лит., 1981.— 638 с. — 100 000 экз.

22. Мир приключений: сб. приключен. и фантаст. повестей и рассказов/худож. Колтунов В.—М.: Дет. лит., 1983.— 560 с. — 100 000 экз.
23. Миров двух между: сб. научно-фантаст. произведений/сост. Носов Е. В.: худож. Мосиенко С. — М.: Молодая гвардия, 1988.— 320 с. — (Румбы фантастики). — 55 000 экз.
24. На суше и на море: вып. 27. Повести, рассказы, очерки, статьи/сост. Воробьев Б. Т.; худож. Кузнецов А. — М.: Мысль, 1987.— 510 с. — 150 000 экз.
25. Помочь можно живым: сб. научно-фантаст. произведений/сост. Шувалов Л. Ю.; худож. Оминина Е.—М.: Молодая гвардия, 1989.— 555 с. — (Румбы фантастики). — 50 000 экз.
26. Простая тайна: сб. научно-фантаст. произведений/сост. Ткаченко И. А.; худож. Шуриц А. — М.: Молодая гвардия, 1988.— 64 с. — (Румбы фантастики). — 75 000 экз.
27. Румбы фантастики: сборник/сост. Ярушкин А. Г.; худож. Мосиенко С. — Новосибирск. кн. изд-во, 1988.— 512 с. — 70 000 экз.
28. Санаторий: сб. научно-фантаст. произведений/сост. Носов Е. В.; худож. Мосиенко С.—М.: Молодая гвардия, 1988.— 368 с. — (Румбы фантастики). — 55 000 экз.
29. Сборник научной фантастики. Вып. 21: сборник/сост. Гаков Вл.; худож. Дорохов М.—М.: Знание, 1979.— 256 с. — 100 000 экз.
30. Сборник научной фантастики. Вып. 22: сборник/сост. Биленкин Д. А.; худож. Басыров Г.—М.: Знание, 1980.— 240 с. — 100 000 экз.
31. Сборник научной фантастики. Вып. 23: сборник/сост. Войскунский Е. Л.; худож. Басыров Г.—М.: Знание, 1980.— 224 с. — 150 000 экз.
32. Сборник научной фантастики. Вып. 25: сборник/сост. Ключева Б. Г.; худож. Антонов А.—М.: Знание, 1981.— 200 с. — 200 000 экз.
33. Сборник научной фантастики. Вып. 27: сборник/сост. Михайлова С. Н.; худож. Басыров Г.—М.: Знание, 1982.— 240 с. — 100 000 экз.
34. Сборник научной фантастики. Вып. 30: сборник/сост. Бабенко В. Т.; худож. Дорохов М. — М.: Знание, 1985.— 240 с. — 150 000 экз.
35. Синяя дорога: фантастика/сост. Браун Ж.; худож. Ли К.-Л.: Дет. лит., 1984.— 174 с. — 100 000 экз.
36. Снежный август: фантаст, рассказы/сост. Милов К.; худож. Юрасов Ю., Иванов В. — Новосибирск: Западно-Сибирское кн. изд-во, 1985.— 272 с. — 15 000 экз.
37. Собеседник. Вып. 5: сборник/сост. Белявская Л., Прашкевич Г.; худож. Зайцев Е. и др. — Новосибирск: Западно-Сибирское кн. изд-во, 1980.— 223 с. — 50 000 экз.
38. Собеседник. Вып. 6: сборник/сост. Селькина Д., Белявская Л.; худож. Зайцев Е. и др. — Новосибирск. Западно-Сибирское кн. изд-во, 1984.— 240 с. — 50 000 экз.
39. Современная фантастика: повести и рассказы советских и заруб, писателей/сост. Бабенко В. Т; худож. Шехов С. — М.: Кн. палата, 1988.— 704 с. — 200 000 экз.
- с Страна Гонгури: научно-фантаст. повести и рассказы сибирских писателей/сост. Ермаков В. И.; худож. Бельмач Е. — Красноярск: Кн. изд-во, 1985.— 456 с. — 50 000 экз.
41. Фантастика, 1967: сборник/сост. Подольный Р. Г.; худож. Гаигалюка А. — М.: Молодая гвардия, 1968.— 416 с. — 100 000 экз.
42. Фантастика, 1969—70: сборник/сост. Подольный Р. Г.; худож. Блох А., Жутовский Б. — М.: Молодая гвардия, 1970.— 320 с. — 100 000 экз.
43. Фантастика, 1971: сборник/худож. Блох А.—М.: Молодая гвардия, 1971.—384 с. — 100 000 экз.
44. Фантастика, 73—74: сборник/сост. Бугров В. — М.: Молодая гвардия, 1975.— 352 с. — 200 000 экз.
45. Фантастика, 75—76: сборник/сост. Григорьев В.; худож. Лососинов И. — М.: Молодая гвардия, 1976.— 384 с. — 100 000 экз.
46. Фантастика, 78: сборник/сост. Шашурин Д., Осипов А; худож. Авотин Р. — М.: Молодая гвардия, 1978.— 336 с. — 200 000 экз.
47. Фантастика, 79: сборник/сост. Козлов А., Осипов А.; худож. Авотин Р. — М.:

Молодая гвардия, 1979.— 406 с. — 150 000 экз.

48. Фантастика, 80: сборник/сост. Кузнецов А., Шкирятов В.; худож. Авотин Р.—М.: Молодая гвардия, 1981.— 368 с. — 150 000 экз.

49. Фантастика, 81: сборник/сост. Кузнецов А., Медведев Ю.; худож. Авотин Р.—М.: Молодая гвардия, 1981.— 352 с. — 200 000 экз.

50. Фантастика, 84: сборник/сост. Ахметов С.; худож. Авотин Р. — М.: Молодая гвардия, 1984.— 350 с. — 200 000 экз.

51. Фантастика, 85: сборник/сост. Черных И.; худож. Авотин Р. — М.: Молодая гвардия, 1985.—384 с. — 200 000 экз.

52. Фантастика, 86: сборник/сост. Черных И.; худож. Авотин Р. — М.: Молодая гвардия, 1986.— 352 с. — 200 000 экз.

53. Фантастика, 87: сборник/сост. Рыбин В.; худож. Авотин Р. — М.: Молодая гвардия, 1987.— 398 с. — 155 000 экз.

54. Шорох прибой: Фантастика/сост. Ханбеков Л.; худож. Терещенко В. — М.: Худож. лит., 1988.— 128 с. — (Роман-газета. Т. 5–6). — 3 465 000 экз.

55. Бушков А. А. Стоять в огне: фантаст, повести и рассказы/худож. Бельмач Е. — Красноярск: Кн. изд-во, 1986.— 150 с. — 15 000 экз.

56. Грушко Е. А. Добрыня: фантаст, повести/худож. Лебедев В., Лебедев С. — Хабаровск: Кн. изд-во, 1986.— 112 с. — 50 000 экз.

57. Грушко Е. А. Последний снег апреля: рассказы/худож. Антонов В. — Хабаровск: Кн. изд-во, 1984.— 160 с. — 15 000 экз.

58. Дмитрук А. В. Ночь молодого месяца: сб. научно-фантаст. рассказов/ худож. Овчининский В.—М.: Молодая гвардия, 1984.— 271 с. — (Б-ка советской фантастики). — 100 000 экз.

59. Дмитрук А. В., Козинец Л. М., Заяц В. А. Морская пена. Передай другому. Земля необбетованная: фантаст, повести и рассказы/худож. Набережных С. — К.: Молодь, 1987.— 343 с. — (Фантастика, приключения). — 65 000 экз.

60. Медведев Ю. М. Колесница времени: научно-фантаст. повести/худож. Авотин Р.—М.: Молодая гвардия, 1983.— 271 с. — (Б-ка советской фантастики). — 100 000 экз.

61. Павлов С. И. Акванавты: фантаст, повесть/худож. Скворцов В. — Красноярск: Кн. изд-во, 1968.— 164 с. — 30 000 экз.

62. Павлов С. И. Акванавты. Неуловимый прайд: научно-фантаст. повести/худож. Соколова Г. — Красноярск: Кн. изд-во, 1978.— 272 с. — 50 000 экз.

63. Павлов С. И. Лунная радуга, кн. 1: фантаст, роман/худож. Метченко Г. — М.: Молодая гвардия, 1978.—352 с. — (Б-ка советской фантастики). — 100 000 экз.

64. Павлов С. И. Лунная радуга, кн. 1: фантаст, роман/худож. Алтынов Е. — Красноярск: Кн. изд-во; 1982.— 288 с. — 50 000 экз.

65. Павлов С. И. Лунная радуга, кн. 1: фантаст, роман/худож. Макаров Ю — М.: Худож. лит., 1987.— 111 с. — (Роман-газета. Т. 18). — 2 500 000 экз.

66. Павлов С. И. Лунная радуга, кн. 2: фантаст, роман/худож. Макаров Ю. — М.: Молодая гвардия, 1983.— 383 с. — (Б-ка советской фантастики). — 100 000 экз.

67. Павлов С. И. Лунная радуга, кн. 2: фантаст, роман/худож. Матнина Т. — Красноярск: Кн. изд-во, 1987.— 269 с. — 50 000 экз.

68. Павлов С. И. Океанавты: научно-фантаст. повести/худож. Перкель Г. — М.: Молодая гвардия, 1972.— 256 с. — (Б-ка советской фантастики). — 100 000 экз.

69. Павлов С. И. Чердак Вселенной: повести/худож. Бахтин В. — Красноярск: Кн. изд-во, 1973 — 160 с. — 30 000 экз.

70. Павлов С. И. Дымов Ф. Силецкий А. В. Неуловимый прайд: сб. научно-фантаст. произведений/сост. Игнатьева И. О.; худож. Мосиенко С., Оминина Е. — М.: Молодая гвардия, 1988.— 384 с. — (Румбы фантастики). — 60 000 экз.

71. Пухов М. Т. Звездные дожди: сб. научно-фантаст. рассказов/худож. Бай. В.—М.: Молодая гвардия, 1982.— 239 с. — (Б-ка советской фантастики). — 100 000 экз.

72. Пухов М. Г. Картинная галерея: сб. научно-фантаст. рассказов/худож. Авотин Р.— М.: Молодая гвардия, 1977.— 224 с. — (Б-ка советской фантастики). — 100 000 экз.
73. Пухов М. Г. Семя зла: сб. научно-фантаст. рассказов/худож. Онуфриев С. —М.: Молодая гвардия, 1983.— 96 с. — (Б-ка журн. «Молодая гвардия». Т. 47). — 75 000 экз.
74. Сыч Е. Ю. Параллели: повесть и рассказы/худож. Егоров В. — Красноярск: Кн. изд-во, 1987.— 152 с. — 15 000 экз.
75. Шабалин М. А., Пищенко В. И. НЛО из Грачевки: фантаст, повесть/худож. Меньшиков Д. — Новосибирск: Кн. изд-во, 1988.— 104 с. — 15 000 экз.
76. Шагурин Н. Я. Тайна декабриста: сб. приключен, и фантаст, повестей/худож. Яхнич О. — Красноярск: Кн. изд-во, 1975.—208 с. (Фантастика Приключения Детектив). — 75 000 экз.
77. Шагурин Н. Я., Павлов С. И. Аргус против Марса: научно-фантаст. повести/худож. Рогалев С. — Красноярск: Кн. изд-во, 1967.—240 с. — 30 000 экз.
78. Шалин А. Б. Вакансия: фантаст, повести и рассказы/худож. Чернов А., Гребенников С. Новосибирск: Кн. изд-во, 1988.— 280 с. — 15 000 экз.
79. Шалин А. Б. Редкая профессия: фантаст, рассказы/худож. Авдеев В. — Новосибирск: Западно-Сибирское кн. изд-во, 1984.— 160 с. — 15 000 экз.

ОБ АВТОРАХ ЭТОГО СБОРНИКА

Бачило Александр Геннадьевич

Родился в 1959 году. Окончил электротехнический институт. Работает инженером-программистом в Новосибирске. Печататься начал с середины 80-х годов. Имеет книги.

Бушков Александр Александрович

Родился в 1956 году. После окончания школы сменил много различных профессий. Сейчас работает оператором ЭВМ в Красноярской краевой больнице. Принимал активное участие в создании клуба любителей фантастики в Хакасии. Впервые опубликовался в журнале «Литературная учеба», в 1986 году вышла первая книга.

Грушко Елена Арсеньевна

Родилась в Хабаровске. По образованию филолог. Работала на студии телевидения, в редакции журнала «Дальний Восток», в Хабаровском книжном издательстве. Член Союза журналистов. Автор нескольких книг. Живет в Горьком.

Дмитрук Андрей Всеволодович

Родился в 1945 году. Кинодраматург. Автор нескольких книг, переведившихся на языки народов СССР и на иностранные языки. Живет в Киеве.

Дымов (Суркис) Феликс Яковлевич

Родился в 1937 году. Закончил Ленинградский механический институт по специальности инженер-механик. Имеет авторские свидетельства на изобретения. Первый рассказ опубликовал в 1968 году. Печатался в периодике и коллективных сборниках. Отдельные произведения переведены на иностранные языки. Живет в Ленинграде.

Ефремов Иван Антонович (1907–1972 гг.)

Известный писатель-фантаст. Автор романа «Туманность Андромеды», ставшего этапным в развитии советской фантастики. По специальности И. А. Ефремов геолог, но его интересы охватывали многие разделы науки: Ефремов — зачинатель тафономии.

Он автор фантастических и исторических произведений, переведенных на многие языки нашей страны и за рубежом. Некоторые идеи, заложенные в его книгах, нашли впоследствии подтверждение в реальной жизни, например, предсказание месторождения алмазов в Сибири.

Клименко Владимир Ильич

Родился в 1950 году. Окончил Новосибирский педагогический институт, по специальности филолог. Работал в редакциях различных газет. Член Союза журналистов. Живет в Новосибирске.

Кудрявцев Леонид Дмитриевич

Родился в 1960 году. После окончания школы служил в армии. Работает на заводе токарем. Пишет только в жанре фантастики. Публиковался в периодике, в сборниках ВТО МПФ. Живет в Красноярске.

Медведев Юрий Михайлович

Родился в 1937 году. Окончил военное училище по специальности инженер-механик, позднее — Литературный институт им. Горького. Работал в редакциях московских журналов и газет («Техника-молодежи», «Наш современник», «Комсомольская правда»), в издательстве «Молодая гвардия». В настоящее время заведует отделом прозы журнала «Москва». Член Союза писателей. Его книги переведены у нас в стране и за рубежом. Составитель различных антологий русской фантастической прозы.

Лауреат премии «Андромеда» за 1987 год.

Новикович Ольга Ярославна

По профессии журналистка. Работает в газете. Живет в Риге.

Носов Евгений Валентинович

Родился в 1957 году. Окончил техникум по специальности наладчик приборов. Работал на различных предприятиях. Заочно учится в Литературном институте им. Горького. Живет в Новосибирске.

Павлов Сергей Иванович

Родился в 1935 году. По образованию инженер-геофизик. Первый рассказ — «Банка фруктового сока» — опубликован в 1962 году в красноярском сборнике «Жарки». Долгое время жил в Сибири. Автор многих популярных книг, переведенных на разные языки. Лауреат республиканской премии «Аэлита» за роман «Лунная радуга». Член Союза писателей, председатель Совета ВТО МПФ. Живет в Москве.

Пидоренко Игорь Викторович

Родился в 1953 году. Окончил Пятигорский институт иностранных языков. Работает

редактором Ставропольского книжного издательства.

Пищенко Виталий Иванович

Родился в 1952 году. Окончил Новосибирский сельскохозяйственный институт. Работал преподавателем вуза, ответственным секретарем журнала «Сибирские огни». В 1974–1978, 1981–1987 годах находился на комсомольской работе. Автор четырех книг, переведенных за рубежом.

Пухов Михаил Георгиевич

Родился в Томске в 1944 году. Окончил Московский физико-технический институт. В настоящее время работает заведующим отделом в редакции журнала «Техника-молодежи». Автор нескольких фантастических книг.

Пьянкова Таисия Ефимовна

Живет в Новосибирске. Автор двух книг сказов. Член Союза писателей.

Силецкий Александр Валентинович

Родился в 1947 году. Окончил сценарный факультет ВГИКа. Работал в различных издательствах. Первый рассказ опубликовал в 1963 году. Неоднократно печатался в периодике, в сборниках фантастики. Лауреат международных конкурсов на лучший фантастический рассказ.

Сыч Евгений Юрьевич

Родился в 1949 году. Жил и работал в различных городах страны... Учился в Литературном институте им. Горького. Работал в печати. Пишет в жанре философской фантастики. Публиковался в газетах, журналах, литературно-художественных сборниках Сибири и Дальнего Востока. В 1987 году в Красноярске вышла его первая книга. Сейчас работает в Красноярском книжном издательстве.

Ткаченко Игорь Анатольевич

Родился в 1960 году. Окончил физический факультет Новосибирского университета. Работал преподавателем в школе. В настоящее время — младший научный сотрудник в Институте ядерной физики Сибирского отделения АН СССР. Печатался в периодике, автор двух научно-популярных книг.

Федотов Дмитрий Станиславович

Родился в 1960 году. Окончил Томский медицинский институт. По специальности — врач-биохимик. Работает в НИИ курортологии и физиотерапии. Печатался в периодике и сборниках ВТО МПФ. Живет в Томске.

Чарушников Олег Игоревич

Родился в 1953 году. Заочно учится в Литинституте им. Горького. Работает корреспондентом многотиражной газеты. Автор книги юмористических рассказов. Живет в Новосибирске.

Шалин Анатолий Борисович

Родился в 1952 году. Закончил Новосибирский университет. Работал в НИИ Сибирского отделения АН СССР, химик. Публиковался в периодике и различных сборниках, автор двух фантастических книг. В настоящее время работает в Новосибирском книжном издательстве.

